

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А.М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмах (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Л.Р. Цігарэнка
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 2 / 2018

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 16.01.2018 № 16) часопіс
«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія.
Сацыялогія» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі
Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Лепешко Б.М. Права чалавека: філосафскі аспект	5
Люкевіч У.П. Станаўленне новых тэарэтыка-культуралагічных напрамкаў у даследаваннях спорту ў канцы ХХ стагоддзя	11
Игумен Ермоген (Панасюк А.Н.) Анализ концепций мифа В. Бинсбергена и В. Дюпре в сравнении с концепцией А. Лосева	19
Смоляк С.Г. Истоки философского дискурса белорусского этноса и современность: актуальные точки соприкосновения	25
Климович А.В., Жук С.А. Смысл высшего образования в философской концепции Ортеги-и-Гассета	32
Наливайко И.М. Пространственная размерность повседневности	38

ПАЛІТАЛОГІЯ

Лысюк А.И., Лысюк Д.А. Формы и способы политического лидерства в эпоху постмодерна	43
Северин Э.Н. Теоретические подходы к трактовке политического участия	52
Семенова В.Н. Современная теория идеологии: функции и динамика развития глобальных политических идеологий в XIX–XX вв.	60
Белявцева Д.В. Региональная политика: эволюция содержания и теоретические подходы к интерпретации понятия	67
Лученкова Е.С., Мядель А.П. Онтологические основания политических предпочтений электората	75
Бровка Г.М. Инновационное развитие и национальная безопасность в политических и социально-экономических системах: вопросы методологии	80
Елдашев О.В. Пограничная безопасность как компонент национальной безопасности государства	87

САЦЫЯЛОГІЯ

Смирнова Р.А. Институциональная среда как фактор развития малого и среднего предпринимательства Беларуси: опыт социологического анализа	93
Жорновая О.И., Жорновая Е.И. Малое предпринимательство с социальной миссией: финансовая поддержка и гендерные перспективы для устойчивого развития Украины	100
Резанова Е.В. Доверие как фактор успешного регулирующего воздействия государства на развитие предпринимательства: социологический аспект	112
Кузьменко Т.В. Мотивация роста малого бизнеса и факторы, ее определяющие	122
Харитонов И.Н. Теоретические и практические аспекты развития государственно-гражданского партнерства в Беларуси	129
Балакирева Т.С. Социологический анализ социальных и хозяйственных рисков белорусского предпринимательства	135
Кавецкий С.Т. Социологическая диагностика аномических процессов в социальной структуре современного общества	144
Шевко Р.В. Специфика музыкальной коммуникации в молодежной среде	150
Скочиньска-Прокопович Б. Социальные последствия трудовой миграции для детей и юношества Подкарпатя	158

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:

S.A. Marzan

International Board:

M.M. Gromau (Russia)

A.N. Kruglashou (Ukraine)

Edvard Yarmakch (Poland)

Editorial Board:

G.I. Zaimist

(managing editor)

P.A. Vadapyanau

V.M. Vatyl

A.N. Grygarovich

C.S. Kirvel

P.P. Krus

B.M. Lyapeshka

S.V. Rashednikau

D.G. Rotman

E.Y. Skakun

V.A. Stepanovich

L.R. Tsitarenka

Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:

224016, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution

«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 2 / 2018

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 № 94 (as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 16, 2018 № 16) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical, political and social sciences

CONTENTS

PHILOSOPHY

Lepeshko B.M. Human Rights: the Philosophical Aspect.....	5
Lukievich U.P. The Emergence of New Theoretical and Cultural Trends in Sport Studies in the Late Twentieth Century.....	11
Hegoumenos Ergomen (Panasiuk A.N.) . Analysis of the Myth Concepts of V. Binsbergen and W. Dupre in Comparison with the Concept of A. Losev	19
Smoljak S.G. The Origins of Philosophical Discourse of Belarusian Ethnos and Contemporaneity: Topical Points of Consciousness.....	25
Klimovitch A.V., Zhuck S.A. The Meaning of Higher Education in the Philosophical Concept of Ortega-and-Gasse.....	32
Nalivaiko I.M. Spatial Dimension of the Everyday	38

POLITOLOGY

Lysiuk A.I., Lysiuk D.A. Forms and Methods of Political Leadership in the Postmodernity Epoch.....	43
Severin E.N. Theoretical Approaches to the Representation of the Phenomenon of Political Participation.....	52
Semenova V.N. The Modern Theory of the Ideologies Functions and the Dynamics of the Development of the Global Political Ideologies in the XIX–XX Centuries.....	60
Belyavtseva D.V. Regional Policy: Evolution of Content and Theoretical Approaches to Conceptualization of the Concept	67
Luchenkova E.S., Myadel A.P. Ontological Grounds for Political Preferences of the Electorate.....	75
Brovka G.M. Innovative Development and National Security in Political and Socio-Economic Systems: Questions of Methodology.....	80
Eldashev O.V. Border Security as a Component of State’s National Security	87

SOCIOLOGY

Smirnova R.A. Institutional Environment as a Factor of Development of Small and Medium-Sized Enterprises of Belarus.....	93
Zhornovaya O.I., Zhornovaya E.I. The Small Business with Social Ventures: Financial Support and Gender Perspective for Sustainable Development of Ukraine.....	100
Rezanova E.V. The Trust of Entrepreneurs to the State: Sociological Aspect.....	112
Kuzmenko T.V. Motivation for Small Business Growth and the Factors That Determine It.....	122
Haritonov I.N. Theoretical and Practical Aspects of Development of State-Civil Partnership in Belarus.....	129
Balakireva T.S. A Sociological Analysis of the Social and Economic Risks of the Belarusian Entrepreneurship.....	135
Kavetski S.T. Sociological Diagnostics of Anomy Processes in the Social Structure of Today’s Society.....	144
Shevko R.V. Specificity of Music Communication in the Youth Environment.....	150
Skoczyńska-Prokopowicz B. Social Consequences of Labor Migration for Children and Youth from Podkarpatie Region.....	158

ФІЛАСОФІЯ

УДК 341.231.14:130.2 (476)

Б.М. Лепешко

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: borys_lepieszko@tut.by*

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Показана связь теории прав человека с ментальностью нации, историческим контекстом. Исследуется система приоритетов, на основе которых выстраивается та или иная система идей, связанных с правами человека. Обосновывается тезис, согласно которому концепция прав человека есть следствие господствующей идеологии, политической доктрины. Рассматривается специфика понимания философско-правовых проблем в Республике Беларусь.

Существуют вопросы, без ответов на которые любые рассуждения о правах человека будут как минимум ограничены. Например, это вопрос о пределах компетенции антрополого-правовой проблематики. Говоря проще, есть ли пределы (содержательные, формальные) наших словопрений по поводу проблемы прав человека или же они отсутствуют вовсе? Права человека «завязаны» исключительно на субъект либо же возможен большой диапазон взглядов и интерпретаций во внесубъектной сфере? Как быть с интерпретацией, например, гражданско-правовых проблем в условиях, когда сталкиваются атеистическая и теистическая точки зрения? Для примера вспомним известную полемику патриарха Алексия II в Страсбурге, когда его засыпали вопросами именно такого содержания. Евродепутаты интересовались, почему Русская православная церковь резко выступает против прав сексуальных меньшинств публично заявить о своем выборе в рамках шествий, демонстраций и проч. Логика вопроса проста: если права человека первичны и обладают абсолютным статусом, то с чем связано ограничение этого статуса как в правовой, так и в религиозной сфере? Надо согласиться с тем, что при такой расстановке акцентов отвечать на поставленный вопрос сложно. Но руководитель РПЦ нашел выход именно на пути решения вопроса о приоритетах, смысловых акцентах. Он говорил, что при такой постановке вопроса образуется ложная пирамида приоритетов, своего рода пирамида неверного мышления. Не права человека первичны, это ошибочная позиция. Первичны нравственные ценности, вне контекста личного выбора человека. «Не убий», «Не укради» и т.д. – вот максимы, которые должны быть поставлены прежде вопроса о правах человека. Решение нравственных проблем автоматически решит и проблемы, связанные с правами человека в сфере сугубо интимной. Естественно, в той или иной степени. К слову, сказанное означает, что акцент с проблемы прав человека переносится на этическую проблематику, и это, на наш взгляд, совершенно справедливо. Справедливо потому, что налицо многочисленные попытки политизировать проблему прав человека, превратить ее в систему взглядов определенного мировоззренческого толка, причем этот процесс зачастую носит агрессивный, а вовсе не «чисто правовой» характер.

Тут основной вопрос связан и с тем, что мы называем национальной ментальностью, сложившимися традициями. Надо ли «ломать» устоявшиеся стереотипы, даже если они противоречат тем ценностям, которые Запад давно объявил приоритетными? Вот, например, проблема смертной казни и известная полемика по этому поводу (суть которой общеизвестна). В Беларуси продолжается и соответствующая деятельность судов, и практика приведения приговоров в исполнение. И что, перед нами неразвитые

отношения, в том числе правовые? Что, нация «не созрела» до понимания священного характера человеческой жизни? Что, религиозные догматы избирательны и фактически дискредитируют эти самые догматы? Или все же имеет смысл поискать ответы на иных полях, в том числе правовых? Скажем, вспомнить историческую школу права, детально разработанную прежде всего в Германии с ее апелляцией к истории. Современные правовые приоритеты коренятся в истории не только потому, что перед нами та или иная конкретная национальная история. Дело в том, что мы генетически несем в себе все перипетии жизни прошлых поколений, и в каком-то смысле на данной конкретной земле живет фактически одно поколение. Здесь нет никакой мистики. Право приобретает те или иные конкретные формы вовсе не потому, что «плохой правитель», что «люди не проснулись», что они «не понимают добра» и тому подобные сентенции. Нет никакой мифологизации права в ситуации, когда выбор «за тебя» сделан всеми теми людьми, которые жили здесь раньше. Конечно, мы все готовы цитировать известный диалог Иешуа с Понтием Пилатом («твоя жизнь висит на волоске, философ, и я могу этот волосок перерезать») в известном романе М. Булгакова. Мы все преисполнены глубоким уважением к самим себе, когда понимаем истину: не ты выбрал эту жизнь, она тебе дарована. Но здесь же кровь напоминает нам, как к этой жизни относились в многочисленных войнах, как нас жгли в сараях и избах, и у самых мирных толерантных обывателей эхом отзывается в душе вечный призыв «кровь за кровь».

Что может быть дороже жизни? Сакраментальный вопрос. Но ведь альтернативы тоже известны. Дороже личной жизни – жизнь близких тебе людей. Сына, дочери, внуков. Многие выбирают идею, какой бы она ни была. Кто-то говорит о чести. Вспоминаю известный бунинский рассказ про офицера, жена которого уехала на юг с любовником, и, когда муж понял это, то застрелился. Попранное чувство чести дороже жизни. В студенческие годы думал: да застрели ты их обоих, а уже потом делай, что хочешь. А сейчас понимаешь: а что это изменит? Тебя уже фактически убили самим фактом измены, чего уж тут возмущаться. Так что разговоры про исключительность жизни как минимум могут быть оспорены, как максимум – отвергнуты.

Мы вообще уделяем недостаточно внимания именно философским аспектам многих правовых решений. «Чистая» теория права, юридический позитивизм, Ганс Кельзен и сегодня имеют массу приверженцев, и это понятно и оправдано. Что может быть проще: есть нарушение закона, есть кодекс, есть формальная логика с ее правилами дедуктивного (в частности) вывода, вспоминай Аристотеля – и с Богом, в судебный (нормотворческий, иной) путь. Прочь историю, прочь психологию, что уж тут говорить о философии с ее абстрактными поисками истины. А между тем решить многие правовые проблемы вне философского контекста достаточно сложно.

Во-первых, сложное отношение формируется к привычной формальной логике. Стали распространяться идеи, согласно которым это вообще атавизм, мышление должно быть свободным, предельно широким, а не догматическим и зашоренным [1]. Но если нет формальной логики, то есть что? Здесь требуется отдельный разговор; заметим лишь, что, как правило, можно отвергать формально-логические конструкции, активно используя эти самые формально-логические конструкции.

Во-вторых, привычным рационалистическим формулам в праве ищутся альтернативы неклассического мышления, причем здесь осязательны и определенные позитивные наработки. Достаточно вспомнить в этой связи школу Санкт-Петербургского профессора А.В. Полякова и его феноменолого-коммуникативную методологию. Это в полной мере относится и к проблеме прав человека.

В-третьих, сама философия подвергается остракизму; достаточно вспомнить работы современных теоретиков, например работу Пола Фейерабенда «Прощай, разум» [2]. Возникает такое чувство, что данные и иные концепции, теории направлены чаще всего

не на формирование устойчивой, ясной, приемлемой системы знаний, сколько на разрушение стереотипов, где стереотипы вообще не имеют границ. Далеко не случайно единственно приемлемой формой выживания гуманитарного сектора знания вообще и права в частности все чаще объявляются различные интегративные теории права. Но сама по себе междисциплинарность не панацея, и исследователи это прекрасно понимают.

Если попробовать обобщить те или иные аспекты философского рассмотрения различных проблем, связанных с концепцией прав человека, то можно выделить следующие явления (процессы). Первое: важно понимать контекст, т.е. учитывать широкий спектр проблем различного характера. Когда мы говорим о контексте, то имеем в виду не только исторический или ментальный контекст. Речь идет о системе исходных посылок, связанных с важнейшими для данного конкретного социума явлениями, процессами. Для разных стран с разными историческими и иными традициями это будут разные явления. И критерий здесь один: закреплены, в том числе и в праве, те процессы, которые оставили жесткий след в душе народа, и те, которые помогли этому народу выжить. Собственно, объемы этих понятий пересекаются. Вот нашумевший Декрет Президента страны, названный людьми законом «о тунеядцах». Здесь не место для его конкретного разбора, обратим внимание лишь на тот аспект, о котором идет речь. Он что, случаен? Он что, не связан с общественными настроениями, пониманием ценности труда? Можно спорить о правовых технологиях, но нельзя возражать против закона в принципе. Еще вопрос: а не нарушаются ли этим Декретом права человека, например право ничего не делать, жить на сбережения и т.п. Да нет, ты можешь ничего не делать, только и общество стремится защитить свои права, права своих членов, и, разрешая реализацию права ничего не делать, требует компенсации тех же социальных льгот.

Второе: важно осмыслить иерархию приоритетов, связанных как с названными процессами, так и иными, например религиозными. Эта иерархия чаще всего дана нам сегодня опосредованно, в том числе и в действующем праве. Вот иногда можно услышать: данный нормативный правовой акт «не соответствует» неким идеальным представлениям, накопленному опыту (в частности западноевропейскому), присылаются в адрес МИДа или иных уважаемых органов требования «привести в соответствие» и т.д. Наверное, позицию тех, кто призывает «изменить», можно понять и надо учитывать в конкретных действиях конкретных стран. Но вот как изменить самих себя, если подобные изменения не вписываются в ту практику, которая имела и имеет место. Тут надо еще учитывать и формирующийся до сих пор характер элит. Когда появились, например, первые университеты в Беларуси, никто не забыл? А это ведь важнейший фактор становления не просто образовательного процесса, а нации в целом.

Надо упомянуть здесь и о том, что, говоря о проблеме прав человека в философском аспекте, мы говорим о конкретной эпохе, конкретном «срезе» времени. Нам сложно представить себе, что славянофилы и западники, например, обсуждали бы основные дефиниции этого феномена. И не потому, что люди той эпохи расходись во мнениях, а потому, что эти концепты не соответствовали их мировоззрению. При всей гениальности Владимира Соловьева мы не найдем в его работах обсуждения основных философско-правовых проблем, связанных с правами человека. Царство Божье на земле, Богочеловечество, оправдание добра и прочее – это было актуально и первостепенно. Для чего эта ремарка? Для понимания того, что «ткань» концепта «права человека» меняется с течением времени. Не меняются универсальные христианские (в частности) заповеди, но декларации о том, что быть должно в сфере прав человека, меняются вместе с характером эпохи. Сегодня достаточно много имеется дефиниций, которые в той или иной мере отражают требования правового характера к проблеме прав человека, однако надо помнить, что это дефиниции нашего времени, нашей эпохи, и они имплицитно несут все ее противоречия.

Третье: одно дело, если правовая система «заточена» на формальный характер законов, приоритет законов, сложившуюся веками кодификацию и дисциплинированность в части выполнения действующих нормативных правовых актов. Совсем другое, когда в основе – этические комплексы, рассуждения о «правде», «совести» и тому подобных вещах. Общеизвестно: вся национальная правовая традиция формировалась на основе именно такого, этического понимания приоритетов, и это никуда не ушло. Главный вопрос здесь вовсе не в том, что выбрать: выбор давно осуществлен, и не только нами. Главный вопрос связан с тем, насколько эффективна данная система приоритетов и каким образом сделать ее еще более эффективной.

Известно замечание Маркса о надстроечном характере права по отношению к экономическому базису. Существенных опровержений по сути этого тезиса до сих пор не последовало, разве что появляются теории, которые предлагают вместо «базиса» и «надстройки» иные категории, скажем феноменологические, синергетические и т.д. Или же в ходу интегративные концепции, где высказываются мысли о всеобщей связи явлений и процессов и важности объединить все известные подходы в новую логическую цепь приоритетов на основе новых же философских достижений (например, известный теоретик А.В. Поляков и его школа феноменолого-коммуникативного характера). А.В. Поляков отмечал, что «именно через свое ценностное наполнение и правовые нормы и правовые действия субъектов делаются сопричастными справедливости и получают моральное оправдание» [3, с. 22]. Но этот подход приемлем и при рассмотрении проблематики, связанной с правами человека. По большому счету речь идет о том, какие ценности лежат в основе существования конкретного социума, общества, а формализация этих ценностей в форме деклараций, призывов, норм имеет второстепенный характер. Другими словами, для развития теории прав человека важен и методологический аспект, обращение как к классикам жанра, так и современным теориям, а также формирование принципиально новых подходов. Один пример. Санкт-петербургский юрист И.Л. Честнов задается вопросом: «Универсальны ли права человека?» – и отвечает так: «Нет, не универсальны». Аргументы здесь известны: «Как невозможна общемировая цивилизация, так невозможен универсальный человек»; реалии конца XX – начала XXI в. «поставили под сомнение концептуальные основы, восходящие к эпохе Просвещения, на которой зиждется Всеобщая декларация прав человека» [4, с. 80] и т.д. Вывод ученого связан с тем, что многочисленные декларации о правах человека так и необходимо оценивать, именно как декларации, в которых излагаются с той или иной степенью убедительности общие принципы. На наш взгляд, этот вывод должен быть дополнен еще одним важным тезисом методологического характера: необходимы усилия обществоведов самых разных профилей на пути создания методологии нового качества и уровня, позволяющей рассмотреть (пересмотреть) те или иные узловые моменты и предложить новую концепцию (парадигму) знания, социального развития вообще, теории прав человека в частности. Нужен новый Маркс? Что ж, почему бы ему не появиться?

Философия прав человека немыслима без понимания важнейших тенденций в современной политике. Вот сегодня, например, США «ломают» привычную модель в понимании прав человека, заявляют, что выходят из Совета по правам человека при ООН. Это означает конец не только привычной либеральной концепции, которая господствовала последние десятилетия, речь идет о более существенных вещах. США и их нынешний руководитель пересматривают фактически все основные постулаты внешней политики: Европа должна сама платить по своим счетам, брать на себя большую ответственность за атлантическую солидарность, не ждать от Америки выполнения функции «ядерного зонтика» и многое иное. Исходные принципы политики и, следовательно, философии права стали иными. Главенствует национальный интерес, принцип целесообразности, но вовсе не идеология и сопутствующие процессы. Это, вообще-то, ситуа-

ция, которую еще не успели осмыслить. Главенствует подход, связанный с надеждой на временный характер новых веяний в американской политике, но весь вопрос в эффективности этой политики. Если Д. Трамп к новым выборам президента страны докажет эффективность своего подхода, то столь же существенным будет и понимание долговременности иных подходов в сфере прав человека. А это ведь не только «чистая» идеология, это существование многочисленных институтов, их финансирование и т.д. Другими словами, новая политика приведет к появлению новых доктрин и в сфере прав человека. Это будут неожиданные подходы, неожиданные явления, в основе которых не столько узлы идеологических противоречий (нынче все демократы, все за свободу и либеральную экономику), сколько признание одного центра силы в мире и ориентация на этот центр силы. Есть империя, у империи существует четкое и ясное понимание ценностей, весь вопрос заключается в степени следования этим ценностям и этим приоритетам. Станет меньше идеологической лжи, камуфлирования подлинных задач и стремлений, и сама философия прав человека станет фактором вовсе не первостепенным в отношениях между государствами, нациями. А это значит, что суть вопроса изменится мало, ведь «философия Бжезинского» и «философия Трампа» отличаются лишь по форме, по сути же это одна и та же философия.

Если разобраться, то что «не так» в деятельности Совета по правам человека с точки зрения США? Это то, что там «голосуют не так». США и Израиль несколько раз не находили понимания в Совете по поводу тех или иных своих действий. Во-вторых, это то, что в стране существует Конституция, которая регулирует все вопросы в сфере прав человека, и «надконституциональный» орган в этой ситуации не нужен. Далее: если страна и делает ошибки в сфере прав человека, то она сама и способна их исправить, без помощи «надсмотрщиков». То есть опять принцип целесообразности: нужен был США Совет по правам человека, они активно в нем участвовали; изменился вектор национальной политики – необходимость в такой деятельности отпала. Можно добавить, что этот шаг США носит локальный характер по отношению к общей тенденции, связанной с критическим отношением к ООН в целом.

Пожалуй, никогда ранее прагматический характер концепции прав человека не проявлялся так явно, как в современных условиях. Права человека – вовсе не идеал, не цель движения социума к некоему гармоническому состоянию. Права человека – инструмент, который либо соответствует господствующим тенденциям в национальной и мировой политике, либо не соответствует им. Концепцию (теорию) прав человека в этом контексте можно сравнить с судьбой марксистско-ленинской теории в нашей стране. Была эта теория провозглашена господствующей – мы ей кланялись и стремились соответствовать. Перестала таковой быть – ушла в тень, затушевалась, а в ряде случаев и вообще пропала.

Точно также и концепция прав человека: как только новый американский лидер стал исповедовать иную философию, философию прагматизма, целесообразности, национального и личного интереса, права человека потеряли свою великую идеологическую силу, и уже мало кто клянется ими в современном мире. Сила инерции присутствует, и только. Нет универсальных теорий, это аксиома. Но сколько же нашему поколению пришлось пережить в рамках давления этих самых теорий, и концепция прав человека здесь вовсе не исключение.

Надо признать: достаточно давно концепцию прав человека поняли именно в ее реальном виде – как инструмент политики. Да, существовали и существуют специалисты, которые превратили теорию прав человека в ремесло, видят в ней альфу и омегу современной политики, связывают с ней все свои политические надежды. Но для большинства было понятно: это орудие вторжения, способ навязывания иных, не национальных ценностей, и благородные идеалы Просвещения здесь имеют второстепенный

характер. Вспоминается в этой связи показательный анекдот. Иосиф Сталин как-то заметил: «Я всегда думал, что демократия – это власть народа. Но Франклин Рузвельт объяснил мне, что это власть американского народа». Точно также, перефразируя этот пассаж, можно сказать, что речь шла всегда о праве американского (западного) народа, но вовсе не о судьбах всех людей. Заслуга Д. Трампа в этом контексте проста: он назвал вещи своими именами. Он не мифологизирует, не освящает права человека. Да, их надо защищать, но во благо американского народа и на основе американской Конституции. Все предельно ясно и понятно. Но Трамп говорит и иное: каждая нация, государство вправе защищать свои ценности, свою Конституцию, и в этом его нужно поддерживать. Хотя, конечно, американский президент уверен в том, что его защита «правильнее», «долговечнее», «первичнее».

Даже сложно предположить, по какому направлению будет развиваться теория прав человека в ближайшем будущем. Возможно, это будет просто один из вариантов (частных, локальных) общей концепции формирования новой империи, призванной господствовать уже в XXI в. Возможно, эту теорию просто «забудут», а на ее место представят новые подходы, недостатка в которых не ощущается. Вполне может быть, появится новая философская доктрина, на основе которой будут пересмотрены все сопутствующие точки зрения, среди которых будет и философско-правовая. Однако скорее всего ее будут использовать в новом качестве в новых исторических условиях. Трансформируют, облагородят, придадут новые черты. Появятся новые гуру, изрекут новые вечные истины. А о старых забудут: зачем они в новом, лучшем из миров?

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лепешко, Б. М. «Антилогика»: истоки и сущность / Б. М. Лепешко, А. Б. Лепешко // Соц.-полит. науки. – 2017. – Вып. № 3. – С. 31–35.
2. Фейерабенд, П. Прощай, разум! / П. Фейерабенд. – М. : Астрель, 2010. – 477 с.
3. Поляков, А. В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения / А. В. Поляков // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 4–23.
4. Честнов, И. Л. Универсальны ли права человека? / И. Л. Честнов // Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 73–82.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.09.2018

Lepeshko B.M. Human Rights: the Philosophical Aspect

The connection between the theory of human rights and the mentality of the nation, historical context is shown in the article. The system of priorities, which is a foundation of variety of human rights systems, is discussed. The thesis, according to which the concept of human rights is a consequence of the prevailing idiology and political doctrine, is substantiated. The specificity of understanding of philosophical and legal problems in the Republic of Belarus is considered in the article.

УДК 351.855.3"19":130.2

У.П. Люкевіч

канд. філас. навук, дац., дац. каф. спартыўных дысцыплін і методык іх выкладання
 Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
 e-mail: lucul@brsu.brest.by

**СТАНАЎЛЕННЕ НОВЫХ ТЭАРЭТЫКА-КУЛЬТУРАЛАГІЧНЫХ НАПРАМКАЎ
У ДАСЛЕДАВАННЯХ СПОРТУ Ў КАНЦЫ ХХ СТАГОДДЗЯ**

Новыя тэарэтыка-культуралагічныя напрамкі ў даследаваннях спорту ў канцы ХХ ст. сталі вынікамі інтэнсіўнага развіцця навуковых ведаў з аднаго боку і імклівага пранікнення феномена спорту ў іншыя сферы чалавечай дзейнасці з другога. У спалучэнні з дамінантнымі навуковымі накірункамі, якія існавалі раней, спартыўны складнік зрабіўся важнай часткай спецыфічнага іх адгалінавання. Былі створаны адмысловыя вобласці ў даследаваннях спорту, якія ў далейшым паўплывалі на практыку гэтага віду сацыяльнай актыўнасці. Спартыўная інфармацыя, спартыўная палітыка, спартыўная эканоміка, спартыўная юрыспрудэнцыя, новыя распрацоўкі ў адносінах да спартыўнага абсталявання і інвентару шмат у чым садзейнічалі працэсу станаўлення спартыўнай інфраструктуры. Кантакты паміж названымі элементамі спрыялі ўзнікненню якасна новых фактаў і фактараў спорту.

Уводзіны

Пасля абрання ў 1980 г. на пост прэзідэнта Міжнароднага алімпійскага камітэта іспанскага маркіза Хуана Антонія Самаранча імкліва пачалі адбывацца канцэптуальныя змены ў функцыянаванні гэтай уплывовай надуродавай арганізацыі. Зразумела, што такое становішча не магло не адбіцца на сістэме навуковых даследаванняў у галіне спорту. Апошнія дваццаць гадоў мінулага стагоддзя выявілі той факт, што менавіта ў гэты перыяд стала праяўляцца зацікаўленасць у даследаваннях новых накірункаў развіцця дадзенага феномену, што выявілася ў больш шырокім ахопе тэарэтычных аспектаў. Такая выснова пацвярджалася тым, што значэнне спорту як грамадскай з'явы пастаянна расце, і менавіта гэта падаецца фактарам, які характарызуе важныя сацыяльныя працэсы ў нашым грамадстве. Такім чынам, усё больш аспектаў чалавечага жыцця становяцца звязаны са спортам.

У дадзеным выпадку пашыраецца тэарэтычнае поле навуковых ведаў на падставе сінтэтычнага падыходу з улікам вызначэння розных аспектаў спалучэння спорту з іншымі сацыяльнымі з'явамі. У прыватнасці, у новы даследніцкі блок уваходзяць такія напрамкі, якія далей атрымліваюць адпаведнае абгрунтаванне і трывала замацоўваюцца ў сацыяльнай рэчаіснасці: навуковая інфармацыя і спорт як спартыўная інфармацыя; палітыка і спорт як палітыка спорту; юрыспрудэнцыя і спорт як спартыўная юрыспрудэнцыя; тэхнічныя навукі і спорт як тэорыя спартыўнага абсталявання і інвентару; эканоміка і спорт як эканоміка спорту. Усе гэтыя пяць тэарэтычных абласцей цесна звязаны з іншымі накірункамі функцыянавання навукі аб спорце: спартыўная медыцына, спартыўная біямеханіка, псіхалогія спорту, педагогіка спорту, сацыялогія спорту, гісторыя спорту і філасофія спорту. Можна таксама дадаць, што ў сувязі са сваёй тэрміналагічнай вызначанасцю тэорыя руху, тэорыя гульні, тэорыя трэнінгу і тэорыя навучання маюць быць канстатаваныя як такія накірункі, што выкарыстоўваюцца дзеля таго, каб падкрэсліць кантэкст яшчэ іншых чатырох адметных прадметных абласцей у спартыўнай навуцы. Усе яны моцна звязаны з «дамінантнай» навукай, у прадметным полі якой адбываецца іх функцыянаванне і развіццё з улікам спецыфікі спорту.

Менавіта ў гэтым рэчышчы ў канцы мінулага стагоддзя істотна ўзрасло значэнне спартыўнай інфармацыі ў сістэме агульнай навуковай інфармацыі, колькасць якой бесперапынна павялічваецца, а змест становіцца ўсё больш важным. Тое ж самае датычыцца палітыкі спорту: у агульным палітычным вымярэнні яна вызначае становішча спорту

як грамадскай з'явы, што праяўляецца шмат якімі аспектамі ў сацыяльнай рэчаіснасці. Спартыўная юрыспрудэнцыя дэманструе пашырэнне адміністравання і бюракратызацыі ў спосабах рэалізацыі спартыўнай дзейнасці. Спартыўнае абсталяванне і інвентар з'яўляюцца неад'емнай часткай дойлідства і інжынернай думкі, хоць часам, праўда, яны ігнаруюцца. Нарэшце, эканоміка спорту ў сувязі з сучаснай эканомікай сённяшняга дня набывае статус новай ідэалогіі спорту.

Новыя тэарэтыка-культуралагічныя напрамкі ў даследаваннях пра спорт

Навука ў цэлым і спартыўная навука ў прыватнасці дынамічна развіваецца. Таму вельмі верагодна, што асобныя тэарэтычныя галіны ў бліжэйшай альбо больш аддаленай перспектыве дасягнуць такога ўзроўню, што могуць паўстаць у якасці адпаведных тэарэтычных мадэляў. Іншымі словамі, гнуткая і дынамічная мадэль для апісання аспектаў спартыўнай навукі з арыентацыяй на тэарэтычныя палі альбо тыя дысцыпліны, якія развіваюцца, з'яўляецца неабходнай у гэтым вывучэнні.

Спорт і навуковая інфармацыя. Спорт з'яўляецца часткай грамадскага жыцця і рэалізуецца ў шматлікіх формах. Ён пранікае як важная частка інфармацыйнай сістэмы далей у палітыку, эканоміку і культуру. Гэтаму ёсць доказы ў розных публікацыях у сродках масавай інфармацыі. Спорт як частка чалавечага жыцця пастаянна прадукую інфармацыю, якая перадаецца іншым і дакументуецца. Спорт з поўным правам можа разглядацца як генератар інфармацыі. Спартыўная інфармацыя, або спалучэнне навуковай інфармацыі са спортам, з'яўляецца, з аднаго боку, дадатковай часткай навуковай інфармацыі, а з другога – паўстае як тэарэтычная вобласць спартыўнай навукі. Спартыўная інфармацыя як тэарэтычнае поле развіваецца ў апошнія гады даволі імкліва дзякуючы велізарнай колькасці разнастайных фактаў пра спорт па самых розных накірунках. Працэсы атрымання, пераказвання і адваротнай сувязі інфармацыі патрабуюць, каб стратэгіі і мадэлі навуковай інфармацыі былі прыстасаваны да спорту. Гэтая задача дасягаецца праз спартыўную навуковую інфармацыю. Службовая рэгламентацыя (загады, палажэнні, пастановы і г.д.) у гэтым працэсе адыгрывае даволі важную ролю, калі прымаць да ўвагі розныя вымярэнні ў банку такіх дадзеных, як дакументы, літаратура, аўдыёвізуальныя матэрыялы. Навуковая інфармацыя сама з'яўляецца прыкладам інтэгральных навуковых ведаў, якія складаюцца з традыцыйных навук: лінгвістыкі, палітыкі, псіхалогіі, сацыялогіі і тэхналогіі. Названыя аспекты выяўляюцца менавіта тымі, хто мае дачыненне да спартыўнай навуковай інфармацыі, патрабуюць высокай ступені інтэграцыі мыслення.

У адпаведнасці з В. Кнэйерам [5, s. 126–137], да аспектаў спартыўнай інфармацыі можна залічыць шэраг складнікаў: лінгвістычны, палітычны, псіхалагічны, сацыялагічны, тэхналагічны і нарматыўны. Аднак Н. Шміц [9, s. 108–109] вызначае дакументацыю як асноўны тэрмін для інфармацыі і абгрунтоўвае свой пункт гледжання: гэта структураваны збор дадзеных і дакументаў усіх відаў, аналіз зместу і апрацоўка паводле сістэматызацыі, класіфікацыі, селекцыі, аналізу і напісання заключэння. Дакументацыя абслугоўвае хуткае і поўнае інфармаванне па адпаведных тэмах, накірунках ці навуковых праблемах. Гэта можа быць дакументацыя першасная (арыгінальныя дакументы) і другасная (бібліяграфія). Важным тут падаецца таксама і ранжыраванне дакументацыі. Віды дакументацыі (апісанне, узнаўленне, класіфікацыя) і неабходныя спецыяльныя веды па сістэматызацыі яе ствараюць сваё навуковае поле. У сістэме спартыўнай дзейнасці інфармацыйнае забеспячэнне набывае ўсё больш важнае значэнне, каб дасягнуць адпаведнага ўзроўню ў трэніровачным працэсе, а ў канчатковым выніку мець поспехі ў спаборніцтвах.

Спорт і палітыка. Спорт з'яўляецца субсістэмай грамадства, якая цесна звязана са стратэгіяй палітычнай логікі. З аднаго боку, спорт абумоўлены палітыкай адносна

сваіх магчымасцей, а з другога – спорт з’яўляецца таксама інструментам палітыкі, і існуе небяспека выкарыстання яго дзеля палітычных мэтаў у якасці ідэалогіі.

Палітыка спорту як тэрмін абазначае кожную спартыўна арыентаваную публічную акцыю як індывідаў, так і грамадскіх інстытутаў. Спартыўныя дзеянні рэалізуюцца на ўзроўні спорту як сацыяльнай сілы з адноснай незалежнасцю, а таксама і на ўзроўні дзяржавы як інстытута, які прадстаўляе арганізаванае жыццё чалавецтва. Абодва полюсы – спорт і палітыка – часамі здаюцца абсалютнымі. Магчымасці для функцыянавання палітыкі спорту на прасторы паміж гэтымі двума полюсамі з’яўляюцца, на жаль, вельмі часта непрызнанымі. Неабходны разумна арыентаваныя дзеянні палітыкі спорту ў такім накірунку як, напрыклад, спартыўнае злоўжыванне (празмерна павялічаныя амбіцыі дзяржавы пабудоваць вялікія спартыўныя аб’екты; ігнараванне праблем, звязаных з захаваннем навакольнага асяроддзя) альбо калі палітыка злоўжывае спортам (байкот Алімпійскіх гульняў; спорт як сродак нацыяналістычных дэманстрацый). Унутраныя і знешнія дзеянні з’яўляюцца прычынай палітыкі спорту. У прыватнасці, у Беларусі спорт пераважна паўстае як важнейшы механізм дзяржаўнай палітыкі, асабліва калі справа датычыцца прадстаўніцтва на міжнароднай арэне і стварэння знешне прывабнага іміджу краіны.

Тэрмін «палітыка спорту» вызначаецца як тэарэтычнае і навуковае паняцце і ўключае ў сябе ўсе праблемы палітыкі спорту. Гэта мае самае непасрэднае дачыненне да тэарэтычнага поля «палітыка спорту» (паліталогія спорту) – спартыўнай навукі ў цесным супрацоўніцтве з сацыялогіяй спорту.

Паводле С. Гюльдэнпфенніга [3, s. 138–159], элементамі ведаў палітыкі спорту з’яўляюцца: часткі спартыўнай сістэмы; інстытуты і арганізацыі спартыўнай сістэмы; людзі, адказныя за дзейнасць спартыўнай сістэмы; спартыўна-палітычныя акцыі; грамадскія інтарэсы ў спартыўнай сістэме; планы і праграмы адносна спартыўнай палітыкі; спартыўна-палітычныя падзеі; спартыўна-палітычныя ідэі і спартыўная палітыка як сацыяльная палітыка; спартыўная палітыка як форма палітычнай культуры; спартыўная палітыка як адукацыйная палітыка; уплывы палітыкі спорту на спорт і сацыяльную сістэму.

Х. Блос [2, с. 352–353] падыходзіць да гэтага пытання з іншага боку і вызначае палітыку спорту праз дзве супрацьлеглыя пазіцыі – «спорт як абазначэнне палітыкі» і «спорт як палітычна вольнае месца», якія павінны падлягаць акцэптацыі. Далей адносіны спорту і палітыкі могуць быць прадстаўлены ў двух варыянтах.

1. Палітыка спорту плануе і вырашае пытанні адносна ўнутранай і знешняй палітыкі, якая мае дычыненне да спорту ў больш шырокім сэнсе. Гэтыя дзеянні на дзяржаўным і лакальным узроўні (публічная спартыўная адміністрацыя) і на ўзроўні сацыяльных груп і інстытутаў (самаадміністрацыя ў спорце) уключаюць ў сябе задачы, прызначэнні і мэты так званага свабоднага, арганізаванага і інстытуцыяналізаванага спорту. Спорт, такім чынам, арыентуецца на паспяховае развіццё, што забяспечваецца палітыкай. Спорт не паўстае ў якасці аўтаноміі і не дзейнічае незалежна ад усяго свету. У пэўнай ступені спорт залежыць ад палітыкі і наадварот.

2. Палітыка спорту ў больш вузкім сэнсе абазначае тэарэтычнае поле спартыўнай навукі, што часам выглядае як частка сацыялогіі спорту. Але паліталогія спорту выяўляе такія погляды, што рэалізуюцца ў межах гэтай навуковай дысцыпліны: спорт і сацыяльная палітыка; спорт і палітычныя партыі; спорт і сацыяльныя ўстановы; спорт і знешняя палітыка ва ўсім свеце.

Спорт і палітыка ў сістэме грамадскіх сувязяў пераплятаюцца ва ўсё больш цесных і моцных кантактах, прычым гэтак жа ўзаемадзеянне з цягам часу стала развівацца дынамічна і інтэнсіўна на розных узроўнях функцыянавання кожнай з вызначаных аблас-

цей. Пачатак бягучага стагоддзя яскрава дэманструе, як паміж імі адбываецца працэс кантактаў і якія высновы робяцца па выніках такога часам супярэчлівага сінтэзу.

Спорт і юрыспрудэнцыя. Спорт з'яўляецца часткай жыцця грамадства, якое характарызуецца ўзрастаннем уплыву права і рэгуляцыі залежнасці на ўзроўні быцця пэўнай арганізацыі паводле самых разнастайных крытэрыяў. Ступень рэгуляцыі ў прафесійным спорце надзвычай высокая, і гэта залежыць перш за ўсё ад тых фінансавых і іншых інвестыцый, якія ёсць у гэтай сістэме сацыяльнай дзейнасці. Падобнага роду рэгуляцыя мае тэндэнцыю да памяншэння свайго ўплыву на ўзроўні федэральных адукацыйных інстытутаў, спартыўных клубаў, камерцыйнага спорту ці неінстытуцыязаванага спорту. Але па вялікім рахунку спорт як субсістэма грамадства ўсё больш і больш характарызуецца адпаведнымі законамі і правіламі на кожным з пералічаных узроўняў.

Адносна аспектаў спартыўнага права могуць быць вызначаны дзве формы, якія яўна дэманструюць сутнасць тых падыходаў, што сфармаваліся раней гістарычна, а таксама тых, што ўзніклі пад уплывам патрабаванняў сённяшняга часу.

1. Самаадміністраванне спорту, што характарызуецца сваёй асабістай сістэмай правілаў, асабліва тых, якія адносяцца да спартыўных клубаў і спартыўных асацыяцый: напрыклад, дзеля падтрымкі адпаведных законаў існуюць спецыяльныя недзяржаўныя прававыя суды.

2. Спартыўнае права можа разглядацца як сукупнасць законаў, якія могуць быць прыменены ў спорце. Гэта з'яўляецца асабліва важным для прававых сектараў, якія часткова адносяцца да публічнага спартыўнага адміністравання.

Правілы і законы маюць дачыненне да тых спартыўных дысцыплін, якія датычацца публічнай улады. Напрыклад: паветраныя віды спорту (права на паветраны рух); водныя віды спорту (права на рух па вадзе); зімнія віды спорту (закон аб ахове навакольнага асяроддзя); школьны спорт (школьныя правілы); абавязковасць закона рэгуляваць легальную адказнасць паміж спартыўным клубам і яго членамі; кампанія і яе працаўнікі ў індустрыі спорту; арганізатары спартыўных спаборніцтваў, спартсмены і гледачы. Спартыўнае права імкліва павышае сваё значэнне. Ліцэнзаванне трэнерскай дзейнасці і фармаванне сеткі спартыўных агентаў і менеджэраў напрыканцы ХХ ст. стала звычайнай справай. Спорт распаўсюджваецца па ўсё большых абшарах, адпаведна ўсё большай становіцца роля адміністравання і бюракратыі, і да таго ж павялічваецца эканамічны ўплыў на адпаведную вобласць спорту.

Э. Рэшке лічыць, што можна вызначыць тры складнікі, што характарызуюць веды спартыўнай юрыспрудэнцыі: законы, якія адносяцца да клубаў, асацыяцый, кантрактаў, абавязацельстваў, страхавання, працы і грамадскіх спраў, а таксама да адпаведнага рэгіёну краіны, дзяржавы ў цэлым у адпаведнасці з асаблівасцямі адміністравання, падаткаў, крымінальных актаў, правіл Еўрапейскай супольнасці і інш. [6, с. 160–173]. Э. Рэшке надае пільную ўвагу прававому рэгуляванню спартыўнай дзейнасці і абгрунтоўвае юрыспрудэнцыю спорту наступным чынам. Калі людзі займаюцца падобным відам дзейнасці разам, то неабходна мець правілы, прыняцце якіх мае сілу для гульні ці параўнання выступлення. Функцыі рэферы і юрыста засноўваюцца на адпаведных законах, таму што гэтыя асобы сочаць за выкананнем правіл і выдаюць санкцыі, калі правілы парушаюцца; іх дзеянні павінны быць зразумелымі і адпаведна абазначанымі. Існуе патрэба паставіць у нязручнае становішча атлета альбо каманду, якія парушаюць правілы. Для гэтага ствараюцца абавязковыя арганізацыйныя перадумовы, напрыклад права гуляць і ўдзельнічаць, абавязкі і правы ўдзельнікаў ці членаў каманды альбо клуба, што павінна быць зафіксавана ў кантрактах. Асноўнае патрабаванне спартыўнага права заключаецца ў выкананні гэтых правіл, у іх інтэрпрэтацыі, прымяненні і ацэньванні норм адносна юрыдычнага права ў спорце. Але таксама абавязкова павінны ўлічвацца іх адносіны да ўсеагульнага права [6, с. 160–161].

Спартыўная юрыспрудэнцыя ў больш вузкім сэнсе адносіцца да сістэмы норм у спорце. Гэта абазначае статус, парадак і рэгуляцыю адносін паміж клубамі і асацыяцыямі, якія займаюцца арганізацыяй спартыўнай дзейнасці. Напрыклад, свабоднае развіццё асобы і ўключэнне права на адпачынак і заняткі спортам гарантаваны Канстытуцыяй Рэспублікі Беларусь і Законам аб фізічнай культуры і спорце. Калі гэтыя правы асобы альбо іншыя правы чалавека парушаюцца, могуць узнікнуць пэўныя пытанні пра абавязковасць выканання заканадаўчых норм для атлетаў і спартыўных арганізацый. З другога боку, магчыма, што атлеты і спартыўныя арганізацыі маюць розныя пытанні да сваіх канкурэнтаў, якія таксама павінны вырашацца ў прававым полі. Спорт усё больш паўстае як феномен адносна шмат якіх частак грамадства. Але больш за ўсё пытанняў узнікае да «спорту для ўсіх», якія падыходзяць спартыўнымі арганізацыямі. Гэта адбываецца з-за таго, што ён рэгулюецца больш агульнымі законамі, якія распаўсюджваюцца таксама на спартыўнае відовішча. Адначасова з гэтымі законамі дзейнічаюць спецыяльныя правылы, якія рэгулююць адносіны паміж спортам і правам, юрыдычнай і навукай права, што дзейнічаюць ў святле сувязяў паміж спортам і правам у шырокім сэнсе.

Спорт і эканоміка. Спорт з'яўляецца такой сацыяльнай вобласцю, якая, з аднаго боку, моцна абумоўлена эканомікай, а з другога – падаецца важным эканамічным фактарам сваіх актыўных і пасіўных формаў спартыўнай рэчаіснасці. Спорт сам зрабіўся эканомікай паводле новай ідэалогіі. Эканоміка спорту, ці спартыўная эканоміка, – гэта дадатковая субдысцыпліна эканамічных навук і тэарэтычная вобласць спартыўнай навукі, якая даследуе адносіны паміж спортам і эканомікай. Камерцыялізацыя і прафесіяналізацыя спорту пастаянна ўзрастае, што найбольш заўважана ў наступных накірунках.

1. Прадметна-арыентаваная падтрымка эканомікай спорту: экіпіроўка атлетаў (спартыўная форма, абутак, апаратура) і пабудова спартыўных аб'ектаў.

2. Персанальна арыентаваныя паслугі, такія як адміністраванне ў спартыўных клубах, фітнэс-цэнтрах, спартыўных школах; праграмы спартыўнай актыўнасці, якія прапануюцца турыстычнай індустрыяй; арганізацыя спартыўных спаборніцтваў для прыхільнікаў спорту.

Эканоміка і бізнес як сучасная ідэалогія спорту. Гэта абазначае, што спорт выкарыстоўваецца для розных мэтай эканамічнай сістэмы. Разам з тым спорт з таго часу, як ён скаапераваўся са светам бізнесу, павінен асцерагацца разнастайных фінансавых скандалаў. Такім чынам, тэарэтычнае поле спартыўнай эканомікі мае справу яшчэ і з пытаннямі, якія аналізуюцца на сацыялагічным і філасофскім узроўнях.

К. Хайнэман перакананы, што для апісання асноў у эканоміцы спорту шэраг пералічаных ніжэй фактараў з'яўляюцца прыкладамі для аналізу ў дадзенай сферы: мікраэканамічная тэматыка (напрыклад, эканамічныя мэты спартыўных праграм, якія вызначаюцца ў камерцыялізаваных прадстаўленнях); мезаэканамічная тэматыка (напрыклад, эканоміка камерцыялізацыі); макраэканамічная тэматыка (напрыклад, спартыўная і эканамічная сістэма) [4, с. 184–185].

На думку Х. Блоса, спартыўная эканоміка мае справу з усімі тымі пытаннямі, якія адносяцца да спорту і эканомікі [2, с. 351]. На сёння гэтыя адносіны даследаваны толькі ў невялікай ступені. Спорт робіцца галоўным эканамічным фактарам у сучасных індустрыялізаваных дзяржавах. Мільярды долараў укладзены ў вытворчасць спартыўнай экіпіроўкі і спартыўнага адзення. У гандлі спартыўнай формай, у пабудове спартыўных аб'ектаў, у рэкламнай індустрыі і ў прафесійным спорце яскрава падкрэсліваецца эканамічны бок. Усё гэта стварае сістэму нацыянальных і інтэрнацыянальных адносін у сферы эканомікі спорту як для асобнай краіны, так і для ўсяго свету бізнесу.

Эканоміка спорту развіваецца па двух наступных галоўных лініях. З аднаго боку, навукова-тэхнічныя вынаходніцтвы спартыўнага інвентара робяць магчымым павя-

лічыць прапанаваныя рэкрэацыйныя праграмы дзейнасці і прадукаваць надзвычайныя поспехі ў выступленнях атлетаў на вышэйшым узроўні. З другога боку, статус так звананага спартсмена-аматара падпадае пад пагрозу ў сувязі з уплывам і ціскам, якія зыходзяць ад эканамічных інстытутаў. Разам з тым правядзенне буйных спартыўных спаборніцтваў з фінансавага пункту гледжання становіцца вельмі прыбыткавай справай. Асабліва гэта відна на прыкладзе тых краін, якія маюць развітую спартыўную індустрыю, сучасныя спартыўныя аб'екты, вызначаюцца добра распрацаванай сістэмай лагістыкі. Пра гэта сведчаць турніры па розных відах спорту на тэрыторыі Еўропы, у прыватнасці чэмпіянат Еўропы па футболе. Калі прасачыць, як выглядае дынаміка даходаў арганізатараў чэмпіянатаў Еўропы па футболе за апошнія дваццаць чатыры гады, то гэта можа быць зафіксавана наступным чынам (табліца).

Табліца. – Даходы арганізатараў чэмпіянатаў Еўропы па футболе, млн еўра [1, с. 226]

Год	Краіна правядзення	Колькасць удзельнікаў	Даход
1992	Швецыя	8	40,9
1996	Англія	16	147,3
2000	Бельгія і Галандыя	16	229,9
2004	Партугалія	16	855,2
2008	Аўстрыя і Швейцарыя	16	1 350,9
2012	Польшча і Украіна	16	1 390,9
2016	Францыя	24	1 930,0

Спартыўная індустрыя. Спорт з'яўляецца формай чалавечага руху і паводзін, якія залежаць звычайна ад абсталявання і экіпіроўкі. Гэтая залежнасць мае крэатыўны бок у адносінах да новых ліній развіцця спартыўнага абсталявання і спартыўнай экіпіроўкі, што, у сваю чаргу, уплывае на развіццё новых тэхнічных і тактычных уменняў і ўвогуле новых спартыўных ведаў (напрыклад, дэльтапланерызм, сноўбордынг). Павелічэнне колькасці спартыўных дысцыплін, урэшце, з'яўляецца таксама вынікам развіцця адпаведнага інвентара. Такім чынам, існуюць узаемныя адносіны паміж спортам і спартыўным абсталяваннем і экіпіроўкай.

Тэма спартыўнага абсталявання і экіпіроўкі патрабуе ўвагі па некалькіх аспектах. Заняткі спортам патрабуюць наяўнасці разнастайнага рэквізіта. Спартыўная форма і спартыўныя дысцыпліны катэгарыязаваны ў адпаведнасці з наступнымі крытэрыямі: практыка спорту з адпаведнай апаратурай альбо без яе; летнія віды спорту – зімовыя віды спорту; водныя віды спорту – паветраныя віды спорту; спаборніцтвы ў памяшканні (пад дахам) – спаборніцтвы на паветры і г.д. Тэорыя спартыўнага абсталявання і экіпіроўкі ўключае ў сябе ўсе аспекты развіцця, вытворчасці, выкарыстання, падтрымкі і ўзнаўлення ў гэтым накірунку. У спорце падчас спаборніцтваў абсталяванне і экіпіроўка павінны адпавядаць пэўным патрабаванням.

Тэрмін «спартыўнае абсталяванне» (пад гэтае акрэсленне падпадаюць спартыўнае, гульнявое і рэкрэацыйнае абсталяванне) абазначае сукупнасць усіх інструментаў, якія абслугоўваюць практыку спорту і выкарыстоўваюць у спартыўна арыентаваны вольны час. Яго адрозненне ад звычайнага абсталявання характарызуецца спецыфікай пэўных спартыўных дысцыплінаў. Тэрмін «спартыўная экіпіроўка» выкарыстоўваецца ў адпаведных спартыўных дысцыплінах. Гэтая экіпіроўка ўключае спартыўную вопратку і спартыўны абутак і можа быць разгледжана як неабходная форма (рэквізіт) для заняткаў спортам. Спартыўная экіпіроўка можа быць катэгарыязаваная ў адпаведнасці з наступнымі крытэрыямі: малая ці вялікая экіпіроўка; экіпіроўка, якая разбіраецца на часткі, і апараты, на якіх адбываюцца спаборніцтвы; абсталяванне, якое рухаецца чалавекам; абсталяванне для выкарыстання пад дахам і на паветры.

У адпаведнасці з Ф. Роскамам [8, с. 174–183], у якасці характарыстыкі спартыўнага абсталявання і экіпіроўкі могуць быць адносіны паміж відам спартыўнага абсталявання і экіпіроўкі і планаваннем, як выкарыстаць гэтае абсталяванне і экіпіроўку. Маюцца на ўвазе перш за ўсё такія спецыфічныя аспекты, як награванне, акустыка, магчымасць пашкоджання, гігіенічная сістэма, шматразовасць выкарыстання, штучныя прыстасаванні. Прыкладамі ў дадзеным выпадку выступаюць такія спартыўныя дысцыпліны, як веславанне, веласіпедны спорт, лыжны спорт, тэніс. Ф. Роскам аналізуе тэрмін «спартыўнае абсталяванне» праз уключэнне ў гэтае паняцце ўсіх тых дзеянняў, што адносяцца да планавання запытаў, падрыхтоўкі плану і пабудовы абсталявання для рэкрэацыі, гульні і спартыўнага спаборніцтва. Сюды дадаюцца таксама прыстасаванні для абслугоўвання спартыўнага абсталявання [7, с. 362–369].

У межах правіл заняткаў па рэкрэацыі, гульні і спартыўных спаборніцтваў гэтае абсталяванне з'яўляецца фіксаваным. Яно выкарыстоўваецца на адкрытым паветры, ігральных пляцоўках і спартыўных палях. Яго адметнасць можна ўбачыць у патрэбах для спартыўнай гімнастыкі, воднага пола, для памяшканняў і г.д. Спецыяльнае абсталяванне прадукуецца для пэўных спартыўных дысцыплін, для спартыўных цэнтраў. Асноўная перадумова забеспячэння адэкватнага інвентара для людзей, якія цікавяцца спортам у межах правядзення вольнага часу, арыентаванага на здаровы лад жыцця, – аналіз чалавечых запытаў як базавага вызначэння неабходнага рэквізіта. Гэта адносіцца да патрабаванняў гульні ў дашкольным узросце, для школьнага спорту, клубнага спорту (спорт для ўсіх) і спорту вышэйшага ўзроўню, а таксама для рэкрэацыі.

Заклучэнне

Якасныя змены ў сістэме спартыўнай дзейнасці, якія імкліва сталі адбываліся ў апошнія дваццаць гадоў мінулага стагоддзя, галоўным чынам паўплывалі на легітымізацыю прафесіяналізма, што ў спалучэнні з тэндэнцыяй камерцыялізацыі прымусілі да інтэнсіфікацыі развіцця, функцыянавання і распаўсюджвання шмат якіх фактараў у гэтай галіне. На Алімпійскія гульні сталі дапускаць прафесійных спартсменаў, чаго раней не было. Варта дадаць, што ўсе папярэднія спробы змяніць правіла 26 Алімпійскай хартыі, дзе ўтрымліваўся запіс пра допуск на ўдзел у спаборніцтвах, сутыкаліся з негатыўным успрыманням з боку вышэйшых уладаў МАК.

Імклівае развіццё новых накірункаў у рэчышчы фармавання сучаснай інфраструктуры спорту мае сваё лагічнае тлумачэнне ў павелічэнні ролі інфармацыйнага забеспячэння на кожным узроўні функцыянавання гэтай грамадскай з'явы. Уплыў інфармацыі пачынае дамінаваць ад пачатковых ступеняў у першасным падыходзе да навучання асноўным элементам фізічных практыкаванняў і гульніў да рэалізацыі галоўных мэтаў і задач на ўзроўні прафесіяналізацыі. Асобна можна гаварыць пра палітыку спорту, ці, больш дакладна, дасягненне розных палітычных мэтаў сродкамі спорту. На прыкладзе розных краін можна прасачыць глабальную тэндэнцыю, што спартыўныя дасягненні падаюцца як узорная і паспяхова практыка дзейнасці дзяржавы ўвогуле. Найлепшыя спартсмены прэзентуюць той сацыяльны лад, чый сцяг яны ўслаўляюць. Прычым спартыўная міграцыя пачала перасягаць усе фармальныя межы, і нацыянальная прыналежнасць паступова губляе свае сутнаснае прызначэнне. Такое становішча знаходзіць свой адбітак і ў сістэме юрыспрудэнцыі, дзе да таго ж у шмат якіх выпадках дамінуе падзел на спартыўны арбітраж і судовае справаводства ў звычайным яго вымярэнні. Гэта можа назірацца тады, калі спартыўныя федэрацыі забараняюць вырашаць спрэчныя пытанні на ўзроўні грамадзянскіх судовых адносінаў. Зрэшты, спартыўнае абсталяванне, інвентар, пабудова спартыўнай інфраструктуры ўсё больш моцна звязваюцца з эканомікай спорту, з усімі тымі дадатковымі дывідэнтамі, якія можна атрымаць ад такога роду спецыфічнай сацыяльнай дзейнасці. Варта яшчэ раз падкрэсліць, што ўсе на-

звання вишэй напрамкі ні ў якім разе не дзейнічаюць паасобку, яны функцыянуюць і развіваюцца шырэй дзякуючы тым кантактам, якія маюць паміж сабой. Менавіта таму ў працэсе далейшага развіцця і распаўсюджвання спорту як сацыяльнага феномену паўстаюць новыя якасныя формы гэтай узаемнай сувязі, якія ў выніку ствараюць раней неведомыя віды і інварыянты чалавечай жыццёвай дзейнасці.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Люкевіч, У. Спартыўны турызм: ад EURO-2012 да EURO-2016. Футбольныя заўятары ў святле новых сацыяльных рэаліяў і трэндаў / У. Люкевіч // Географія, эканоміка і турызм: нацыянальны та міжнародны досвід : матэрыялы юбілейнай X Міжнар. наук. конф. – Львів : Львів. нац. ун-т ім. Івана Франка, 2016. – С. 226–231.

2. Bloss, H. Sportökonomie / H. Bloss // Sportwissenschaftliches Lexikon / P. Röthig (red.). – Schorndorf : Hofmann, 1983.

3. Güldenpfennig, S. Politikwissenschaft und Sport – Sportpolitik / S. Güldenpfennig // Theorie- und Themenfelder der Sportwissenschaft / H. Haag, B. G. Strauß, S. Heinze (red.). – Schorndorf : Hofmann, 1989. – S. 138–159.

4. Heinemann, K. Ökonomie des Sports / K. Heinemann // Theorie- und Themenfelder der Sportwissenschaft / H. Haag, B. G. Strauß, S. Heinze (red.). – Schorndorf : Hofmann, 1989. – S. 184–197.

5. Kneyer, W. Informationswissenschaft und Sport – Sportinformation / W. Kneyer // Theorie- und Themenfelder der Sportwissenschaft. – Schorndorf / H. Haag, B. G. Strauß, S. Heinze (red.). – Schorndorf : Hofmann, 1989. – S. 126–137.

6. Reschke, E. Rechtswissenschaft und Sport – Sportrecht / E. Reschke // Theorie- und Themenfelder der Sportwissenschaft. – Schorndorf / H. Haag, B. G. Strauß, S. Heinze (red.). – Schorndorf : Hofmann, 1989. – S. 160–173.

7. Roskam, F. Sportstätten / F. Roskam // Sportwissenschaftliches Lexikon / P. Röthig (red.). – Schorndorf : Hofmann, 1983. – S. 362–369.

8. Roskam, F. Technik-orientierte Wissenschaften und Sport – Übungsstätten Geräte / F. Roskam // Theorie- und Themenfelder der Sportwissenschaft / H. Haag, B. G. Strauß, S. Heinze (red.). – Schorndorf : Hofmann, 1989. – S. 174–183.

9. Schmitz, N. Sportdokumentation / N. Schmitz // Sportwissenschaftliches Lexikon ; P. Röthig (red.). – Schorndorf : Hofmann, 1983. – S. 108–109.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.06.2018

Lukievich U.P. The Emergence of New Theoretical and Cultural Trends in Sport Studies in the Late Twentieth Century

New theoretical and culturological developments in sports research in the late twentieth century were necessarily presented as a result of the intensive development of scientific knowledge, on the one hand, and the rapid penetration of the phenomenon of sport into other spheres of human life activity, on the other. In combination with the dominant scientific directions that existed before, the sports component became an important part of their specific branch. In this case, specific areas were created in sports research, which later influenced the practice of this type of social activity. Sports information, sports policy, sports economics, sports law, new developments in the field of sports equipment and equipment have greatly contributed to the process of developing the sports infrastructure. Mutual contacts between the listed elements have influenced the emergence of qualitatively new facts and factors of sport.

УДК 291.13

Игумен Ермоген (А.Н. Панасюк)

магістр богасловія, аспірант Мінскай духоўнай акадэміі,
преподаватель Мінскай духоўнай семінарыі,
преподаватель Інстытута тэалогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
e-mail: 1671070@gmail.com

**АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ МИФА В. БИНСБЕРГЕНА И В. ДЮПРЕ
В СРАВНЕНИИ С КОНЦЕПЦИЕЙ А. ЛОСЕВА**

Концепция мифа, разработанная русским философом А. Лосевым в 20-х гг. XX в., осталась практически неизвестной в западном академическом сообществе. В статье проводится обзор философского осмысления мифа двумя современными западными учеными – В. Бинсбергеном и В. Дюпре. Делается вывод о фактическом совпадении их основных положений с анализом мифа А. Лосева. Сделан вывод, что концепция Лосева выгодно отличается тем, что содержит четкую методологию осмысления мифа, носящую название «диалектика мифа» и обладающую статусом метатеории. Создание такой методологии постулируется В. Бинсбергеном и В. Дюпре лишь в качестве задачи.

Введение

Почти сто лет назад в кратком предисловии к своему труду «Диалектика мифа» А. Лосев отмечал, что как богословы, так и этнографы оскандалились при объяснении мифа, сводя его к тому, что не есть миф сам по себе, и поставил задачу «вырвать учение о мифе и из сферы ведения богословов, и из сферы ведения этнографов» [1, с. 33].

Целью данной статьи является анализ двух современных концепций мифа, принадлежащих этнографу В. Бинсбергену и философу В. Дюпре, который занимается осмыслением религиозного опыта. В ходе этого анализа показывается, что спустя почти век основные принципы философского осмысления мифа А. Лосевым начинают осознаваться западными мыслителями.

Современный антрополог и этнограф Вим Ван Бинсберген с своей статье «Rupture and Fusion in the Approach to Myth: Situating Myth Analysis Between Philosophy, Poetics and Long-Range Historical Reconstruction» размышляет о предпосылках научной постановки проблемы анализа мифа. В частности, касаясь этимологии слова «миф», он замечает, что оно со времен Гомера имело значения «слово», «речь», «рассказ», но без указания на их истинность или ложность. Бинсберген отмечает, что Шеллинг был первым, кто «развил очень тонкий философский подход к мифологии» [2, с. 305]. А вот академическая наука с середины XIX по середину XX в. противопоставляла миф научному мировоззрению, полагая себя вне мифологии (out there). Первым, кто указал на разрыв с мифологией как конститутивный признак эпохи Просвещения, был, по мнению Бинсбергена, Кассирер, который, несмотря на тонкое антиредукционистское, символическое понимание мифа, остался истинным представителем Просвещения, так как считал миф ложной формой восприятия действительности. Данное рассуждение Бинсбергена фактически полностью воспроизводит мнение Лосева по этому поводу, который к указанным философам добавлял еще и Прокла как первого, кто дал диалектическое обоснование мифа. Лосев считает, что именно у этих авторов имеются «три весьма обстоятельных концепции мифа» [3, с. 183].

Не зная о трудах Лосева, Бинсберген считает, что в первой половине XX в. всеми исследователями, кроме Кассирера, миф представлялся как рациональная попытка ложной репрезентации действительности. Во второй половине XX в. крупнейший антрополог Леви-Стросс много сделал для сравнительного анализа мифологий, но критерии его структурного полярно-опозиционного анализа были описательными и не дава-

ли философского понимания сути мифа. Схожим образом критикует структурализм Леви-Стросса и Лосев, отмечая, что «в мифологии возможно выделить структурно-тематическую сторону, но эта сторона мифологии далеко не единственная» [4, с. 463].

Далее Бинсберген пытается дать предварительное определение мифа, отмечая большое разнообразие таких определений у разных исследователей. У Бинсбергера «миф в самом широком смысле понимания означает слово, речь, рассказ о божественных событиях» [2, с. 311]. Сходное определение дает Элиаде: «Миф рассматривается как сакральное повествование и, следовательно, как событие, действительно произошедшее, так как оно всегда имеет отношение к определенным реальностям» [5, с. 16]. Но Бинсберген, рассматривая понимание мифа Элиаде, отмечает в нем некую функциональность. Элиаде говорит не о непосредственном восприятии мира в мифе, а о сознательной опосредованности мифом этого восприятия. Также он не согласен с Элиаде, который сводит все мифы к космологическим и этиологическим видам. Бинсберген, будучи одним из ведущих специалистов по африканской культуре, отмечает теоретическую предвзятость понимания мифа Элиаде, так как сведение понятия мифа только к письменной традиции неоправданно сужает область его применения. Нам представляется, что с этой оценкой понимания мифа Элиаде вполне был бы согласен и Лосев, у которого как в ранних, так и в поздних произведениях содержалась резкая критика функционалистских трактовок мифа и подчеркивался непосредственный характер восприятия действительности в мифе, для объяснения которого «совершенно недостаточно обращения к отдельным способностям человеческого духа, хотя бы уже по одному тому, что эти способности сами требуют для себя объяснения» [4, с. 464]. Причем Лосев не отвергает полностью каждую из теорий мифа, а лишь указывает на их ограниченность, на что указывает и Бинсберген.

Бинсберген дает следующее развернутое определение мифа:

- 1) рассказ (нарратив);
- 2) имеет унифицированную форму;
- 3) используется коллективно;
- 4) имеет для данного коллектива важное и устойчивое значение;
- 5) конституирует жизненный мир его обладателей в отношении всей действительности в перспективе прошлого, настоящего и будущего (независимо от того, сознают они это или нет);
- 6) как следствие, имеет собственное представление об истине, независимо от того, разделяется ли оно извне.

Нетрудно заметить, что в данном определении воспроизводится то, о чем говорил Лосев в «Диалектике мифа», понимая миф как «в словах данную чудесную личностную историю» и подчеркивая, что каждое понятие в данной формуле получило четкое феноменолого-диалектическое определение. Коллективный характер мифа у Бинсбергера соответствует категориям «личность» и «история» у Лосева, а мифологическая истинность и непосредственность соответствуют понятию «мифологическая чудесная целесообразность».

Не обладая четкой философской методологией анализа мифа, Бинсберген считает, что она должна формироваться в поле напряжения между разрывом (*rupture*) и слиянием (*fusion*), что предполагает антиномию деконструкции мифа и ее снятия. Бинсберген прямо говорит, что презрительное отношение к мифу само является мифом научной рациональности, объективности и универсальности, которые «могут существовать только в той степени, в которой они сами возведены в ранг мифа и помогают удобно расположить этот жизненный мир среди других североамериканских современных мифов (таких как демократия, рынок, права человека) – последние мифы, главным образом, невидимы для нас в качестве мифов, подобно вдыхаемому воздуху» [2, с. 322].

Такая позиція повністю сапраўды адпавядае наступнаму ўтверджэнню Лосева: «Як бы ні адносіцца да міфалогіі, всякая крытыка ёе ёсць заўсёды толькі прапаведзь інакш, новай міфалогіі. Міф ёсць канкрэтнейшае і рэальнейшае явіненне сущага, без всякіх вычотаў і оговораў, – кога да прадстоіць як жывая дзейнасць» [6, с. 771]. Бінсберген надае буйнае значэнне шырокамасштабнаму (глобальны ахват всех культур) сраўняльнаму аналізу міфаў, но не спосабен матадологічна сапраўды абсававаць сувязь філасафскага лагоса са міфам.

Данный вопрос находится в центре внимания австрийского философа Вильяма Дюпре, который уже много лет занимается соотношением опыта, в частности религиозного, с его разумным осмыслением, особо выделяя при этом категорию «миф». В своей статье «Миф – вызов философии» [7] Дюпре с самого начала замечает, что как бы ни относились к мифу (считали ли его важным или детским иррациональным пережитком), необходимо честное философское исследование, что есть миф в его существе, так как мы не можем заранее исключить возможность того, что миф является неперемным услонвием нашего существования как в практическом, так и в теоретическом аспекте: «Поскольку не подобает для философии руководствоваться предубеждениями без их исследования, мы должны быть открытыми для всех возможных последствий при изучении мифа и независимыми от них» [7, с. 340]. Надо принимать новые данные, но не забывать, что и сама субъективность имеет объективный характер, так как она является «всегда предметом интересности и культурных процессов, которые формируют и ту, и другую» [7, с. 341]. Более того, можно поставить вопрос о том, а не является ли то или иное философское исследование мифа с целью демифологизации своей собственной мифологизацией?

Самым распространённым отношением к мифу является научно-презрительное: наука разогнала туман религиозно-мифологического мракобесия. Не менее частым является объявление мифом чужой точки зрения, с которой не согласны. Это, конечно, нельзя назвать подлинно философским отношением к мифу. Дюпре подчёркивает, что истина мифа сильно зависит от социально-исторического контекста, в котором он используется. Что было истиной вчера, может не быть истиной сегодня, и то, что является истиной сегодня, уже может не быть истиной завтра. Дюпре отмечает, что подлинное философское исследование не должно ориентироваться на словесную форму взаимного навешивания ярлыков, а беспристрастно выяснять, чей миф истинен. «Охаивание» чужого мировоззрения как мифического ('myth-calling' от «name-calling») является лишь выражением своего собственного мифа, или, как называет это Лоуренс Купе, «myth of mythlessness» [8, с. 9].

Дюпре считает, что для адекватного понимания категории «миф» необходимо обратиться к первобытнообщинной эпохе в истории человечества, к «культуре собирателей и охотников» [7, с. 346]. Он отмечает, что в эту эпоху именно миф является ключевым фактором формирования как социальной реальности, так и индивидуального сознания. Для первобытных людей миф не рассказ о случайных событиях и не разработка каких-то понятий, а просто жизненная очевидность («pattern of evidences by which people live»): «Миф повествует о том, что значит быть человеком» [7, с. 347]. Дюпре подчёркивает, что на этой стадии развития, когда мифы ещё не сформировались в виде нарративов, они являлись результатом социальных отношений внутри первобытного коллектива, которые и детерминировали его существование.

Этот подход целиком и полностью разделялся и Лосевым, который в ряде работ раскрыл историческую динамику формирования мифологического восприятия действительности и переход его к философскому лагосу. Интересно, что Лосев показал связь древних синтаксических структур как с соответствующим типом мышления, так и с социальной практикой первобытных времён [9, с. 246, 280].

С другой стороны, Дюпре отмечает необходимость учета динамического аспекта мифологии: «Мы имеем дело с мифом как *развернутыми* повествованиями, а с мифическими именами и понятиями как *объемлющими* эти повествования и весь уклад человеческой жизни» [7, с. 348]. Отсюда, по его мнению, вытекает существование определенной оппозиции между тем, как мифы выражены в конкретных повествованиях, и скрытыми мифами (*latent myths*), которые в них проявляются частично.

Оппозиция «миф – мифическое», т.е. конкретный миф и его социально-историческое выражение, порождает ряд важнейших вопросов о взаимоотношении и взаимной оценке разных мифологий в процессе их исторического развития. Дюпре говорит: «Ответ на этот вопрос зависит от нашего понимания человеческой культуры: с одной стороны, значения языка и коммуникации, а с другой – предпосылок мышления и традиции» [7, с. 349]. Тут Дюпре переходит к базовым условиям способности к осмыслению и пониманию мифического как неуловимо ускользающего не объекта, а «источника духовного света», в котором предстает любой наш опыт.

На чем же базируется осуществление этой способности? Дюпре пишет: «При реализации этой способности мы зависим от использования рациональных процедур, обеспечивающих адекватное понимание. Но чтобы быть разумными, мы полагаемся на действительность, насколько она призывает нас полагаться на разум. И когда действительность предстает как содержащая разум и истину, такое явление есть не следствие, а условие рациональных способностей, при этом являясь как результатом мифологических процессов, так и развиваясь вместе с ними во взаимодействии внутренней расположенности и внешней активности» [7, с. 350].

Дюпре отмечает, что категории разума и бытия представляют собой как бы матрицу для формирования разных мифологий. Он также отмечает особое значение того напряжения, которое возникает между пониманием одного и того же слова в разных традициях. При этом философия и наука не являются исключением, и они будут обманывать себя, пока открыто не поставят вопроса о возможной зависимости своих положений от мифологических представлений: «Дело не в том, являются ли мифы и мифологии “примитивными” формами науки (которыми они не являются), но формируют ли они, и если формируют, то как, ту среду, в которой мы существуем как люди, в которой мы осознаем сами себя и всю действительность и на основе которой мы способны действовать как разумные существа» [7, с. 350].

Другим важным вопросом является эпистемологический аспект проблемы мифа, т.е. как происходит осмысление конкретного опыта, сформированного той или иной культурой. Дюпре отмечает, что этот вопрос является «частью проблемы межличностных отношений в форме самопонимания и понимания других» [7, с. 351], т.е. интерсубъективности. Также он подчеркивает, что, хотя на протяжении всей истории изучения мифа ему придавалось множество различных значений, все же, не пренебрегая проделанной работой, надо обратиться к *буквальному* пониманию мифа.

В заключение Дюпре указывает на онтологическую значимость мифа. Он считает недостаточным проведенное Куртом Хюбнером различие научной и мифологической онтологий как равноправных способов осмысления опыта, без выяснения их взаимоотношения и условий их возможности. Для этого выяснения он привлекает ранее упоминавшееся различие мифа и мифологий с акцентом на всеобъемлющее значение мифа и производность мифологий. Дюпре пишет: «Поскольку правильно то, что миф состоит из конфигурации очевидностей в смысле естественности и что он утверждает таутегории с их собственным смыслом, то тогда не может быть сомнения, что миф – это всегда *целое*, неважно, насколько ограниченным он является фактически» [7, с. 352]. По мнению Дюпре, это гипотеза, но она должна быть рассмотрена как одна из возмож-

ностей взаимоотношений между мифом и логосом. Миф должен предстать в свете логоса, но при этом напоминать логосу, что он от него родился.

По нашему мнению, можно смело констатировать, что У. Дюпре из всех западных исследователей наиболее близко подошел к такому пониманию мифа, которое у Лосева оформилось почти столетие назад. Дюпре не только подчеркивает универсальный характер мифологии, но и делает попытку обобщения, когда он понимает любую историческую мифологию как частное проявление единого всемирноисторического Мифа. На каких принципах основан этот Миф, не говорится, но подчеркивается интересубъективный характер любой мифологии и единство в мифе субъективного и объективного. На основе этого Дюпре ставит задачу построения философской метатеории мифа, т.е. фактически приходит к тому, что Лосев определил как диалектика мифа. Дюпре также упоминает диалектический метод, но далек от его осознанного применения.

Так же, как и Лосев, Дюпре подчеркивает важную роль, которую в мифологии играют имена. Говоря о развернутом мифическом повествовании и заключенности этого повествования в едином имени, Дюпре фактически воспроизводит определение Лосева, согласно которому «миф есть развернутое магическое имя» [1, с. 214].

Так же, как и Лосев, Дюпре отмечает символическую природу мифа и его неустрашимую социальную роль. Он ставит задачу не противопоставления мифа другим формам социального бытия и знания, а внимательного изучения их взаимообусловленности. Таким образом, его философия мифа практически воспроизводит основные методологические положения диалектики мифа Лосева, но без конкретизации тех априорных философских предпосылок, т.е. теории рациональности, которая при этом должна использоваться.

Заключение

Обзор философского анализа проблемы мифа у В. Бинсбергера и В. Дюпре позволяет сделать вывод, что основные черты их концепций с той или иной степенью приближения воспроизводят основные положения феноменолого-диалектического анализа понятия «миф», проведенного А.Ф. Лосевым почти сто лет назад. Первое, что объединяет этих трех ученых, – это солидарность с Шеллингом и Кассирером в антиредукционистском отношении к мифу. Так, по мнению Лосева, Кассирер «действительно серьезно относится к мифу и не влачит уже своего жалкого просветительского существования, когда каждый миф берется только как материал для каких-то “разоблачений” и “критики”» [10, с. 753].

Второе, что роднит указанные концепции мифа, – это осознание универсальности категории «миф», ее актуальности, а также важности сравнительного анализа различных мифологий. В области методологии изучения мифа необходимо стать на точку зрения мифического сознания и учитывать его социально-историческую эволюцию.

Главным же отличием концепции изучения мифа А.Ф. Лосева от концепций Бинсбергера и Дюпре является то, что Лосев не просто утверждает универсальный характер рациональной интересубъективности, лежащей в основании любой мифологии, а дает также четкий анализ этой интересубъективности как диалектики бытия и мышления. Диалектический метод достиг в трудах Лосева максимальной степени саморефлексии и строгости, не обременяя себя при этом конкретным мировоззрением. Это позволило Лосеву создать то, что Бинсбергер и Дюпре рассматривают еще только в качестве задачи, а именно методологию «диалектики мифа», которая способна решать задачи сравнительного анализа различных мифологий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев ; сост., подг. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. – М. : Мысль, 2001. – 558 с.
2. Binsbergen, W. Van. Rupture and Fusion in the Approach to Myth: Situating Myth Analysis Between Philosophy, Poetics and Long-Range Historical Reconstruction / W. Van Binsbergen // Religion Compass. – 2009. – Vol. 3, № 2. – P. 303–336.
3. Лосев, А. Ф. Форма – стиль – выражение / А. Ф. Лосев ; сост. А. А. Тахо-Годи ; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. – М. : Мысль, 1995. – 944 с.
4. Лосев, А. Ф. Мифология / А. Ф. Лосев // Философская энциклопедия : в 5 т. – М. : Совет. Энцикл., 1960–1970. – Т. 3 : Коммунизм – Наука. – 1964. – С. 457–467.
5. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде ; пер. с фр. В. П. Большакова. – 4-е изд. – М. : Акад. проект, 2010. – 251 с.
6. Лосев, А. Ф. Бытие – имя – космос / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1993. – 958 с.
7. Dupré, W. Myth – a challenge to philosophy / W. Dupré // New Perspectives on Myth : Proceedings of the Second Annual Conference of the International Association for Comparative Mythology, Ravenstein (the Netherlands), 19–21 August, 2008. – P. 335–56.
8. Coupe, L. Myth / L. Coupe. – New York : Routledge. – 2009. – 230 p.
9. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
10. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер – М. : Гардарика, 1998. – 784 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.05.2018

Hegoumenos Ergomen (Panasiuk A.N.). Analysis of the Myth Concepts of V. Binsbergen and W. Dupre in Comparison with the Concept of A. Losev

The concept of the myth developed by the Russian philosopher A.F. Losev since the 20s of the XX-th century remained practically unknown in the Western academic community. The article reviews the philosophical analysis of the myth by two modern Western authors, on the basis of which the conclusion is made about the actual coincidence of their main positions with the analysis of the myth by Losev. At the same time, it is noted that Losev's concept is favorably distinguished by the fact that it contains a clear methodology for understanding the myth, which is called «dialectics of myth» and has the status of metatheory, which is postulated by Western authors only as a task.

УДК 1(476)(091)

С.Г. Смоляк

*канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии и политологии
Витебской государственной ордена «Знак Почета» академии ветеринарной медицины
e-mail: SSmoljak@tut.by*

ИСТОКИ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА БЕЛОРУССКОГО ЭТНОСА И СОВРЕМЕННОСТЬ: АКТУАЛЬНЫЕ ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Исследуются источники становления философской мысли на землях современной Беларуси. Раскрывается вклад К. Туровского в процесс формирования философского дискурса на просторах Древней Руси, его роль в разработке проблемы веры и разума, нашедшей всестороннее преломление спустя десятилетия в творчестве Ф. Аквинского, других западноевропейских мыслителей той эпохи. Подчеркивается актуальность сформулированной К. Туровским проблемы сохранения целостности державы, веры и чести в единстве с постоянной работой личности по приобретению знаний.

Введение

Когда говорят о памятниках культуры, то чаще всего имеют в виду произведения архитектуры, монументалистики, артефакты быта, т.е., материальную культуру, воплощающую определенную историческую эпоху. Однако эту эпоху, как и историю в целом, можно видеть не только в памятниках застывшей, овеществленной мысли, но и в «чистой» абстракции, осваивая которую мы постигаем процесс осознания человеком себя, своей культуры, а вместе с ней и истории своего народа, своей страны. В этом контексте огромный интерес представляет философское творчество наших предков, которое «материализовано» как в больших жанрах философствования, включающих собственно философские произведения, так и в малых жанрах: летописных, эпистолярных, агиографических источниках, – в которых достаточно много сентенций, содержащих квинтэссенцию духа народа.

В этом аспекте цель статьи состоит в обращении к первым формам философствования и первым мыслителям-философам земли белорусской, исследовании и популяризации их творчества. Причем второе в условиях современного глобализирующегося мира имеет особое значение, так как пропагандой духовных ценностей мы можем заявить о своей оригинальной культуре, сформировать мнение об истории нашего народа как по истине народа талантливого. Тем более что некоторые философские идеи наших предков сегодня актуальны так же, как и сотни лет назад.

Исследование основано на диалектической методологии с использованием таких методов исследования, как синергетический, исторический, логический и системный анализ и синтез, индукция и дедукция и метод сравнения. Выводы статьи, ее идеи дадут не только новый импульс к изучению белорусской метафизики, но и станут методологической основой для построения теории развития белорусской культуры от древности до современности.

Истоки философской мысли на землях Беларуси восходят к X в., а источниками ее являются мифология восточных славян, христианство, пришедшее к нам из Византии, и греко-римская философия. Мифологическое мировоззрение представлено письменными и археологическими источниками, преданиями, обрядами, традициями народа, его легендами. На основе этих источников можно проследить историю белорусского этноса, попытку наших далеких предков понять этот единый, но одновременно сотканный из множества отдельно взятых частей, такой устойчивый и в то же время текущий мир. То есть попытку понять и объяснить мир как общее и единичное, единое и це-

лое. В мифологии отражались и социальные явления и процессы. Например, обрядовые магические действия были направлены на то, чтобы оградить человека от бед, помочь ему в борьбе за лучшую жизнь. В обрядах наш предок видел не только настоящее, но и прошлое, и надежду на будущее. Так, обряд «калядавання» позволял земледельцу от тяжелой реальности перенестись хотя бы на время в идеализированную, полную счастья атмосферу, которую рисовали в своих песнях-притчах калядовщики. Тем самым они вносили элемент надежды на лучшую жизнь человека в будущем, а значит, заставляли задумываться над причинами своего тяжелого социально-экономического положения в настоящем.

Миф имеет исторический характер. Его развитие на определенном этапе приводит к дифференциации метариального и реального элементов структуры. Элементы реального в мифе явно проявляются в период относительно высокого уровня познания в первую очередь тех явлений, сущность которых в прошлом была непонятна и соотносилась с могущественными силами природы. На этом уровне своего развития человек не удовлетворяется ранее известными интерпретациями явлений и объектов, а стремится найти новые способы их объяснения. Следовательно, миф, создав условия для более сущностного понимания и объяснения объектов и явлений, процессов мира природы и мира человека, постепенно приходит в упадок. Его сменяют монорелигия в лице христианства и философия. Христианство, ставшее господствующей религией, существенно отличается от мифа. Если мифологическое мировоззрение и признает астральную зависимость человека, но не выделяет человека из лона природы, то христианское мировоззрение противопоставляет человека и природу, дух и материю, конструирует монистическую картину мира, возводя духовное в этой картине в абсолют. В религиозном мировоззрении все основывается на борьбе двух начал как в мире, так и в самом человеке – добра и зла, духа и тела, души и плоти. Мир видится в развитии от сотворения до второго пришествия Христа.

Появление монорелигии в форме христианства на землях Киевской Руси, в том числе и на землях Полоцкого княжества, отмечено рядом особенностей.

Во-первых, в целом установление истин Христовых происходило с помощью силы [7, с. 118].

Во-вторых, резкая, взрывного типа силовая смена мировоззрения породила противоречивые процессы в обществе и имела неоднозначные последствия в историческом развитии протобелорусского этноса и общества. С одной стороны, принятие христианства вело к ломке первичного менталитета наших предков, сопровождалось возмущением и сопротивлением широких слоев общества насаждению новой религии, изначально взявшей на себя и выполнение функции идеологической. С другой стороны, принятие христианства способствовало более быстрому приобщению наших предков к мировой культуре, ибо оно аккумулировало в себе все предыдущие достижения человечества в области духа (протонаучное знание Античности и культуру Византии: книги, обряды, мораль).

В-третьих, проникновение и становление христианства на землях Киевской Руси неразрывно с именами братьев Кирилла и Мефодия, создавших славянскую азбуку, проникшую ранее христианства на территорию Киевской Руси и на первых порах способствовавшая его укоренению. С закреплением же христианства в Киевской Руси завершается оформление письменности, которая, в свою очередь, способствовала распространению христианства среди восточных славян. Следовательно, можно утверждать, что в нас наблюдаем прочный праксиологический Завет слова и Веры: с одной стороны, с принятием христианства «явился въ Руси одинъ общій языкъ – книжный, и это была новая сильнѣйшая связь Русскихъ народовъ, прочнѣйшій залогъ ихъ духовной неразрывности» [7, с. 32]. Одновременно этот книжный язык «сделался орудием и распро-

странения веры и удержания государственной жизни... во всех углах Руси, в какой бы то ни было ветви народной, в церквах раздался один язык; власть старалась передать свой голос одним и тем же языком... Явились школы, и в этих школах учили на том же языке, не обращая внимания на то – изъ кокого племени были учащиеся» [7, с. 33]. Само христианство стало мощнейшим фактором единения восточнославянских земель: церковь и духовенство цементировали это единство своими едиными правилами, нравственными законами, общим и равным для всего славянского мира ритуалом богослужения на старославянском языке.

В-четвертых, христианство привнесло в общественно-государственную жизнь восточных славян зерна правовой культуры просвещенного Запада. Именно с принятием христианства на землях Киевской Руси, включая земли Полоцкого княжества, появляется право как система законов, регулирующих отношения не только между вассалом и господином, между крепостным и феодалом, но и между удельными князьями, т.е. равными по статусу субъектами деятельности, а также отношения между провинцией и центром. А вместе с правом появляются и правовые понятия, и кодексы законов. Одним из первых таких кодексов был свод гражданских законов под названием «Кормчая книга». В целом принятие христианства способствовало более быстрому освоению нашими предками знаний и культуры Античности и Византии, что существенно расширяло их кругозор.

В контексте вышеизложенного необходимо отметить весьма существенную особенность, заключающуюся в том, что для древневосточного славянского этноса характерно практически одновременное формирование монорелигиозного и философского мировоззрений. Это объясняется тем, что вместе с христианством и соответствующей ему атрибутикой на его земли пришли и философские произведения античных и византийских историков, философов, мыслителей-богословов (Иоанн Дамаскин, Дионисий Ареопагит, Филипп Пустынник). И в тоже время в азбуковниках того времени содержатся философемы Платона, Аристотеля, Гераклита, Эпикура и других древнегреческих философов. В этой связи можно заключить, что мировоззрение наших предков в период проникновения христианства на земли Киевской Руси не было абсолютно религиозным, а было полифоничным и оставалось таким долгое время и после принятия христианства. То есть оно содержало и рационалистические идеи, не входящие в круг догматов христианства, и элементы язычества. Поэтому «в агиографической литературе доминирует христианское миропонимание, а в фольклоре – народное с элементами язычества» [1, с. 51]. Причина же появления философских произведений на землях Полоцкого княжества (землях современной Беларуси) одновременно с принятием и распространением христианства в Киевской Руси состоит в том, что распространителями философского знания были священнослужители, имевшие хорошие познания в области философии (знавшие труды Платона и Аристотеля, других античных мыслителей). То есть вместе с распространением переводной богословской литературы (в первую очередь Библии) в целях закрепления и распространения христианства на землях Киевской Руси появляются и переводы произведений философов античности. Труды отцов церкви: Иоанна Златоуста, Василия Кесарийского, Ефрема Сирина и других представителей патристики – были настольными книгами для многих поколений наших предков. В их трудах не только разъяснения и комментарии Библии, но и обращение к философским проблемам. Так, в переводе «Шестоднева» Иоанна, Экзарха Болгарского, даются пояснения о мироустройстве, об отношении души и тела человека, о единстве созданного Богом мира. Здесь же раскрывается содержание и таких категорий классической философии, как «бытие» и «небытие» [8, с. 187–195]. В «Изборнике» 1073 г. раскрывается содержание таких философских категорий, как «сущность», «противоречие», «ко-

личество», «качество», наряду с истолковыванием ряда богословских понятий: «Троица», «Святой Дух», «Воплотившееся Слово» [5, с. 25–37].

Таким образом, древнерусское богословское летописание формировало новое – религиозное – мировоззрение и новую идеологию. Но одновременно оно способствовало и широкому распространению философского знания, становлению философского стиля мышления и подготовке почвы, на которой в скором времени выросли мыслители земли белорусской. В первую очередь к ним следует отнести Кирилла Туровского (1130 (?) – (1182 (?)), «златавуста, што праязю больш за ўсіх на Русі» [5, с. 10].

Кирилл Туровский родился в Турове, столице тогдашнего Туровского княжества, входившего в состав княжества Полоцкого. Рано постригся в монахи, в монашестве занялся литературной деятельностью. До нас дошли восемь слов-«проповедей» («Слово на вербницу», «Слово на велик день» и др.), ряд дидактических повестей-притчей, два канона, около тридцати молитв-исповедей. Произведения эти, где четко просматривается спектр философских проблем, составили золотой фонд древнебелорусской (древнеславянской) литературы и на протяжении столетий пользовались популярностью. Еще в XIX в. их переписывали.

Следует напомнить, что Киевская Русь тысячу лет назад представляла собой раннефеодальное государство, нуждавшееся в новой идеологии. Ибо это было время коренных трансформаций во всех сферах: политической (попытка создания единого мощного в военном отношении централизованного государства), экономической (динамично развивающееся производство, торговля и на этой основе создание во всех удельных княжествах одинаковых условий для экономического развития), духовной (осознание себя субъектом творческой силы, основанной на единстве и общности ценностей, единой идентичности всех жителей, проживающих на территории Киевской Руси), социальной (совершенствование социальной структуры внутри племен и межплеменных союзов). Именно в таких условиях *сообществу восточных славян необходима была такая идеология, которая бы указала путь общего их развития, становясь при этом частью менталитета этноса, частью менталитета всех племен, проживавших тогда на территории Киевской Руси*. Роль такой идеологии и стало выполнять именно христианство и церковь как координатор идеологической работы. Обретя официальный статус идеологии, христианство, в свою очередь, требовало такого истолкования своей сущности и предзаданности, что было бы понятно простому люду и им принималось. Именно с этой целью и с целью широкого распространения христианства в народной среде не только делаются переводы Библии, но и создаются богословско-философские труды отцов церкви, так как труды Платона и Аристотеля служили теоретической основой религиозной догматики. Как раз в этом видел предназначение своего творчества и К. Туровский.

В своих высокоидейных произведениях, наполненных глубокой символикой, К. Туровский, как богослов-философ, пытающийся донести истинный смысл библейских текстов до широких масс, поднимает ряд фундаментальных мировоззренческих проблем онтологии, гносеологии, антропологии, решая их с позиции православия. В частности, поднимая проблемы сущности бытия, К. Туровский ответ дает в русле библейской трактовки: первично духовное, материя инертна, все тварное преходяще, все земное тленно. Проблему сущности человека он рассматривает в контексте соотношения души и тела, соотношения веры и разума в контексте сложившейся в христианстве доктрины. При этом существование человечества К. Туровский рассматривает в соответствии с библейской трактовкой исторического развития: идея круговорота заменяется идеей векторного развития (от сотворения мира до дней нынешних и грядущего судного дня). Всю историю он делит на две эры: дохристианскую (предыстория человечества) и христианскую (собственно история).

В «Притче о человеческой душе и о теле, и о нарушении Божьей Заповеди, и о Воскресении тела человеческого, и о страшном суде, и о мучении» в аллегорической форме он исследует проблему определения сущности человека и решает ее с позиции дуализма. Он приходит к выводу, что сущность человека заключается в единстве его свободной, нетленной души и брэнного тела. Причем душа и тело сущностно неразрывны: не только душа нуждается в теле, но и тело может быть только в случае бытия души [6, с. 15–29]. То есть тело и душа находятся в постоянном единстве и противоборстве. В постоянном противостоянии находятся человек и общество. Главное – найти правильный путь в этом противоборении и противостоянии. И этот путь есть путь соблюдения нравственных заповедей Христовых.

В нравственных устоях К. Туровский видит высшую добродетель [6, с. 31], в сравнении с которой даже мудрость и разум суть что-то низшее. Так, в притче «Слово о Премудрости» он подчеркивает, что «кротость бо есть найти мудрости и разуму и помыслу благу и всем добрым делам» [6, с. 31]. И в то же время К. Туровский отмечает, что, хотя нравственные добродетели являют собой неперемное условие жизни по божественной правде на земле, ее высшим проявлением является разум человека, его интеллект, уровень которого определяется в значительной мере начитанностью. Мудрец тот, считает К. Туровский, кто истинно книжник и правильно истолковывает книжное знание, кто размышляет о смысле бытия.

В «Повести о белорусце – человеке и о мнишестве» («Повести о беспечном царе и его мудром советнике») он прямо указывает на то, что «царь же есть ум», который постоянно ищет опоры, и этой опорой должны стать и быть церковь и Вера человека во Христа – Вера, которая делает жизнь человека осмысленной, целеустремленной и радостной [2, с. 348–354]. К. Туровский призывает читать книги и из них черпать знания, через них постигать мудрость. В этом заключена возможность через познание тварного приблизиться к познанию Творца. Но, добавляет К. Туровский, каким бы мудрым ни становился человек, он не может уподобиться Христу. Ибо Христос владеет божественной, а не человеческой природой. И поскольку Бог не имеет качественности и меры, то, во-первых, он не может найти адекватного выражения в образе человека; во-вторых, человек не может познать то, что сущностно принадлежит только Богу. В этих мировоззренческих посылах, как нам представляется, К. Туровский обозначил проблему соотношения веры и разума намного раньше, чем в классической форме ее обозначил Ф. Аквинский.

Христианство принесло новые идеи и в социальную сферу, что также нашло отражение в творчестве К. Туровского. Например, основываясь на общей концепции христианства, он проповедует идею о том, что Бог стоит на стороне блаженных и сирых, страждущих и добывающих хлеб свой насущный трудом праведным. К. Туровский на примере десяти библейских заповедей, в концентрированном виде выразивших принцип должного бытия человека, ориентированного в миру на любовь к ближнему, на понимание равенства всех народов, социальных групп, сословий, он возводит принцип добродетели в абсолют жизнедеятельности человека, который в единстве с идеей вечного рая в потустороннем мире вселял в сердца людей веру и надежду на преодоление страданий и будущее воскрешение из мертвых, поднимал идею добра и любви до символа жизни: жить – это необходимость быть добродетельным!

К. Туровский обращается и к вопросам политическим, актуальным для Древней Руси и в определенной мере созвучным отношениям между восточнославянскими державами сегодня. Одним из первых он поднимает проблему централизации государства как способа укрепления его могущества. В связи с этим он выступает против междоусобиц, любых неправых, а тем более преступных методов для захвата власти – обмана, убийства и других подобных деяний [8, с. 325–337; 339–343]. Так, в «Притче

о слепце и хромце» в иносказательной форме он подвергает осуждению Андрея Боголюбского, выведенного в образе хромца, за его опустошительный набег на Киев в 1169 г. с одной лишь целью не дать Киеву соперничать с возвышающимся Владимиром, в котором он княжил. А по сути – подорвать политическое могущество Киева и сосредоточить политическую власть в своих руках, возведя Владимир в статус столицы восточных славян. В этом аспекте К. Туровский призывает к прекращению междоусобиц, ослабляющих каждое из княжеств и Киевскую Русь в целом. А смысл и цель должностного предназначения любого из княжеских семей он видит в радении о могуществе державы, единстве и могуществе братских племен. В этом К. Туровский видит смысл и цель своего духовного предназначения. Поэтому он выступает против еретических высказываний, подрывающих не только саму веру, но и могущество государства. Эта идея обосновывается им в «Слове и похвале святым отцам Никейского собора» [2, с. 342–348], где выступает против Ария и его сторонников, пытавшихся доказать истинность тезиса не о «единосущии», а «подобосущии» Отца, Сына и святого Духа. Причину возникновения арианства К. Туровский видит в ложном понимании Арием Священного Писания, а также в доходчивом, доступном, понятном для простого человека изложении этой ложной идеи, принятой частью народа.

Заключение

1. Философская традиция на землях Беларуси имеет глубокие исторические корни. Зародившись в недрах мифологического воззрения на мир, она вскоре выкристаллизовывается в самостоятельное миропонимание, чему способствовало проникновение на земли Киевской Руси, включая Полоцкое княжество – белорусское протогосударство, – философских учений мыслителей Древней Греции, Древнего Рима и Византии. Распространению философских знаний способствовало и, как это ни парадоксально, христианство, проповедники и иерархи которого хорошо знали творчество древнегреческих философов (Платона, Аристотеля и др.). Учитывая, что христианство, как религия и идеология, ставило целью самоутвердиться на просторах Киевской Руси, то несомненно, что и философское знание выполняло функцию обеспечения истинности и «лепоты» этой религии.

2. Философия Древней Руси, в том числе и Полоцкого княжества, изначально формируется как политематическая, но в первую очередь как религиозно-этическая, в полной мере заявившая о себе и своем особом статусе намного позже – в XIX–XX столетиях – благодаря творчеству Вл. Соловьева, Н. Бердяева, П. Флоренского и других русских мыслителей.

3. У истоков философского знания на землях современной Беларуси стоит один из виднейших древнерусских мыслителей Кирилл Туровский, в творчестве которого красной нитью проходила проблема сущности человека. Свою задачу он видел в раскрытии отношений Бога и человека, человека и государства, человека и общества, человека и тварного мира. Его идеи нашли свое развитие в учениях Ф. Скорины, Н. Гусовского, С. Будного, К. Нарбута, М. Богдановича, Я. Купалы и других мыслителей земли белорусской. Но уже в другое время и в иных условиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громов, М. Н. Русская философская мысль X–XVII вв. / М. Н. Громов, Н. С. Козлов. – М. : МГУ, 1990. – 285 с.
2. Гуманистическое и христианско-духовное содержание наследия Кирилла Туровского : материалы межрегион. науч. конф., Гомель, 10–11 мая 2000 г. / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2000. – 139 с.

3. Еворовский, В. Б. Философская мысль Киевской Руси XI—XIII вв.: тенденции становления / В. Б. Еворовский / Акад. наук Беларуси, Ин-т философии и права ; под ред. А. С. Майхровича. – Минск : Тэхналогія, 1996. – 126 с.

4. Еремін, І. П. Літаратурнае наслідуе Кірыла Туравскога / І. П. Еремін // Тр. отд. древнерус. лит. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – М. : Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – Т. 12. – С. 340–362.

5. Изборник Великого князя Святослава Ярославича 1073 г. (с греч. и лат. текстами) / с предисл. Е. В. Барсова, запискою А. Л. Дювернуа. – М. : Университет. тип. (В. Катков), 1883. – С. I–XXV; 1–32; 1–185.

6. Туровский, Кирилл. Избранные произведения : пособие для студентов, изучающих философию, историю Отечества, основы культурологии, этику / Кирилл Туровский ; Белорус. гос. ун-т транспорта, Гомел. науч. центр им. Кирилла Туровского. – Гомель : БелГУТ, 1997. – Вып. 1. – 55 с.

7. Костомаров, Н. И. Исторические монографии и исследования / Н. И. Костомаров. – 2-е изд. – СПб. : Д. Е. Кожанчиков, 1872. – Т. 1. – 455 с.

8. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларусь, 1994–1995. – Ч. 1. – 1994. – 527 с.

9. Памятники литературы Древней Руси. XII в. : сб. текстов / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1980. – 707 с.

10. Шпет, Г. Г. Очерк развития русской философии / Г. Г. Шпет. – Петроград : Колос, 1922. – Ч. 1. – 348 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.08.2018

Smoljak S.G. The Origins of Philosophical Discourse of Belarusian Ethnos and Contemporaneity: Topical Points of Consciousness

The article explores the diverse sources of the formation of philosophical thought on the territory of modern Belarus. It reveals contribution of K. Turovsky to the process of forming philosophical discourse on the territory of Ancient Russia, and his role in the development of the problem of faith and mind, which found a comprehensive refraction after decades in the works of F. Aquinas, other Western European thinkers of that era; the urgency of the problems of our days is highlighted, that K. Turovsky considered: the preservation of the integrity of the state, faith and honor in unity with the permanent work of the individual to acquire knowledge.

УДК 14:378

А.В. Климович¹, С.А. Жук²¹канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

²студент 4 курса исторического факультета

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

e-mail: ¹ksisa@yandex.by; ²sergej.zhuk.98@mail.ru

СМЫСЛ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА

Анализируются идеи Х. Ортеги-и-Гассета о тенденции технократизации образования и необходимости ее преодоления и формирования оптимальной модели преподавания учебных дисциплин в университете. Формулируются выводы о том, что деятельность университета в системе взглядов Ортеги-и-Гассета следует рассматривать в контексте его взглядов на общество и европейскую цивилизацию.

Введение

Особенностями развития современной системы образования, как известно, являются модернизация его содержания, совершенствование форм и методов работы, внедрение в образовательный процесс новых технологий. В последние десятилетия в мире произошли обусловленные процессами глобализации кардинальные изменения, и это не могло не повлиять на фундаментальные основы развития образования. Таким образом, как отмечают многие исследователи современных тенденций развития образования, именно интеграция стала сегодня краеугольным камнем происходящих в образовании трансформаций. Интеграция Республики Беларусь в мировое научное и образовательное пространство неизбежно вызывает исследовательский интерес к сложившимся в рамках неклассической философии направлениям изучения человека и механизмам функционирования общества. Поэтому, на наш взгляд, актуальным является осмысление наследия ученых, работавших одновременно в области педагогики и философии и создававших неклассические модели философии образования. Так, ряд оригинальных идей о конструировании образовательного пространства высшей школы, редко оказывавшихся в «фокусе» научного дискурса, были высказаны испанским философом и педагогом Х. Ортегой-и-Гассетом.

Целью статьи является реконструкция идей философии образования Хосе Ортеги-и-Гассета, связанных с осмыслением проблем высшей школы. Достижение этой цели предполагает выявление детерминант видения им высшей школы и тенденций ее развития.

Изучение научного и педагогического творчества Х. Ортеги-и-Гассета

О Хосе Ортеги-и-Гассете написаны десятки монографий и сотни статей. В советской науке творчеству философа была посвящена книга [1]. Но за исключением еще нескольких статей творчество философа серьезно не изучалось. Лишь в конце 1980-х гг. начинают активно осмысливаться философские взгляды Ортеги, переводятся и издаются его работы. Первой обстоятельной работой по социальной философии Ортеги стала статья [2]. Среди российских исследований, опубликованных в последние годы, следует выделить работы В.Ф. Титова [3], Н.А. Соколовой [4], М.И. Киени [5], А.Н. Портнова [6]. В 2004 г. в Минске проводились республиканские педагогические чтения «Философы XX века: Хосе Ортега-и-Гассет», в материалах которых [7] было опубликовано более 40 статей, посвященных его философии и творчеству.

Анализируя тематику исследований, стоит отметить, что в них наибольшее внимание уделяется теории элит, социальной философии, философии истории. Но практи-

чески не рассматриваются вопросы философии образования, может быть, за исключением статьи Н.А. Соколовой, которая посвящена педагогическому наследию философа [4, с. 58]. Таким образом, в российской и отечественной науке данная проблема остается неисследованной. На Западе философии образования Ортеги-и-Гассета уделено больше внимания. На русский язык переведена обстоятельная статья Х.Э. Санчеса [9]. Также можно отметить работы F. Barcena, Barrera Sanchez, A. Escolano, M. Garcia Morrente, Zuloaga Gutierrez, R. McClintock, A. Maillou, J. Mantovan, F.F. Santolaria, J. Zaragueta.

Философия образования Х. Ортеги-и-Гассета

Отметим, что в работах Ортеги, посвященных философии образования, большое внимание уделяется вопросам реформирования испанского общества. Педагогическое наследие философа составляют 14 работ: «Педагогика пейзажа» (1906), «Социальная педагогика как политическая программа» (1910), «Время учителя» (1913), «Общая педагогика, выведенная из целей воспитания» (1914), «Педагогика воздействия» (1917), «Биология и педагогика» (1923), «Хвала добродетелям юности» (1925), «Испанским детям» (1928), «Миссия университета» (1930), «К юбилею одного университета» (1931), «Об учебе и учащемся» (1933), «О профессиях» (1934), «Наброски к образованию будущего» (1952). Анализируя эти труды Ортеги-и-Гассета, представляется возможным выделить три периода его научного творчества: неокантианский (1900-е – первая половина 1910-х гг.), виталистский (вторая половина 1910-х – середина 1920-х гг.), период синтеза научных направлений и выработки собственной модели понимания педагогики (по мнению Х.А. Санчеса, период творческой зрелости) (конец 1920-х – 1955 гг.).

Применяя принцип методологического редуционизма, можно кратко определить содержание этих этапов творчества через соотношение концептов «жизнь» и «культура». На первом этапе научного творчества Ортега безоговорочно отдает предпочтение культуре, т.е. первоочередной задачей образования является культурное формирование индивида как части социального целого. На втором этапе это соотношение меняется на 180°, что выразилось в «стихийности» и «чувственности» его педагогической концепции. Третий этап творчества можно определить как сбалансированность виталистской и неокантианской концепции. Ортега отмечал, что «вне институтов жизненная спонтанность вырождается в безответственный примитивизм, и, наоборот, институты, лишённые жизненной энергии, становятся рутинными и инертными». Таким образом, Ортега-и-Гассет в каждый из периодов предлагал разные сценарии преодоления кризиса в системе образования Испании.

Таблица 1. – Система образования Испании в творчестве Х. Ортеги-и-Гассета

Период творчества	Пути реформирования системы образования Испании
Неокантианский	Реформирование по лекалам стран Западной Европы, в частности Германии, интеграция в общеевропейское образовательное пространство с минимальным сохранением региональных особенностей
Виталистский	Реформирование образования таким образом, чтобы учащиеся познавали такие явления, как жизнь, цивилизация и т.д.
Период творческой зрелости	Разумное соотношение двух моделей; в системе высшего образования это формирование «культурного специалиста»

Таким образом, «зрелая» философия образования Ортеги в наибольшей степени разработана и структурирована. Одной из наиболее основательных работ ученого по философии образования является книга «Миссия университета» [9], в которой он рассматривает проблемы реформирования высшей школы Испании. Ее составили записи не-

скольких публичных лекций Ортеги, прочитанных им по просьбе Федерации студентов Мадрида. Именно в этой работе, как нам кажется, наиболее полно сформулированы основные положения философии образования Ортеги.

Нами проведен количественный контент-анализ ключевых, смыслообразующих частей работы, в которых были сформулированы основные положения автора.

Таблица 2. – Семантическое ядро «Миссии университета»

Слово	Общее количество повторений	Частота, %
Наука	72	2,12
Являться	30	0,88
Культура	27	0,80
Оно	27	0,80
Идея	17	0,50

Примечание – для реализации метода количественного контент-анализа использовалась специальная интернет-платформа: <https://advego.com/text/seo/>.

Таким образом, философ прежде всего обращал внимание на вопросы взаимодействия науки и образования, но в контексте культуры, т.е. культурно-исторического типа. Данные количественного контент-анализа также позволяют говорить о том, что философия образования Ортеги действительно очень глубоко интегрирована в его философскую концепцию, являясь ее органической частью. Осмысливая взгляды мыслителя на систему образования, можно прийти к выводу, что высшая школа имеет определяющее значение для формирования общества с оптимальным соотношением «масс» и «элит». Ортега прежде всего экстраполирует свою теорию элит на испанское общество и испанскую систему образования и делает вывод о том, что общество и государство больны и их необходимо излечить. Однако для успешности государства необходимо «лишь», чтобы поколение «было в форме», и тогда государство достигнет за поколение того, чего бы так не достигло и за век.

Интересна идея Ортеги, противоположная первой, которую можно свести к такой формуле: наша фундаментальная ошибка в том, что мы принимаем на веру предположение, что нации велики, потому что их школа – начальная, средняя, высшая – превосходна. Таким образом, Ортега пытается опровергнуть известную формулу неокантианской школы, что «учителя истории объединили Германию». Тем не менее без достойной школы нет великой нации. Силу нации можно определить как производную от совокупности элементов, ее составляющих. Ортега отмечает: «Если народ политически слаб, то бесполезно ожидать чего-либо даже от самой совершенной школы». Позволим себе заметить, что в понимании Ортеги политическая сила заключается в «пассионарности» институционализованной элиты, в ее творческом потенциале, а также понимании «массами» своей ведомой роли. Таким образом, школа как естественный государственный институт гораздо больше зависит от социальной среды и геополитического окружения, чем от искусственной педагогической атмосферы, создаваемой в ее стенах. Поэтому оптимум может быть достигнут тогда и только тогда, когда «давление обоих атмосфер уравнивается».

Современный университет, считает философ, пытается сделать невозможное. С одной стороны, он должен формировать ученого, однако какими будут ученые и наука – удел элиты. С другой стороны, университет усложняет образование, специализацию. И все это делается за счет практически полного отказа от изучения или хотя бы ретрансляции культурного опыта. Таким образом, по мнению Ортеги, высшая школа играет важную роль в формировании «деградирующего среднего человека», «нового варвара,

ных, которые занимаются исследованиями. Действительно, мысль философа о разделении университета на «факультеты» и «научно-исследовательские институты» имеет значительное не только теоретическое, но и прикладное значение. Известно, что эта идея философа была реализована на практике: все ведущие мировые университеты имеют свои научно-исследовательские подразделения.

Х. Ортега-и-Гассет не предлагает механически делить университет на «факультеты» и «научно-исследовательские институты». Так, гуманитарный факультет должен развивать «талант интегрирования». В высшей школе должна быть создана эффективная система выявления и развития не только этого, но и других «талантов», в том числе научного. Люди, наделенные этим подлинным талантом, будут намного ближе к тому, чтобы быть хорошими преподавателями, чем те, кто погружен в традиционное исследование. Именно грамотный подбор педагогических кадров позволит университету на высоком уровне выполнять свои педагогические функции, а также развивать свой научный потенциал. Сотрудники университета, обладающие этим талантом, с одной стороны, будут способствовать развитию университета как элемента образовательного пространства государства, а с другой – развитию научно-исследовательской деятельности в стенах учебного заведения. Важную роль эти специалисты должны играть в процессе гуманизации науки. По мнению Ортеги, процесс дегуманизации науки шел параллельно с формированием общества *modernity* и началом «восстания масс». Тогда тип ученого-интеллектуала и гуманиста постепенно трансформировался в ученого только для науки, и его психология ничем не отличается от психологии «масс».

Итак, по мнению Ортеги, университет должен быть ориентирован на среднего студента и давать тот набор знаний, который может освоить средний студент. Вместе с тем философ говорит о необходимости активного привлечения достижений культуры с целью повышения интеллектуального и культурного уровня среднего студента (борьба против «восстания масс»).

Не менее важны идеи Ортеги о трансформации соотношения науки и образования в структуре университета. В его понимании университет все же должен быть гибкой структурой, выполняющей три основные функции: центра науки, образования и культуры, причем эти функции должны быть тесно взаимосвязаны. Наука вместе с культурой при высоком уровне преподавания должны способствовать трансформации общества.

На философию Ортеги, как известно, огромное влияние оказали геополитические процессы. Как и многие европейские мыслители первой половины XX в., Ортега говорил об упадке Европы и деградации ее роли в глобальных геополитических процессах. Процесс «восстания масс», согласно философской концепции Х. Ортеги-и-Гассета, – вот главная причина утраты европейской гегемонии.

Как же вернуть *Pax Europaea*? Европейский Логос (это культура и ее мощь) – залог геополитической стабильности Европы. Во имя Европы и ее культуры должен свершиться возврат в глобальный геополитический процесс на правах как «созвездия» национальных государств, так и единого глобального геополитического актора. Университет в этом контексте должен способствовать формированию культурного, а значит, сильного общества.

Концепты «культурное геополитическое пространство», «социальное геополитическое пространство» входят в научный оборот геополитики только на ее постнеклассическом (геофилософском) этапе, однако ряд разработок по теории контроля этих пространств есть и в философии образования Ортеги, например, роль университета в контроле информационного пространства, формировании мировоззрения человека с упором на *национальные и общеевропейские* идеи, ценности, парадигмы. Таким образом, представляется корректной метафора: университет – якорь и маяк общества.

Заклучение

Осуществленная в статье реконструкция идей философии образования Х. Ортеги-и-Гассета позволяет сделать следующие выводы:

1. Под университетом в узком смысле необходимо понимать институт, в котором средний студент учится быть культурным человеком и хорошим профессионалом.
2. Университет не должен допускать в своих действиях никакого обмана, т.е. должен спрашивать со студента только то, что от него действительно можно требовать.
3. Университет не должен позволять среднему студенту напрасно тратить часть своего времени: не все станут учеными.
4. Преподаватели должны отбираться на основании их синтезирующих способностей и педагогического таланта.
5. Современный университет – центр аккумуляции и трансляции парадигм европейской цивилизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зыкова, А. Б. Учение о человеке в философии Х. Ортеги-и-Гассета / А. Б. Зыкова. – М., 1978. – 160 с.
2. Гайденко, П. П. Хосе Ортега-и-Гассет и его «Восстание масс» / П. П. Гайденко // Вопр. философии. – 1989. – № 4. – С. 155–169.
3. Титов, В. Ф. Хосе Ортега-и-Гассет о месте и роли философии в жизни общества / В. Ф. Титов // Вестн. МГТУ. – 2010. – № 2. – С. 249–255.
4. Соколова, Н. А. Массовый университет vs массового человека: ортегианский проект «факультета культуры» / Н. А. Соколова // Молодеж. вестн. С.-Петерб. ун-та культуры. – 2016. – № 1. – С. 47–51.
5. Киеня, М. И. Европейское восстание масс XXI века: прав ли Ортега? / М. И. Киеня // Ибероамерик. тетради. – 2013. – № 1. – С. 76–82.
6. Портнов, А. Н. Х. Ортега-и-Гассета: от философии жизни к философии истории / А. Н. Портнов // Вестн. гуманитар. фак. Иван. гос. хим.-технол. ун-та. – 2007. – № 2. – С. 86–104.
7. Философы XX века: Хосе Ортега-и-Гассет : материалы Респ. чтений – 9 / ред. Я. С. Яскевич, В. С. Вязовкин. – Минск : РИВШ БГУ, 2004. – 187 с.
8. Цвиркун, К. А. «Восстание масс» Х. Ортега-и-Гассета и кризис демократии в современном мире / К. А. Цвиркун // Человек. Культура. Общество : тез. докл. XII науч. конф. студентов и аспирантов фак. философии и соц. наук БГУ, Минск, 28 апр. 2015 г. / редкол.: А. А. Легчилин (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2015. – С. 53–54.
9. Ортега-и-Гассет, Х. Миссия университета / Х. Ортега-и-Гассет ; пер. с исп. М. Голубевой и А. Корбута. – М. : ВШЭ, 2010. – 144 с.
10. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет ; сост. А. М. Руткевич. – М. : Весь свет, 1997. – 704 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.09.2018

Klimovitch A.V., Zhuck S.A. The Meaning of Higher Education in the Philosophical Concept of Ortega-and-Gasse

The article analyzes the ideas of the philosophy of education of the Spanish thinker H. Ortega-and-Gasset on the functioning of higher education, in particular on the trend of technocratization of education and the need to overcome it, the formation of an optimal model for teaching academic subjects at the university. The conclusions are drawn that the university's activities in the system of Ortega –and- Gasset's views should be considered in the context of his views on society and European civilization.

УДК 141.3

И.М. Наливайко

канд. филос. наук, доц. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета
e-mail: niminna3@gmail.com

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ РАЗМЕРНОСТЬ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Сила места будет [поистине] удивительной
и первой из всех [прочих сил],
ибо то, без чего не существует ничего другого,
а оно без другого существует,
необходимо должно быть первым...
Аристотель

Изучается онтология повседневности, понимаемая как особая сфера и способ человеческого существования. Раскрываются экзистенциально-онтологический и социально-онтологический статусы пространства в повседневности с помощью теоретической реконструкции философских идей В. Розанова, А. Лефевра и М. де Серто. Проводится анализ понятий «пространство», «пространственность», «место», раскрывается амбивалентность их интерпретаций. Утверждается, что исследования онтологического статуса пространства являются весомым вкладом не только в теоретическое осмысление повседневности, но и в построение неклассической концепции субъекта и субъективности.

Введение

К началу XXI в. повседневность, вне всякого сомнения, прочно вошла в круг наиболее значимых проблем неклассической философии и гуманистики в целом. При этом есть основание утверждать, что именно философские версии теоретического осмысления повседневности выступают в качестве методологической базы для социологических, исторических, культурологических, лингвистических и методологических концепций повседневной жизни. В силу ряда причин, среди которых главными являются подвижный, ускользающий от теоретического анализа характер повседневности, равно как и отсутствие привычной дистанции между исследователем и исследуемым объектом, проблематизация повседневности, с необходимостью распадается на ряд вспомогательных тем. Как отмечает немецкий феноменолог Б. Вальденфельс, повседневность можно «тематизировать различными способами, например, исходя из субъекта, из объективно существующего мира тел, из социальных отношений, из процесса языкового общения или из становящихся автоматическими действий» [1, с. 41]. И, хотя сам он предлагает в качестве исследовательского фокуса тему рациональности, представляется, что тема субъекта в этом смысловом ряду названа первой не случайно. Именно она становится стержневой для большинства направлений неклассической философии и именно необходимость пересмотра оснований классической модели субъекта вводит в контекст философского рассмотрения ряд феноменов, представляющихся маргинальными для классической традиции. Повседневность, несомненно, является одним из этих новых направлений проблематизации.

Большинство неклассических версий субъекта и субъективности базируются на переосмыслении феномена времени, при этом подчеркивается преимущественно темпоральный (деятельный, изменчивый, активный) характер субъекта. Более того, этот, по видимости, новый взгляд противопоставлялся старым версиям субъективности, которые, по мнению представителей неклассической волны, базировались на идущем еще от античности пространственном, или эйдетическом (оптическом), подходе, сковывавшем субъекта предзаданной формой и границей, акцентировавшем статику в проти-

вовес динамике. В этом плане обращение к повседневности представлялось более чем закономерным, поскольку повседневность даже по самому своему названию сращена со временем, она есть особый способ переживания времени. Неудивительно, что большинство первоначальных теорий повседневности так или иначе акцентировали свое внимание именно на временном факторе и игнорировали пространственность повседневного бытия. В рамках данных теорий человек рассматривается прежде всего с позиции активности, производства, в качестве работника, чья деятельность подчинена повторяющимся ритмам повседневной жизни. Однако в некоторых наиболее методологически продуктивных концепциях повседневности наряду с проблематизацией времени встречаем весьма глубокий анализ пространственной размерности повседневности, позволяющий по-новому осмыслить онтологический статус пространства в повседневном бытии человека. Эти теории, наиболее значительными из которых являются концепции В. Розанова, А. Лефевра и М. де Серто, позволяют не только переосмыслить сам феномен пространства в его экзистенциально-онтологических и социально-онтологических приложениях, но и выстроить новую модель пространственно-временной взаимосвязи в контексте человеческой экзистенции.

Таким образом, целью данного исследования является обоснование онтологической значимости пространственного измерения повседневности. Реализация этой цели предполагает постановку и решение следующих задач:

- 1) раскрыть онтологический потенциал феномена места на основе теоретической реконструкции основных идей философии повседневности В. Розанова;
- 2) обосновать эвристическую продуктивность теории производства пространства А. Лефевра;
- 3) показать методологическую роль концептуального различения пространства и места в разработке теории практик повседневной жизни М. де Серто.

Проблематизация пространственных аспектов повседневности в творчестве В. Розанова

Несмотря на то, что начало проблематизации повседневности в рамках философского знания традиционно приписывается западной феноменологии, следует признать, что одну из первых (возможно, даже первую) и эвристически значимых в неклассической философии концепций повседневности создает русский мыслитель. Версия повседневности до сих пор не получила широкой мировой известности в силу исторических перипетий и своеобразного стиля философского письма Розанова. Хотя идеи М. Бахтина, который открыто признавал Розанова своим учителем, уже вполне легитимно стали частью истории становления феноменологической философии.

Не вдаваясь в рамках данной работы в подробное изложение розановской философии повседневности [2, с. 10], следует отметить, что его версия повседневности, с одной стороны, отражает общую тенденцию критики и переосмысления оснований классической модели субъективности, а с другой – содержит в себе оригинальное видение данного феномена, которое начало пробивать себе дорогу в западной философии только через несколько десятилетий после смерти русского философа. Розанов не только акцентирует внимание на значимости повседневности для становления человеческой самости, но и подчеркивает уникальный онтологический статус повседневности как сферы, где встречаются профанное и сакральное, временное и вечное, интимное и универсальное. Он является одним из первых мыслителей, которые видят в повседневности не олицетворение публичности – специфической характеристики западной культуры, нивелирующей и усредняющей все ее проявления, включая субъекта, – а, наоборот, способ и средство противостояния последней. В отличие от признанного теоретика повседневности М. Хайдеггера Розанов понимает повседневность не как пространство

обезличивания, или анонимно-усредненный модус социальности, *das Man*, а как мир частной жизни, дома. Именно такое понимание повседневности и вызывает к жизни проблематизацию пространственных феноменов, как того, что задает и выстраивает мир повседневного бытия. Для Розанова повседневность как частная жизнь есть прежде всего пространство дома – места, которое противостоит холоду и неуютности публичности, фактически пустоте, небытию, которое стирает и поглощает уникальность человеческого я. Категории «места» и «пустоты» становятся ключевыми для розановских текстов. Пустотность основных феноменов современного ему кризисного состояния культуры он маркировал концептом «внешнее место» – место, лишенное статуса смыслового центра, энергии «собираения»: «Еще Вы не знаете во мне сторону: вечный плач... и вечный гнев, плач о рае потерянном, гнев на юдоль холодную и бесприютную, на “внешнее место”, куда мы загнаны» [3, с. 505].

В каком-то смысле его тексты заставляют вспомнить о «схождении концов и начал» европейской культуры, так как в них явственно слышатся отзвуки философии Аристотеля, уделившего серьезное внимание наряду с прочим анализу вышеназванных категорий. Несмотря на то, что греческий философ обращался к этим концептам в рамках своих «физических» штудий (прежде всего в трактате «О небе»), ряд его положений очень значимы для понимания пространственных аспектов повседневности. Отождествляя вслед за Платоном место и пространство, он весьма серьезно задумывается о природе места. Наиболее значимым утверждением Аристотеля представляется сравнение места с сосудом, который вмещает в себя нечто и служит условием для перемещения. В итоге Аристотель определяет место как первую неподвижную границу объемлющего тела. То есть место не естьместилище пустоты как небытия, оно скорее представляет собой потенцию заполнения, наполненности.

Именно этот онтологический статус повседневности как дома и места и подчеркивал Розанов, описывая особый доверительный характер общения с окружающим человеком сущим в пространстве повседневности. Любопытно, что схожую модель отношения с миром вещей как подручным описывает М. Хайдеггер в «Бытии и времени», однако немецкий мыслитель исключает из этого описания повседневность как неподлинный модус бытия присутствия.

Таким образом, Розанов начинает линию обоснования позитивного онтологического статуса повседневности через обращение к пространственным феноменам.

Теория производства пространства Анри Лефевра

Анри Лефевр вошел в историю изучения повседневности прежде всего как создатель т.н. критики повседневной жизни – теории, нацеленной на практическое переустройство последней, или на революцию повседневности. Творчески соединив онтологию Хайдеггера с марксистской теорией отчуждения, Лефевр рассматривает повседневную жизнь и как производное, и как средство преодоления отчуждения. Обращение к истории повседневности заставляет его всмотреться в феномен современной урбанистической культуры, который представляется французскому мыслителю самой яркой иллюстрацией системы властных отношений капиталистического общества, приводящей к тотальному отчуждению. Лефевр разграничивает «естественное пространство» и «социальное пространство», считая последнее результатом специальной активности властных институтов и инстанций. Превращение «городского» в «урбанистическое» есть апофеоз этой активности.

Таким образом, рождается теория производства пространства, которая представляет пространство как производное властных отношений и средство поддержания преимущественного положения господствующего класса. Соответственно, существуют разные культурно-исторические версии «спатиализации», или превращения естествен-

ного пространства в более рафинированные версии социального пространства, или пространственности (по определению – во множественном числе). Соответственно, следует различать естественные повседневные практики и способы восприятия пространства, социально сконструированные теории пространства и пространственно воображаемого времени, образующие в действительности некое диалектическое единство.

Несомненным открытием Лефевра является не только различение естественного и социального пространства, но и перенос исследовательского фокуса с пространства как такового на процесс его социального производства, и актуализация темы социальных практик, направленных на производство пространства, или, скорее, множественности пространств. В этом плане обращение к повседневной жизни не только помогает соотнести естественные формы восприятия пространства с социально сконструированными, но и позволяет определить перспективы революционного переустройства повседневности на основе нового пространственного производства.

Пространственное измерение практик повседневной жизни в теории М. де Серто

Своего рода кульминационным пунктом в рассмотрении пространственной размерности повседневности является теория практик повседневной жизни французского социального философа Мишеля де Серто. Он не раз подчеркивал, что своим интересом к феномену повседневности он во многом обязан А. Лефевру, у которого он и позаимствовал тему множественности повседневных практик. Несмотря на то, что концепция де Серто впитала в себя множество влияний, в качестве второго методологического основания можно выделить идею «микрофизики власти» М. Фуко. М. де Серто, как и Лефевр, не только предлагает рассматривать повседневную жизнь как особого рода производство, но и выдвигает гипотезу о тактическом характере повседневных практик. Если мейнстрим в теориях повседневности отождествляет последнюю с пассивным потреблением, которое формируется активными социальными акторами и зависит от них, то де Серто полагает, что потребление тоже есть производство особого рода, которое в качестве своего продукта производит и воспроизводит способы присвоения и операциональные схемы. Понять природу человеческой субъективности невозможно без понимания этой адаптивной и одновременно избирательной природы повседневности, где тактические уловки «слабых» противостоят стратегиям «сильных», т.е. субъектов власти. Именно различение стратегий и тактик заставляет де Серто обратиться к пространственным характеристикам. По мнению французского мыслителя, стратегии устанавливают и воспроизводят своего рода социальную картографию, выстроенную как система правильных, или собственных, мест. Стратегии утверждают не просто приоритет пространства над временем, а систему «должных мест», которые предписаны какой-то внешней властной инстанцией. В противовес им тактики высвобождают время как движение и изменение и утверждают «место Другого», фактически утверждая право на различие, множественность и метаморфозы. Господство стратегий в официальной культуре, собственно, и есть вариант производства пространства, описанный Лефевром. Повседневность как сеть разнообразных практик предоставляет возможность тактического сопротивления стратегиям посредством вариативной адаптации к ним. Именно поэтому в книге «Изобретение повседневности» де Серто уделяет значительное внимание анализу пространственных практик повседневности: прогулкам, путешествиям, обживанию жилища. Обращение к этим практикам позволяет не только концептуально разделить понятия пространства и места, но и прописать их диалектическую взаимосвязь. Место стабильно, оно есть точка идентификации, пространство же – точка актуализации.

Однако не стоит понимать данную трактовку места как одномерную и однобокую. Очертив место как некий узловой момент этой официальной социальной картографии, де Серто замечает, что феномен места не столь прозрачен, как кажется, это своего

рода палимпсест, где за видимым внешним слоем скрывается множество глубинных слоев, еще ждущих своей расшифровки. «Места – это фрагментарные и “свернутые” истории, это прошлое, которое утаивается от чтения другого, это накопленные времена, которые могут быть развернуты, но которые являются скорее повествованиями, хранящимися про запас и остающимися загадками, наконец, это символизации, закапсулированные в боль и удовольствие тела» [4, с. 208–209]. В этой поэтической формулировке проглядывает розановское прочтение места как энергии собирания самости, как точки рождения субъективности, не связанной универсально-рациональными процедурами, сращенной с опытом тела и находящейся в бесконечном движении становления.

Заклучение

Реконструкция взглядов трех мыслителей на пространственную размерность повседневности позволяет сделать следующие выводы:

- 1) пространственные аспекты повседневности обладают несомненным онтологическим потенциалом и поэтому должны приниматься во внимание при разработке проблематики субъекта и субъективности;
- 2) пространство может и должно рассматриваться не только как феномен физический, но и как социальный, являющийся результатом определенных социальных практик;
- 3) осмысление тактического и адаптивного характера повседневных практик с помощью концептуального различения понятий пространства и места позволяет выстроить новую динамическую модель субъективности, снимающую противоречия классической версии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // Социо-логос : сборник : пер. с нем., фр. / сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. – М., 1991. – С. 39–51.
2. Феноменология повседневности / под ред. И. М. Наливайко и М. Б. Тина. – Вильнюс : Логвінаў, 2015. – 380 с.
3. Розанов, В. В. Мысли о литературе / В. В. Розанов ; вступ. ст., сост., ком. А. Никулюкина. – М. : Современник, 1989. – 607 с.
4. Серто, М де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. де Серто ; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб., 2013. – 330 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.09.2018

Nalivaiko I.M. Spatial Dimension of the Everyday

With this article the author continues the series of her works dedicated to study of ontology of the everyday, which is perceived as specific sphere and mode of human existence. The article reveals, with the help of theoretical reconstruction of the philosophical ideas of V. Rozanov, H. Lefebvre and M. de Certeau, the existential-ontological and socio-ontological status of space in the everyday. The author examines the concepts of «space», «spatiality» and «place» and reveals the ambivalence of interpretation of these concepts. The author substantiates the assertion that the studies of the ontological status of space make a significant contribution not only to the theoretical comprehension of the everyday, but also to the formation of non-classical conception of subject and subjectivity.

УДК 316.46+323.2

А.И. Лысюк¹, Д.А. Лысюк²

¹д-р полит. наук, канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
²магистр полит. наук, эксперт Брестского областного
культурно-просветительского общественного объединения «Логос»
e-mail: ¹ailysiuk@list.ru; ²mitiaus@gmail.com

ФОРМЫ И СПОСОБЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Осуществляется анализ совокупности форм и способов политического лидерства, детерминированных парадигмами постмодерна, которые создали новый формат политических отношений – постполитику. При этом существенно возрастает роль тех политических лидеров, которые персонифицируют новые локальные ценности и интересы местных сообществ («постмодернистские мэры»). В системе политического лидерства происходит также интенсивный процесс ее медиализации, который побуждает лидеров и членов их команд активно использовать новейшие информационные технологии. Значительно повышается политическая активность граждан. Как политическая реакция на разочарование ценностями постмодерна наблюдается приход к власти в ряде стран политиков, отрицающих эти ценности и апеллирующих к модерну.

Введение

В статье [1] мы обозначили существующую в эпоху постмодерна зависимость содержательных характеристик политического лидерства от социокультурных факторов. Действительно, человек по своей природе является культурным существом, следовательно, базовые параметры его личности и деятельности определяются именно этой группой детерминант. Как справедливо отмечает В. Библер, «культура – это форма самодетерминации индивида в горизонте личности, форма самодетерминации нашей жизни, сознания, мышления» [2, с. 289]. В ее основе находятся упорядоченные смысловые структуры, ценностно-нормативные системы. Именно культура *ценностно* пронизывает все структурные компоненты политического лидерства, в том числе и в эпоху постмодерна, определяя их качественную определенность и целеполагающий потенциал, существенным образом видоизменяя его (лидерства) конкретные формы и стилистику. Сами же постмодернистские ценности утверждаются и проявляются в трех типах современных обществ, которые характеризуют конкретные параметры определенной социальной системы: в постиндустриальном обществе, информационном обществе и обществе знаний, вплетенных (интегрированных) в процессы глобализации.

К настоящему времени опубликована серия научных работ [3–5], посвященных изучению трансформации форм и способов политического лидерства в эпоху постмодерна. Но, как правило, они посвящены анализу его отдельных проявлений без притязаний на изучение этой проблематики как целостного феномена, в котором его отдельные компоненты находятся во взаимосвязи и взаимозависимости, что является *целью* данной статьи.

Постполитика как медиализация

Трансформация ценностей в эпоху постмодерна, естественным образом воздействуя на содержание и стилистику политики, приводит к формированию нового социального феномена – постполитики. По утверждению польского политолога П. Жукевича, в этот период «классическое определение политики как коллективной деятельности

ради общего блага было подвержено переосмыслению, так как оказалось, что политические лидеры стали меньше внимания уделять реализации политических программных положений, но больше – маркетинговой стратегии, которая могла бы гарантировать им успех в короткой временной перспективе, определяемой сроками очередных выборов» [6, с. 96]. В этих обстоятельствах политика лишается своего устойчивого, исходящего из длительной стратегической перспективы идеологического и ценностного основания и обоснования и начинает ориентироваться на сиюминутное, утилитарное и конъюнктурное. Политические лидеры демонстрируют чрезмерную озабоченность своим политическим образом (имиджем) в ущерб выработке и реализации рациональных политических программ, что закономерным образом формирует социальный спрос (заказ) на новый его тип. Так, например, ценностная трансформация американского общества в начале XXI в. повлияла на то, что, по мнению российского политолога Л. Шевцовой, Обама в отличие от своих предшественников фактически предстал государственным лидером, который во внешней политике отказался от американской традиции мессианизма, мировой ответственности, доминирования и глобального лидерства. «Он стал прагматиком, прикрывшись идеалистической риторикой», и тем самым нанес удар по традиционной американской политической системе и практике [7]. Как результат – сворачивание в период его президентства политической активности США в различных регионах мира и преодоление соблазна идеологического дидактизма по отношению к другим странам. Несмотря на политические контroversии с Б. Обамой, как мы видим, этим путем идет и Д. Трамп.

Понятие постполитики наиболее часто используется как синоним *медиализации политики*. В ее рамках происходит радикальное усиление политической роли СМИ, что способствует повышению политической активности граждан. Общественные отношения начинают функционировать в режиме медиакратии, предполагающей, что информационно-смысловое взаимодействие лидера и последователей осуществляется с помощью определенным образом организованных и переданных медиа-сообщений. Коммуникативная связь между ними становится трехступенчатой, несмотря на кажущуюся (внешнюю) непосредственность и интенсивность коммуникативных интеракций на современной медиа-платформе.

Первую ступень в этом процессе составляют эксперты (имиджмейкеры), формирующие и формирующие визуальный и виртуальный образ лидера. Второй уровень занимают журналисты, профессионально презентующие его персону в информационном пространстве, следуя принципу, что «имидж все», а политико-идеологические и моральные черты если не «ничто», то, безусловно, вторичны. И только потом, на третьей стадии, виртуальный образ лидера становится доступным для массовых идентификаций и интерпретаций.

Роль СМИ в современном мире возросла в такой степени, что не только вызвала к жизни целую когорту политических лидеров, именуемых медиа-звездами (Г. Шредер, Б. Клинтон, С. Берлускони, Т. Блэр и др.), но и сформировала даже другой человеческий тип политического лидера, обладающего особыми коммуникативными компетенциями. Следует учитывать также, что ключевой политической ролью современных СМИ является не только простое информирование, но и формирование определенной системы ценностей, «идейных» доктрин, «удобных» для политического правления того или иного государственного лидера. СМИ осуществляют не только политическую социализацию, но и «имплозию социального в массах» (Ж. Бодрийар), т.е. резко понижают критичность и адекватность восприятия политической действительности, поскольку определенные группы медийной информация могут разрушать социальные смыслы и содержания, подвергать их тотальной энтропии, что позволяет лидерам в предлагаемых политических проектах использовать утопические сценарии.

В последнее десятилетие в политических коммуникациях наблюдается резко возрастающая роль Интернета, информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Как отмечает российский политолог А.П. Кочетков, «постиндустриальное общество основано на принципе открытой информации, на высокоразвитых информационных технологиях», что «способствует значительному росту участия граждан в политическом процессе и достижению консенсуса между различными социальными группами» [8, с. 8–9]. Возникают феномены виртуальности: виртуального пространства, виртуального сообщества, виртуальной политики, интернет-коммуникаций, – в которые лидер должен оптимально «вписываться». Вследствие этого в политическом контексте закономерно появляются политические лидеры, существенным образом производные от ИКТ, такие, например, как президент Франции Э. Макрон, премьер-министр Австрии С. Курц и др.

Развитие ИКТ, не знаящая границ «информационная революция» объективно создали технические возможности для повышения информированности различных местных и глобальных сообществ и привели к демократизации всех сторон социальной жизни, что подготовило условия для усиления «давления» общественности на политических лидеров. Более того, по утверждению А.П. Кочеткова, «развитие информационно-коммуникативной инфраструктуры расширило возможности... неконтролируемого восприятия и распространения информации, поставив под сомнение саму возможность существования тоталитарных и авторитарных режимов в развитых странах», вследствие чего в настоящее время на земном шаре диктаторов насчитывается как никогда мало в истории человечества [8, с. 16].

Однако развитие Интернета сформировало также новые вызовы и проблемы. Так, согласно австрийскому философу Г. Кёхлеру, «началась эра коммуникаций в *массовом обществе*, где решающим политическим фактором стала *виртуальная толпа* (или «цифровая толпа»), в коллективной душе которой отразились психологические характеристики толпы, описанные французским социологом Г. Лебоном: импульсивность, податливость внушению и легкое верие, анонимность, односторонность чувств, чувство безответственности, снижение критического мышления и т.п. [9, с. 78–79]. Все это создает благоприятные условия для политиков, ориентированных на широкое использование инструментов пропаганды и дезинформации.

В авторитарных, а тем более тоталитарных государствах существуют жесткие формы «упорядочивания» Интернета. Так, например, в Ливии во времена Каддафи функционировал центр прослушивания населения, включая весь сегмент Интернета и мобильной связи. Подобная картина зафиксирована и в Сирии, где команда президента страны Башар аль-Асада имеет возможность контролировать Интернет, включая доступ к логинам и паролям своих граждан, что открывает путь к их электронной переписке, страницам в социальных сетях Facebook и Twitter. Как заявил в марте 2018 г. советник президента России по вопросам развития Интернета Герман Клименко, Россия в случае политической необходимости готова к отключению от мирового Интернета, однако подчеркнул, что при этом не будут применены экстремальные варианты вроде северокорейского или кубинского.

Политическое лидерство в контексте сетевых отношений

В эпоху постмодерна происходит *рост самоуправляемых демократических структур (сетей)* – инициатив снизу. Для этого периода характерно более широкое пространство для индивидуальной автономии и самореализации, чем в эпоху модерна, тем более учитывая, что, согласно Р. Инхларду, «постматериалисты лучше образованы, более убедительные и политически активные, чем материалисты» [10, с. 366]. Происходит сдвиг от «материалистических ценностей» к ценностям постматериалистическим, которым свойственна ориентация на социальную активность и самореализацию

индивида. Отметим, что им свойственна также высокая мотивированность действий и акцентирование на содержании действий, а не их форме, в силу высокой степени личной заинтересованности в достижении общих целей. Такая ориентация людей выступает еще и как реакция на исчерпанные возможности развития социальных систем посредством их институциональных изменений, что принуждает к качественно иной активности самих людей. Очевидно, что достаточно часто политические институты обладают собственной логикой существования, собственными интересами, отличными от интересов простых граждан страны.

В силу своей особой значимости и жизненной актуальности политическая активность граждан канализируется на решении преимущественно не глобальных, а региональных, местных проблем, с которыми человек постоянно и непосредственно сталкивается. Кроме этого, в рамках государственной системы происходит передача властных полномочий на нижние уровни управления и самоуправления, что, в свою очередь, усиливает позиции руководителей низовых политических структур и организаций. В этих условиях возникает социальный спрос на политических лидеров, которые эффективно «вписывают» свои действия в локальный контекст и ориентированы на осуществление микрополитики. Поэтому закономерно, что на региональном уровне, например, в итальянских городах, проявился феномен постмодернистских избирательных кампаний, в результате которых к власти пришли «постмодернистские мэры», которые опирались на развитые местные структуры гражданского общества, «артикулируя и вынося на вершину политической повестки дня ключевые вопросы, актуальные для итальянских городов в кризисные времена» [11, с. 90].

В контексте усиления фактора локальности в эпоху постмодерна получают широкое распространение новые социальные ценности и стили жизни, основанные на толерантном отношении общества к этническому, культурному и сексуальному разнообразию, на признании особой значимости экологических проблем, социального статуса женщин, на осознании рисков атомной энергетики, генетических исследований и др. Происходит детерминированный этими факторами процесс некоторого уменьшения значимости общенациональных политических лидеров за счет политических авторитетов, персонифицирующих эти новые (сегментарные) ценности. Все больший политический вес приобретают лидеры феминистских, экологических, этнических и других движений, а в программах и практиках политических лидеров всех уровней тематика и проблематика «новых ценностей» занимает все более важное место.

В рамках постполитики происходит также усиление горизонтального взаимодействия структур гражданского общества и политических организаций низшего и среднего уровней, что создает социальный спрос на построение эффективных социальных сетей. В этих обстоятельствах принципиально важной задачей для политических лидеров выступает необходимость объединения самых разнообразных социально-политических акторов с целью углубления демократии и повышения КПД принимаемых решений и политических практик.

Как справедливо отмечает А.П. Кочетков, «переход человечества к глобально-информационному обществу приводит к тому, что ведущей тенденцией организации общества становится информационно-сетевой принцип, который предполагает, что основной социальной ячейкой является сеть, некое объединение граждан, близких по духу и интересам. Все общество будет представлять собой систему сетевых структур, а правящим классом в таком обществе становится новая социальная группа – нетократия» [8, с. 11]. Ее главным элементом становится политический лидер, превращающийся в центр и нерв сетевых отношений, которые предъявляют ему, в свою очередь, определенный набор требований. Очевидно, что самым значимым ресурсом сети является

доверие, социальный капитал. Следовательно, репутация лидера, в которой традиционно важен моральный компонент, становится его ключевым активом.

Сетевой подход делает акцент на «соуправлении», основанном на совместном участии в производстве политических решений различных социальных акторов, где лидер выступает хотя и важным, но лишь одним из политических акторов. Общий интерес, взаимозависимость, добровольное сотрудничество и даже равноправие становятся важными компонентами системы политического лидерства. В этой ситуации принципиальное значение приобретает умение лидера выстраивать эффективные коммуникации с другими политическими субъектами с целью достижения общих целей.

Все это приводит к утверждению новой стилистики политического лидерства, для которой присущи следующие параметры. Во-первых, укрепление неиерархических отношений и связей, высокая степень автономии социальных субъектов, что детерминирует неформальный стиль общения и утверждение демократического стиля лидерства. Во-вторых, ориентация на достижение консенсуса между социальными акторами (что невозможно без известной гибкости политических действий и высокой степени интенсивности интеракций с различными политическими акторами) и на формирование своеобразной культуры консенсуса и толерантности. В-третьих, открытость и публичность политических практик всех участников политического процесса, в первую очередь лидера.

Постмодерн в контексте мировой политики

Постмодерн трансформирует и политическое лидерство в системе международных отношений, усиливая в них позиции определенных властных акторов.

С одной стороны, ими могут быть представители транснациональной элиты, в первую очередь представляющие транснациональные корпорации (ТНК), поскольку интенсивно идущие процессы глобализации усиливают их политическое влияние. В последнее десятилетие неуклонно возрастает политическая роль руководителей крупных IT-кампаний, существенным образом контролирующих информационные сети и технологии. Это влияние проявляется, с одной стороны, через необходимость учитывать национальными лидерами в своих политических практиках интересы не только избирателей, но и конкретных ТНК, которые могут позитивно влиять на развитие страны, способствуя приходу инвестиций, созданию рабочих мест, трансферу технологий и т.п.

С другой стороны, эти же ТНК в качестве побочного эффекта способны создавать риски для общества и государства, нанося ущерб окружающей среде, чрезмерно эксплуатируя рабочую силу, способствуя снижению налогов или же создавая коррупционные схемы и др. Создается ситуация, которую американский политолог Bryan D. Jones называет двойным напряжением капиталистической демократии, поскольку теперь уже лидеру необходимо совместить далеко не всегда совпадающие две группы интересов – избирателей и ТНК [12, с. 5–6].

Кроме этого процессы глобализации влияют на внешнеполитическую деятельность международных игроков (лидеров государств и крупных международных организаций), которые по-разному (позитивно или критически) воспринимают и интерпретируют ценности постмодерна. Так, в настоящее время, с одной стороны, мы видим лидеров Франции, Германии и Канады, в целом Евросоюза, активно выступающих в защиту мирового либерального порядка. С другой стороны, отход от этих ценностей руководителей США, Венгрии и Польши приводит к подрыву международных институтов, например ВТО, которые отвечают за глобальное экономическое управление, что, в свою очередь, приводит к острому противоборству внутри евроатлантической цивилизации, в частности Евросоюза. В результате происходит формирование новых политических альянсов. Так, Евросоюз заключил соглашения о свободной торговле с Японией и Ка-

надой, ускорил переговоры о таких же договоренностях с Мексикой, Австралией и Новой Зеландией. Япония и Канада наряду с укреплением отношений с ЕС вместе с одиннадцатью членами соглашения активно выстраивают формат Транстихоокеанского партнерства, от которого отказались США.

Теневая сторона политического лидерства в эпоху постмодерна

В возросшей политической активности граждан существует и «зона риска». В различных формах массового политического участия граждан, тем более ориентированных на решение общественных проблем, может заключаться и нигилистическое отношение к власти, государственным институтам и политическим лидерам. Речь идет, в частности, о том, что «в политическом пространстве подъем постматериальных ценностей приводит к уменьшению уважения к власти... Уже нет согласия быть дисциплинированными отрядами, публика становится все более автономной и делает вызов элите» [6, с. 377–378]. Обусловлено это преимущественно тем, что массовая публика в силу своей заинтересованной вовлеченности в политический процесс начинает более критично воспринимать деятельность властных институтов и акторов.

Как отмечают польские политологи Т. Bodio и P. Załęski, многочисленные социологические опросы, проводимые в Польше, фиксируют «возрастающую неприязнь людей к политике и политическим лидерам... Все чаще появляются сомнения в их компетенции, профессионализме и моральности». В связи с этим «среди поляков повсеместно распространяется убеждение, что они должны прежде всего рассчитывать на себя, а не на лидеров и политиков... Драматично уменьшается число соотечественников, готовых передавать принадлежащие им права своим представителям в структурах власти» [13, с. 389]. В результате представительская демократия, производящая определенный тип лидеров, постепенно вытесняется демократией прямого участия, вызванной «революций субъектов» (K. Obuchowski). Этот процесс рождает спрос на лидеров и политиков нового типа. Один из вариантов – усиление позиций лидеров, возглавляющих политические движения (в эпоху модерна маргинальные), делающие ставку не только на уличную активность, но и на вхождение в государственные структуры. Второй (более распространенный) вариант – это приход к власти политиков-популистов, поскольку, как утверждает польский политолог J. Staniszkis, «в наступающей эре постполитики мы будем иметь дело с маргинализацией политики, ее своеобразным выталкиванием от государства к культуре», что «вызвано кризисом государства, сведением политики к ритуалу выборов, постепенной деполитизацией общественной жизни», существенным падением уровня доверия к властвующей элите [14, с. 63]. Это может быть и аграрный популизм, выступающий против внедрения новых технологий в сельскохозяйственном секторе, и национал-популизм, настаивающий на безусловном приоритете национальных ценностей над универсальными, общецивилизационными, и политический популизм, основанный на противопоставлении простого народа и властвующей элиты.

В связи с этим трудно согласиться с рядом элитологов, утверждающих, что в настоящее время в европейских государствах происходит переход от трансформационного лидерства, ориентированного на некоторые высшие смыслы, к транзакционному лидерству, нацеленному на эквивалентный обмен выгодами, ресурсами, опциями между лидером и последователями и основанному преимущественно на соображениях расчета, коммерческого обмена, утилитарного интереса. Что начинает преобладать, «иконный лидер», обладающий, безусловно, необходимыми для лидерства профессиональными способностями и качествами, но не стремящийся ни к радикальным общественным изменениям, ни к политическому мессианизму, несмотря на достаточно широкую поддержку избирателей. Указывается и на то, что транзакционное лидерство по причине своей утилитарности хорошо вписывается в концепцию политики «без идеологии» [13, с. 390].

С подобной позицией трудно согласиться, поскольку очевидно, что базисной характеристикой общества постмодерна является широкое распространение в обществе постматериальных ценностей, которые, трансформируя систему политического лидерства, усиливают в нем позиции именно ценностных систем (моральных, идеологических, религиозных, эстетических и пр.), уменьшая значимость потребностей материального существования и безопасности. Один из примеров этого – приход к власти в Польше партии «Право и справедливость», лидеры которой в первую очередь апеллировали к традиционным ценностям избирателей и только потом к их утилитарным материальным интересам.

Теневая сторона политического лидерства в новую эпоху связана и с тем, что все большее число лидеров отдают предпочтение не рациональной и прагматичной политике, а имитации собственной публичной деятельности. J. Staniszkis использовала для обозначения этой стратегии понятие «политика пастиша», суть которой выражается в подделке, имитации, целенаправленном искажении чего-то подлинного, настоящего, правильного, что вызывает всеобщее одобрение. «Пастиш» по своей природе ориентирован на создание для массовой публики псевдособытий, развлечений, «зрелищ» и исходит из ее потребительского отношения к миру [15, s. 141].

Такая политика основана на том, что, согласно французскому философу Ж. Бодрийяру, в современной культуре наблюдается господство не ценностей, а знаков, являющихся *симулякрами* (фальшивками), которые создают посредством *симуляции* гиперреального как знакового; это символическое замещение реальности, подменяющее и поддельвающее подлинные смыслы и факты. В обществе постмодерна исчезает самое существенное – различие между симуляцией и миром реального. В результате утверждения этого тренда, по убеждению белорусского философа В. Фурса, «очувтившись в пространстве симуляции, власть оказывается дезорганизованной и становится симуляцией власти... Власть играет в действительность, в кризис, в переориентировку художественных, социальных, экономических и политических целей... Власть, бывшая некогда структурой, стратегией, отношением силы, целью, переходит в разряд социального заказа... теперь власть утрачивает свою мрачноватую вездесущность и паноптизм. Она оказывается таким же симулякром, как и сопротивление, ей оказываемое» [16, с. 911].

В политическом лидерстве «культура симулякрума», обеспечивающая в социуме статус и власть, нацелена на симулятивное формирование некоего «синтетического» политического образа, в реальности не существующего, но «ставшего крайней формой товарного овеществления» (Г. Дебор), поскольку главным его качеством является «товарный вес», т.е. способность быть проданным социальной массе. Отсюда один шаг до масштабного использования лидером «лингвистической маски», инструментов манипуляции общественным сознанием, а не конкуренции прагматичных политических программ. Кроме того, в рамках постмодерна социальная «масса» не приемлет смысла и «интересуется лишь знаковостью», коммуникация для нее – «бесперывное поглощение знаков, обусловленное жаждой зрелища» [17, с. 772].

Важным компонентом политики пастиша в настоящее время является также широкое распространение *постправды*, т.е. масштабного обращения политических лидеров к чувствам и эмоциям избирателей, когда факты, истина, содержание имеют все меньшее значение. Как отмечала Л. Шевцова, эпоха постмодерна – «это время “постправды”, когда правды не существует, так как действительность производится нашим сознанием, и даже нет необходимости в fact-checking» [7].

Кроме этого, у лидеров наблюдается отсутствие политического визионерства, так как они скованы кратковременным горизонтом, предопределяемым для них очередными выборами. Поскольку же нет видения на перспективу, то политическое планирование не осуществляется на длительные сроки.

Существует еще одна зона риска. Известно, что «постматериальные ценности» утвердились в тех социальных системах, в которых существовал высокий уровень жизни населения и социальной безопасности в целом. В этих условиях индивиды, уверенные в своем стабильном будущем, «могут толерантно ставиться к неопределенности» (Р. Инглхарт) и «безосновательной конкретности». Но только до определенного предела и временного лага. Никакая общественная система не застрахована от экономических кризисов, социально-политических и культурных потрясений, что подтверждает, в частности, мировой экономический кризис 2008–2009 гг. или миграционный кризис в Европе последних лет.

Отметим также, что по своей природе постмодерну свойственны такие феномены с неоднозначной, а зачастую и негативной коннотацией, как делегитимизация, неопределенность, маргинализация, непостоянство, разрушение границ, неоднородность и т.п., что потенциально способно порождать тренд к социальному хаосу.

В случае же разрушения чувства безопасности индивида эпохи постмодерна возможен вариант прихода к власти при масштабной электоральной поддержке лидеров, делающих акцент уже не на ценностях постмодерна, а модерна, на удовлетворении групп потребностей, которые составляют низший уровень иерархии потребностей (потребности материального существования и безопасности), а также на обеспечении предсказуемого будущего. Это с одной стороны. А с другой – в условиях угрозы люди традиционно ищут опору в сильной авторитарной власти. В политическом лидерстве и политических элитах различных уровней может происходить утверждение серости и конъюнктурности, интеллектуальное и моральное вырождение лидеров, что потенциально создает зону серьезных социально-политических угроз для современных государств.

Заключение

Постмодерн и порожденная им постполитика характеризуется как кризисом традиционной модели лидерства, базовые элементы которой были сформированы в модерне, так и утверждением ее новых форматов в русле открывшихся социальных возможностей. При этом возрастает политическая роль той части политических лидеров, которые персонифицируют локальные ценности (этноцентризм, новые гендерные роли и статусы, определенные религиозные нормы, экологические установки и др.), а также интересы местных сообществ (постмодернистские мэры). Наблюдается уменьшение масштаба личностей деятелей, возглавляющих крупные политические структуры (государства, политические партии, международные организации), что вызвано и виртуализацией политического пространства, и широким распространением массовой культуры, и консюмеризацией социальной жизни, в рамках которой лидер выступает скорее торговцем, а не демиургом общественных процессов, и гедонизацией жизни людей, что вынуждает лидера развлекать публику (толпу) и удовлетворять ее многочисленные прихоти (потребности, запросы), и утверждением «культуры симулякрума». В системе политического лидерства происходит интенсивный процесс ее медиализации, который побуждает лидеров и членов их команд активно использовать новейшие информационные технологии, в первую очередь Интернет. Очевидно также повышение политической активности граждан, не всегда, правда, конструктивное. Политическое лидерство в эпоху постмодерна существенным образом трансформирует и международные отношения, разрушая прежние политические союзы и стимулируя создание новых. Как политическая реакция и альтернатива постмодернизму – приход к власти в ряде стран (США, Италия, Польша, Венгрия) политиков, для которых ценности постмодерна выступают проявлением беспринципности и чрезмерной эклектики, лишаящих людей устойчивых традиционных ориентаций и смыслов, что рождает социальный спрос на лидеров, апеллирующих к модерну.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лысюк А. И. Политическое лидерство в эпоху постмодерна: социокультурные основания / А. И. Лысюк, Д. А. Лысюк // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2018. – № 1. – С. 99–107.
2. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М. : Политиздат, 1991. – 413 с.
3. Ашин, Г. К. Элитология: история, теория и современность / Г. К. Ашин. – М. : МГИМО-Университет, 2010. – С. 177–180.
4. Keough, T. Postmodern Leadership and the Policy Lexicon: from Theory, Proxy to Practice / T. Keough, B. Tobin. – Quebec : Laval University, 2001. – P. 3–22.
5. Walton, K. Archons and Acolytes. The New Power Elite / K. Walton. – New York : Oxford, 1998. – 254 p.
6. Żukiewicz, P. Przywództwo polityczne. Teoria i Praktyka / P. Żukiewicz. – Warszawa : Difin, 2011. – 440 s.
7. Шевцова, Л. Исчерпанное время постмодерна [Электронный ресурс] / Л. Шевцова. – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/a/28243845.html>. – Дата доступа: 14.10.2017.
8. Кочетков, А. П. Власть и элиты в глобальном информационном обществе / А. П. Кочетков // Полис. – 2011. – № 5. – С. 8–20.
9. Кёхлер, Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога / Г. Кёхлер // Полис. – 2013. – № 4. – С. 75–85.
10. Инглхарт, Р. Мадэрнізацыя і постмадэрнізацыя / Р. Инглхарт // Палітычная навука. Анталогія класічных тэкстаў. – Мінск ; Вільня : Паліт. сфера, 2012. – С. 326–389.
11. Belluatti, M. Postmodern Mayors: the 2011 Local Elections in Milan and Turin in and beyond the Media / M. Belluatti, G. Bobba // Bulletin of Italian Politics. – 2012. – Vol. 4, № 1. – P. 85–113.
12. Jones, B. D. Causation, Constraint and Political Leadership / B. D. Jones // Leadership and Politics: New Perspectives. – Lawrence : University of Kansas, 1989. – S. 3–14.
13. Bodio, T. Przywództwo i elity polityczne / T. Bodio, P. Załęski // Społeczeństwo i polityka. Podstawy nauk politycznych. – Warszawa : ASPRA-JR, 2007. – 1398 s.
14. Staniszkis, J. Władza globalizacji / J. Staniszkis. – Warszawa : Scholar, 2003. – 264 s.
15. Staniszkis, J. O władzy i bezsilności / J. Staniszkis. – Kraków : Wydaw. Literackie, 2006. – 288 s.
16. Фурс, В. В. Симулякры и симуляция / В. В. Фурс // Социология : энциклопедия. – Минск : Книж. дом, 2003. – С. 910–915.
17. Кацук, Н. Л. Постмодернистская социология / Н. Л. Кацук // Социология : энциклопедия. – Минск : Книж. дом, 2003. – С. 770–773.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.05.2018

Lysiuk A.I., Lysiuk D.A. Forms and Methods of Political Leadership in the Postmodernity Epoch

In this article, we analyse the set of forms and methods of political leadership, determined by postmodern paradigms, which formed a new format of political relations – post-politics. Herewith essentially increases political role of those political leaders, who personify new local values and interests of local communities («Postmodern mayors»). In the system of political leadership there is also an intensive process of its medialisation, which encourages leaders and members of their teams to use actively the latest information technologies. Political activity of citizens increases significantly. As a political reaction to disappointment with the values of postmodernity politicians, who deny these values and appealing to modernity are coming into power in a number of countries.

УДК 316.46+323.2

Э.Н. Северин

канд. полит. наук, доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: Endhause1982@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ТРАКТОВКЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

Политическое участие основывается на особенностях конкретной социально-политической системы: формальных/неформальных возможностях и ограничениях, уровне модернизации, традициях. Возрастающая роль политики в повседневной жизни индивида, стирание различий между частной и общественной сферами, расширяющиеся компетенции и ресурсы граждан, а также наличие свободного доступа к политической информации привели к непрерывному росту доступных форм политического участия. В работе анализируются основные подходы к пониманию содержательного пространства феномена «политическое участие». С учетом изменившейся политической реальности сделана попытка показать сильные и слабые стороны теории «политического участия».

Введение

С конца XX в. происходит трансформация феномена «политическое участие», которое под влиянием подъема индивидуализма и уровня образования в современном социуме принимает менее институционализированные и более косвенные формы. В современной политической реальности спектр политических действий, основанных на участии, стал очень широким и включает голосование, общение с государственными должностными лицами, членство в политических объединениях, посещение митингов, демонстраций, участие во флешмобах, бойкотирование, политическую активность в интернет-пространстве и др. Политическое участие характерно для любой политической системы, но в первую очередь это неотъемлемая черта демократии. В демократических политических системах политическое участие представляется фундаментальной ценностью, непосредственно связанной с практической реализацией концепции гражданства, в частности посредством реализации избирательного права в процессе голосования. «Живя в гражданской культуре, обычный человек в большей... степени склонен поддерживать на высоком и постоянном уровне политические связи, входить в какую-то организацию и участвовать в неформальных политических дискуссиях. Эти виды деятельности сами по себе не указывают на активное участие в общественном процессе принятия решений, однако они делают такое участие более вероятным. Они готовят индивида к вторжению в политическую среду, в которой включение и участие гражданина становятся более осуществимыми» [1, с. 124].

В политической теории сам факт «широкого участия» индивидов в управлении государством оценивался неоднозначно. «Люди рождаются не слишком похожими друг на друга, их природа бывает различна, так что они имеют различные способности к тому или иному делу», – утверждал автор «идеальной модели государства» древнегреческий мыслитель Платон [2, с. 107].

Анализируя республиканскую форму государственного правления, французский философ Ш.-Л. Монтескье своеобразно рассматривал исследуемый нами вопрос, надеясь простой народ правом избирать, но не быть избранным: «Большинство граждан вполне способно быть избирателями, но не имеет всех нужных качеств, для того чтобы быть избранными» [3, с. 171].

Другой французский мыслитель Ж.-Ж. Руссо проблему политического участия рассматривал сквозь призму гражданских прав и свобод. Речь шла о компенсации имеющегося экономического неравенства политическим равенством и равенством всех перед законом народной власти. Такого рода равенство толковалось философом в качестве главного принципа организации политической жизни людей и реализации идеи «народного суверенитета» на основе общественного договора. Как показывает политическая история, права и свободы, стремление к их реализации всегда выступали наиболее значимым мотивом участия индивидов в политических процессах. Равенство, делающее людей независимыми друг от друга, вырабатывает в них привычку и склонность руководствоваться в частной жизни лишь собственными желаниями и волей. Та полная независимость, которой они постоянно пользуются как в отношении с равными себе, так и в личной жизни, вызывает в них недовольство любой властью и вскоре формирует у них понятие политической свободы и приверженность ей [4, с. 237].

К. Маркс предложил вариант интеграции гражданского и политического, т.е. объединения человека и гражданина, но не на основе доктрины прирожденных прав и свобод, а на основе политической эмансипации пролетариата. В свою очередь, В.И. Ленин рассматривал политическое участие в контексте политической свободы как возможность открытого и прямого влияния на государственную власть: «Самым насущным требованием рабочих и первой задачей влияния рабочего класса на государственные дела должно быть достижение политической свободы, т.е. прямого, обеспеченного законами (конституцией) участия всех граждан в управлении государством» [5, с. 107].

Один из основателей концепции «демократического элитизма», американский ученый Й. Шумпетер указывал на неравнозначность положения функциональной нагрузки управляющих и управляемых, сводя политическое участие последних к голосованию: «Считая формирование правительства первичной функцией избирателей (прямо или через посреднический орган), я предполагал включить эту фразу также и функцию его роспуска. Первая означает просто принять лидера или группу лидеров, вторая – отказ от этого согласия» [6, с. 243]. Сходных позиций придерживался и итальянский мыслитель Г. Моска: «В дополнение к большому преимуществу выпавшей на долю меньшинства организованности оно так обычно сформировано, что составляющие его индивиды отличаются от массы управляемых качествами, которые обеспечивают им материальное, интеллектуальное и даже моральное превосходство; или же они являются наследниками людей, обладающих этими качествами» [7, с. 189].

В условиях становления и закрепления в Европе фашистской идеологии испанский философ Х. Ортега-и-Гассет указывает на опасность политических действий, оторванных от разума и убеждений предыдущих поколений: «Под маркой синдикализма и фашизма в Европе впервые появляется тип человека, который не считает нужным оправдывать свои претензии и поступки перед другими, ни даже перед самим собой; он просто показывает, что решил любой ценой добиться цели. Вот это и есть то новое, небывалое: право действовать безо всяких прав. Тут я вижу самое наглядное проявление нового поведения масс, причина же в том, что они решили захватить руководство обществом в свои руки, хотя руководить им они не способны» [8, с. 121].

Основатель концепции плебисцитарной демократии немецкий ученый М. Вебер с точки зрения уровня занятости индивидов в политике выделил «политиков по случаю», «политиков по совместительству» и «политиков-профессионалов». «Политиками “по случаю” являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например, рукоплещем или протестуем на “политическом” собрании, произносим “политическую” речь и т.д.; у многих людей подобными действиями и ограничивается их отношение к политике. Политиками “по совместительству” являются в наши дни, например, все те доверенные лица и правление партий-

но-политических союзов, которые – по общему правилу – занимаются этой деятельностью лишь в случае необходимости, и она не становится для них первоочередным “делом жизни” ни в материальном, ни в идеальном отношении... Есть два способа сделать из политики профессию: либо жить “для” политики, либо жить “за счет” политики и политикой» [9, с. 652].

Первоначально исследования в области политического участия были посвящены участию в выборах и носили эмпирический характер. В рамках «бихевиоральной революции» благодаря трудам С. Вербы и Г.А. Алмонда сформировались основы классической теории политического участия. Г. Алмонд и С. Верба определяли политическое участие как «действия частных граждан с целью прямого или косвенного влияния на отбор государственных управленцев и их деятельность» [10, с. 123]. Сходное определение дал и Дж. Нагель: «Действия, посредством которых рядовые члены любой политической системы влияют или пытаются влиять на результаты ее деятельности» [11, с. 171].

Вначале интерес исследователей фокусировался исключительно на легальных формах. М. Каазе и А. Марш предложили следующее определение: «Свободная активность граждан, направленная на прямое или опосредствованное влияние на принятие тех или иных вариантов или альтернатив на разных уровнях политической системы» [12, с. 112]. Подобный подход не исключает протестных форм политического участия даже в их радикальном виде. Таким образом, значительно расширяется содержание категории, что позволяет определять и исследовать все без исключения каналы влияния граждан на политическую систему, что особенно важно в условиях современной политической реальности.

Один из основателей американской социологии политического участия У. Милбрайт выделил три типа участников: апатичные акторы (полностью не участвуют в политике), зрители (участвуют в политике время от времени) и гладиаторы (характеризуются постоянным участием). Позже, опираясь на исследования С. Вербы, У. Милбрайт предложил следующую классификацию: избиратели и патриоты, контактные специалисты, коммуникаторы, партийные и агитационные работники, общественные активисты и протестующие [13].

Существенный вклад в формирование теории политического участия внесли американские политологи Б. Барнс и М. Каазе, разработавшие следующую типологию форм участия: неактивный тип, конформистский тип, реформистский тип, активистский тип, протестующий тип [14].

Шведский политолог Я. Теорелл выделил такие формы политического участия, как участие в выборах, политическое потребление, членство или активное участие в политических институтах, протестная активность, контактная деятельность (контактирование с государственными служащими) [15, с. 337].

На характер политического участия оказывают влияние группы факторов.

Социально-биологические факторы

Возраст. Молодежь слабо интегрирована в политические структуры и недостаточно представлена в органах государственной власти. В рамках традиционного политического участия такая переменная, как политическая активность, не является характерной чертой молодежи (она резко возрастает после тридцати пяти лет, а затем уменьшается после пятидесяти). При этом стремление молодых людей «легко» интегрироваться во взрослый мир политики, юношеский максимализм, нигилизм и склонность к авантюризму, отсутствие достаточного социально-политического опыта определяет молодежь в качестве основного объекта манипулятивного воздействия. Протестный энергетический потенциал молодежи широко используется в процессе революционных преобразований. В данном контексте следует согласиться с мнением известного аме-

риканского политолога, идеолога ненасильственного протеста и «цветных революций» Дж. Шарпа: «Живите, думайте сами за себя, не позволяйте кому-то думать за вас, будьте тверды и главное – думайте, думайте, думайте!» [16].

Гендер. Существует мнение, что мужчины активнее участвуют в политической деятельности, чем женщины. Признанная сегодня научным и политическим сообществом парадигма устойчивого развития основана на принципах ликвидации всех форм социального и политического неравенства и предоставлении в равной степени для всех людей условий и возможностей удовлетворения наиболее важных для жизни потребностей нынешних и будущих поколений в гармоничном сочетании с сохранением глобальной экосистемы Земли. Одной из Целей устойчивого развития, провозглашенных на 70-й юбилейной сессии ООН в сентябре 2015 г., является достижение гендерного равенства. Реализация гендерной политики, в свою очередь, способствует сближению политического статуса мужчин и женщин и выполняемых ими ролей в условиях социально-политической действительности. Чем больше женщины интегрируются в сферы трудовых и политических отношений, тем больше их поведение совпадает с поведением мужчин. Но есть и культурное измерение данного показателя: в условиях патриархального общества модель гендерного разделения функций по-прежнему сохраняется, что позволяет женщинам управлять частным, а мужчинам – социально-политическим пространством. Об определенных успехах Республики Беларусь по обеспечению равных прав женщин и мужчин свидетельствуют конкретные факты. Например, по итогам выборов 2016 г. доля женщин в белорусском парламенте возросла до 33,7 % от общей численности Палаты представителей; в результате выборов 2018 г. 48,2 % мест в местных Советах депутатов заняли женщины. По данным доклада Всемирного экономического форума по гендерному равенству, в 2018 г. Беларусь заняла 30 место среди всех стран мира, также Беларусь входит в лидирующую группу стран, в которых индекс человеческого развития женщин равен или превышает аналогичный показатель мужчин. Беларусь занимает одно из ведущих мест в мире по количеству студентов-девушек, каждая третья работница в стране имеет высшее образование, доля женщин-преподавателей составляет 54 %.

Образование и доход. Политическое участие тесно связано со степенью политической компетентности, а она с – уровнем образования. По мнению классиков теории политического участия американских ученых С. Вербы, Н. Ная и Дж.О. Кима («Участие и политическое равенство: сравнение семи стран», 1978 г.), разрыв между мужчинами и женщинами был сокращен за счет выравнивания уровней образования, за исключением избирательных кампаний, в рамках которых женщины реже баллотируются в представительные политические органы и менее склонны к участию в сложных и радикальных политических мероприятиях. Образование и просвещение – это ключевые элементы политического участия, включения в социум и демократию. Образовательные инициативы, в том числе инициативы гражданского общества, могут помочь маргинальным группам населения получить доступ к цивилизованному политическому участию.

Таким образом, одним из важных показателей социально-экономического фактора политического участия является образование, которое наряду с уровнем дохода в основном определяет социальный статус индивида, что, в свою очередь, является значимым индикатором уровня интеграции индивида в систему политических и социальных отношений. Как отмечал С. Верба, «во всех странах люди, как правило, “конвертируют” социально-экономические ресурсы в участие в политической жизни» [17, с. 242].

Политические факторы

Политическая идентификация. Отождествление личности с конкретной социальной группой (этнической, профессиональной, конфессиональной и др.), политиче-

ской партией или движением может компенсировать недостатки низкого социального статуса. Чем более высокий показатель идентификации индивидов с политическими партиями, группами интересов в рамках политической системы, тем более высокий уровень политического участия. Партии появляются именно как следствие выхода политического участия за рамки немногочисленных групп традиционных политических элит. Главной функциональной задачей политических партий является аккумуляция общественных интересов и содействие их организованному и целенаправленному продвижению в рамках системы принятия политических решений [18, с. 56].

Политическая система. При реальном участии индивидов в формировании политических элит, в определении основных векторов политики, стратегий развития государства, распределении благ можно говорить о модернизированной политической системе, основанной на политическом участии. Однако «кризисы политического участия» характерны как для немодернизированных политических систем, так и для политических систем, находящихся на этапе модернизации, «старых» демократий. Для первых характерны строгая традиционная регламентация политической жизни, которая либо обеспечивает чувство стабильности для граждан, либо формирует неверие в эффективность политической системы в целом и проявляется в форме апатии. Для вторых существует опасность роста политических конфликтов и кризисов из-за увеличения политических акторов, претендующих на власть (в условиях «галопирующей» модернизации индивид и гражданское общество в целом могут оказаться неподготовленными к новым условиям; наблюдается возрастание роли и количества религиозно-политических ассоциаций). Религиозный фактор, как правило, препятствует трансформационным процессам и ведет к возвращению к авторитарным или тоталитарным формам политических систем.

В условиях постмодернизма кризис участия проявляется в низком уровне политической активности, вызванном гипертрофированным индивидуализмом и оторванностью от проблем общества и государства, чувством пресыщенности благами. По мнению американского ученого С. Флэнагана, «отношение людей к общественной жизни основывается на эгоистическом расчете выгод и издержек: они принимают в ней участие только в том случае, если это сулит немедленную выгоду и не слишком затрагивает их личную свободу» [17, с. 422]. В целом, несмотря на общий контекст апатии, низкий уровень политического участия приводит к стабильности «старых» демократий.

Политический режим. Характер политического участия диалектически связан с типом политического режима как функциональной составляющей политической системы. В условиях демократии человек, его права и свободы являются высшей ценностью общества и государства, делается попытка относительно равного распределения ресурсов политического участия («равенство возможностей»), создаются реальные условия для реализации известного политико-правового принципа «разрешено все, что не запрещено законом», политико-правовые акты в большей степени выступают механизмом обеспечения, а не ограничения политического участия. Законодательно разрешены любые формы мирного протеста. В таких условиях политическое участие базируется на личной инициативе и мотивации, внутренней и внешней свободе, реализации интересов людей и отрицании принципа дискриминации по любым дифференцирующим признакам.

Методологической основой, содержащей гарантийный механизм и определяющей характер политического участия белорусских граждан, является Конституция Республики Беларусь. Комплекс системообразующих международных политико-правовых принципов, определяющих конституционные основы Беларуси, содержится в первом разделе Конституции «Основы конституционного строя»: построение демократического социального правового государства (ст. 1); признание человека высшей ценностью общества и государства (ст. 2); народовластие и суверенитет народа (ст. 3); закрепление принципа демократии и плюрализма мнений (ст. 4); разделение властей на законодатель-

ную, исполнительную и судебную ветви (ст. 6); верховенство права (ст. 7); равенство форм собственности (ст. 13); религии и вероисповедания равны перед законом (ст. 16). В Республике Беларусь непосредственное участие граждан в управлении делами государства обеспечивается проведением референдумов, обсуждением проектов законов, другими определенными законом способами. В соответствии со ст. 35 Конституции государство гарантирует свободу собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, не нарушающих правопорядок и права других граждан Республики Беларусь. Порядок проведения указанных мероприятий определяется законом. Каждый имеет право на свободу объединений. Граждане Республики Беларусь имеют право участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей (ст. 37); граждане Республики Беларусь имеют право свободно избирать и быть избранными в государственные органы на основе всеобщего, равного, прямого или косвенного избирательного права при тайном голосовании (ст. 38); граждане Республики Беларусь в соответствии со своими способностями, профессиональной подготовкой имеют право равного доступа к любым должностям в государственных органах (ст. 39). Отдельные положения, отражающие конституционный механизм обеспечения политического участия, содержатся в разделах «Президент, парламент, правительство, суд», «Избирательная система. Референдум», «Местное управление и самоуправление». «Народовластие наряду с правами человека является фундаментом политического и государственного устройства Республики Беларусь. Народовластие в своем высшем проявлении – это власть не от имени народа, а власть самого народа» [19, с. 4].

Таким образом, демократия является фактором обеспечения политического участия, а политическое участие – поддержки и обеспечения демократии. Однако политическое участие, на наш взгляд, не следует сводить исключительно к демократическим политическим режимам. В условиях авторитаризма определенные социальные и политические группы частично или полностью отстраняются от политического участия, которое приобретает дозированные, регламентированные формы. Принцип равенства интересов индивида признается государством, но не обеспечивается им. Неравное распределение политического участия оправдано только в том случае, когда у всех есть равные возможности для участия в политике. Для тоталитарных политических режимов характерно «показное» политическое участие, которое сводится к поддержке самого режима. Под угрозой санкционно-репрессивных мер запрещены все формы политического и социального несогласия.

С точки зрения современной политической реальности можно выделить три группы трансформаций, оказавших значимое влияние на феномен политического участия.

1. Трансформация целей. Те социальные явления, рассматривавшиеся раньше как неполитические, становятся предметом политических требований, которые должны быть достигнуты путем политических действий. Это касается, например, признания новых ценностей, прав меньшинств (политика идентичности).

2. Трансформация политического пространства. В современном мире правительства национальных государств не имеют монополии на принятие политических решений. Сформировалась гораздо более сложная структура осуществления политической власти, которая включает в себя множество разных политических акторов. Вызвано это в первую очередь интеграционными процессами и глобализацией (интеграцией), что привело к появлению новых уровней правительств и политических институтов, таких как Европейская комиссия, Всемирный банк или ООН, транснациональные корпорации, которым национальные правительства делегируют часть своих властных полномочий, и др. Классический подход к пониманию сущности политического участия основывается только на рассмотрении действий в отношении национальных органов государственной власти. Нет сомнения, демонстрации антиглобалистов адресованы не толь-

ко национальным правительствам, но и наднациональным властным институтам. Интернет не только «стер» границы политического участия, но и способствовал появлению его новых форм.

3. Трансформация форм. Политическая киберактивность предполагает такие возможные формы, как участие онлайн в политических дискуссиях и диалогах, подписание интернет-петиций, участие в интернет-пожертвовании, интернет-голосовании и др. К новым формам политического участия следует отнести парады, карнавалы, «политическое потребление» и др.

Заключение

На наш взгляд, содержательное пространство феномена «политическое участие» обладает рядом особенностей:

1. Участие приобретает политическую характеристику в тех случаях, когда индивид вовлекается в процессы, связанные с ограничением, приобретением, распределением, реализацией и сохранением политической власти и связанных с ней дивидендов. Как отмечает известный белорусский политолог В.А. Мельник, «политическое участие – это деятельность граждан, направленная на формирование институтов власти, определение содержания проводимой правящей группой политики и осуществление контроля за ее реализацией» [20, с. 427].

2. Основным субъектом (даже в институционализированных формах) политического участия является индивид.

3. Политическое участие выступает в качестве важного критерия таких категорий, как политическая социализация, политическое сознание, политическое поведение, политическая культура, политический режим. В демократии политическое участие представляется фундаментальной ценностью, связанной с концепцией гражданства. Однако политическое участие характерно как для демократических, так и недемократических политических режимов.

4. Политическое участие является одним из системообразующих элементов политической системы. Благодаря политическому участию конкретизируются и реализуются такие функции «входа», как требования и поддержка. Политическое участие предполагает не только реализацию политических требований, убеждений и чувства гражданской ответственности, но и удовлетворение интересов, материальное или символическое.

5. Политическое участие предполагает добровольную деятельность (или действия) «политиков-непрофессионалов». На наш взгляд, под политическим участием следует понимать индивидуальные или коллективные виды деятельности (действий), оказывающие управляемое влияние на функционирование политической системы.

Таким образом, любая индивидуальная, добровольная, непрофессиональная деятельность в сфере политики является примером политического участия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмонд, Г. А. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. А. Алмонд, С. Верба // Полис. – 1992. – № 4. – С. 122–134.

2. Платон. Филеб. Государство. Тимей. Критий : сборник / Платон ; пер. с греч. С. С. Аверинцева ; общ. ред. А. Ф Лосева. – М. : Мысль, 1999. – 656 с.

3. Монтескье, Ш.-Л. Избранные произведения / Ш.-Л. Монтескье ; под общ. ред. М. П. Баскина. – М. : Гослитиздат, 1955. – 799 с.

4. Токвиль, А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль. – М. : Весь мир, 2000. – 560 с.

5. Ленин, В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М. : Изд-во полит. лит., 1967–1975. – Т. 33. – 1969. – 434 с.
6. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия : пер. с англ. / Й. Шумпетер. – М. : Экономика, 1995. – 540 с.
7. Моска, Г. Правящий класс / Г. Моска // Социс. – 1994. – № 10. – С. 187–198.
8. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Вопр. философии. – 1989. – № 3. – С. 119–154.
9. Вебер, М. Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова. – М. : Прогресс, 1990. – 804 с.
10. Алмонд, Г. А. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. А. Алмонд, С. Верба // Полис. – 1992. – № 4. – С. 122–134.
11. Холмская, М. Р. Политическое участие как объект исследования (обзор отечественной литературы) / М. Р. Холмская // Полис. – 1999. – № 5. – С. 170–176.
12. Чемшит, А. А. Критерии приемлемости и неприемлемости политического участия / А. А. Чемшит // Грани. – 2004. – № 3. – С. 108–122.
13. La participation politique [Electronic resource] // Baripedia. – Mode of access: http://baripedia.org/wiki/La_participation_politique. – Date of access: 16.09.2018.
14. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. Beverly Hills, Calif [Electronic resource] / S. Barnes [et al.] // WorldCat. – London : Sage, 1979. – Mode of access: <http://www.worldcat.org/title/political-action-mass-participation-in-five-western-democracies/oclc/4495675>. – Date of access: 26.08.2018.
15. Political Participation: Mapping the Terrain / J. Teorell [et al.] // Citizenship and Involvement in European Democracies: A Comparative Analysis / ed.: J. W. van Deth, J. R. Montero, A. Westholm. – London ; New York : Routledge, 2007. – P. 334–357.
16. Идеолог «цветных революций» о русском следе своего метода : интервью с Джином Шарпом [Электронный ресурс] // Интелрос. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/13259-ideolog-cvetnyh-revoluciy-o-russkom-slede-svoego-metoda-intervyu-s-dzhinom-sharpom.html. – Дата доступа: 10.08.2018.
17. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое изд-во, 2011. – 464 с.
18. Гончаров, Д. В. Теория политического участия / Д. В. Гончаров. – М. : Юристъ, 1997. – 205 с.
19. Народовластие как основа политического процесса в Республике Беларусь / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь ; отв. за вып. А. П. Ашуров. – Минск, 2007. – 30 с.
20. Мельник, В. А. Современный словарь по политологии / В. А. Мельник. – Минск : Книж. дом, 2004. – 640 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.09.2018

Severin E.N. Theoretical Approaches to the Representation of the Phenomenon of Political Participation

Political participation is based on the characteristics of a particular socio-political system: formal (informal) possibilities and limitations, the level of modernization, and traditions. The growing role of politics in the individual's life, the blurring of differences between the private and public spheres, the expanding competencies and resources of citizens, and the free access to an abundance of political information led to a continuous expansion of accessible forms of political participation. The presented work analyzes the main approaches to understanding the contextual meaning of the phenomenon of «political participation». The author, taking into account the changed political reality, makes an attempt to show the strengths and weaknesses of the theory of «political participation», to reflect the author's vision of the problem under study.

УДК 316.75

В.Н. Семенова

канд. филос. наук, доц., доц. каф. философских наук и идеологической работы
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
e-mail: vl.semenova@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ИДЕОЛОГИИ: ФУНКЦИИ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ В XIX–XX вв.*

Анализируются основные функции идеологии (мировоззренческая, компенсаторная, легитимирующая) и их роль в формировании общественного сознания. Особое внимание уделяется соотношению понятий «глобальные идеологии» и «тотальные идеологии». Рассматриваются современные политические идеологии, претендующие на статус глобальных идеологий в XXI в.

Введение

Вторая половина XX в. в теории идеологии представлена борьбой концепций деидеологизации и реидеологизации, которые к 90-м гг. XX в. получили свое развитие и обоснование в работах американских идеологов Ф. Фукуямы (сторонник концепции деидеологизации, представитель неомондиализма) и С. Хантингтона (сторонник концепции реидеологизации, представитель неонатлантизма). При видимой несхожести данных авторов глобального противоречия между обозначенными подходами нет. XXI в. может вполне стать ареной столкновения цивилизаций, борьбой Запада (West) и незападных цивилизаций (Rest), которая рано или поздно закончится победой Запада (на это рассчитывают и Фукуяма, и Хантингтон) и наступлением «конца Истории».

Мировая политическая ситуация последней трети XX – начала XXI в. демонстрирует появление и бурное развитие новых нетрадиционных политических идеологий, возникновение новых социальных движений, усиление влияния религиозных и фундаменталистских идеологий и движений, повышение активности радикальных и экстремистских идеологий и группировок. Данные обстоятельства обосновывают актуальность выбранной тематики. С учетом современной идейно-политической динамики необходимо заново обратиться к актуальным проблемам теории идеологии.

Целью статьи является выявление и обоснование важнейших функций идеологии в современную эпоху, а также анализ динамики глобальных идеологий в XIX–XX вв. и раскрытие потенциала возможных глобальных идеологий XXI в. Достижение поставленной цели осуществляется посредством решения следующих задач:

- 1) анализ основных функций идеологии в современную эпоху;
- 2) выявление соотношения понятий «тотальные идеологии» и «глобальные идеологии»;
- 3) анализ динамики трансформации глобальных идеологий в XIX–XX вв.;
- 4) рассмотрение перспектив формирования глобальных идеологий в XXI в.

Основные функции идеологии как выражение ее центральных задач

В теории идеологии функциональный аспект феномена идеологии разработан достаточно глубоко и подробно. В работах, посвященных анализу идеологии как социально-политического феномена, В.А. Мельник выделяет в качестве основных такие функции идеологии, как познавательная-ориентационная, прагматическая и мобилизационная [1, с. 38]. Ряд авторов в качестве основных называют следующие функции

* Статья выполнена при поддержке гранта БРФФИ в рамках темы «Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации и диалога культур» (№ Г18Р-211 от 30.05.2018 г.).

идеологии: интегративная, конструктивная, мобилизующая, критическая, когнитивная, нормативная, коммуникативная, компенсаторная [2, с. 15–16]. Однако выделение столь широкого ряда функций, с одной стороны, приводит к утрате специфичности идеологии как социально-политического феномена, а с другой – к расширению его «полномочий» и фактическому приравнению статуса идеологии к значению таких традиционных форм мышления, как религия, философия и наука. На наш взгляд, все многообразие функций идеологии можно свести к трем важнейшим. *Мировоззренческая* включает в себя гносеологическую, аксиологическую, коммуникативную и воспитательную составляющие; *компенсаторная* включает в себе надежду на «светлое будущее» и, как следствие, мобилизующую силу, направленную на осуществление идеальной модели будущего; *легитимирующая* направлена на апологию и сохранение статус-кво существующего социального порядка. Обратной стороной легитимирующей функции выступает критический потенциал негосподствующих идеологий (утопий, по К. Манхейму), направленный на критику и демонтаж господствующих идеологических установок и социальных институтов, их поддерживающих.

Характерной особенностью идеологии является ее принципиально ангажированный характер («оптика взгляда»). Политическая идеология, претендующая на статус тотальной, «переописывает» реальность, создавая свою собственную «картину мира». Так, «картины мира» условных «либеральных» и «консервативных» идеологий практически не пересекаются. Реальные индивиды, являющиеся носителями, например, классического либерализма и классического консерватизма, в процессе коммуникации практически не найдут точек соприкосновения. Конфликты между традиционными политическими идеологиями демонстрируют невозможность и мифичность универсальной, непрерывной и прозрачной коммуникации. В эпоху модерна каждый сталкивается с «эффектом идеологического неузнавания» (С. Жижек). С другой стороны, отмечает Славой Жижек, мы должны «смириться с тем, что доля иллюзорности является условием нашего исторического опыта, что она обладает полноправной ролью в историческом процессе» [3, с. 10].

Как и религиозное сознание, идеология догматична. Все ее многоэтажное здание выстраивается на фундаментальных основаниях, аксиомах, или догматах, которые принимаются на веру без доказательства. Данные основания (например, *свобода* в либерализме, *социальное равенство* в социализме, *социальная иерархия* в консерватизме) составляют ядро конкретной политической идеологии и находятся «вне критики». Это такие догматы идеологической веры, которые и делают идеологию именно этой идеологией. Тотальное многоэтажное мировоззренческое здание конкретной идеологии может в процессе своего развития претерпевать косметические и даже капитальные ремонты, пристройки, разрушение до фундамента (деструкцию), демонтаж и перестройку (деконструкцию).

Следствием мировоззренческой функции является компенсаторная функция. Идеология не только «переописывает» прошлое, создает «картину мира» настоящего, но моделирует идеальный проект будущего, свой собственный «золотой век», представляющий собой «смутный объект желаний», к которому настоящее должно асимптотически приближаться. Без этого райского Эльдорадо здание любой политической идеологии рухнет достаточно быстро. «Золотой век» может находиться в будущем (коммунистическое «царствие божие на Земле»; либеральное всемирное правовое государство; современные технократические утопии с безусловным базовым доходом и безработицей как «обеспеченным досугом»), либо в прошлом (консервативные, традиционалистские и фундаменталистские проекты возврата к «золотому веку», традиции и т.п.). В будущем или в прошлом находится утопический проект, в данном случае не имеет существенного значения, поскольку утопическое прошлое консервативных и ультраконсервативных идеологий находится не в реальном прошедшем, а в реальном буду-

щем. С точки зрения феноменологического подхода различные консервативные утопии представляют собой не саму традицию и даже не память о традиции, а воспоминание о традиции (в духе гуссерлевского анализа внутреннего сознания-времени) с учетом ее первоначального «забвения» (хайдеггеровская идея *Wiederholung*, возвращения к онтологии после метафизического «забвения» смысла бытия).

Одновременно современная виртуализация реальности ничуть не снижает, а, наоборот, повышает компенсаторные возможности идеологии. С учетом широкого применения сегодня (в том числе и в политической практике) психологических и политических технологий, связанных с манипуляциями массовым сознанием, организацией и проведением массовых политических мероприятий, мобилизационные возможности политических идеологий не снижаются, а повышаются. Формы, методы и технологии идеологического воздействия на индивидуальное и коллективное сознание сегодня иные, но политические идеологии все еще могут (хотя в отличие от воздействия традиционных идеологий не на длительный, а на короткий промежуток времени) увлечь и мобилизовать определенные социальные группы.

Прагматическая функция идеологии является главной для правящей политической элиты и реализующих ее волю политических институтов, прежде всего государства, представляя собой функцию легитимации и апологии существующего порядка вещей. Главной целью политики как социальной практики является достижение и удержание политической власти. В рамках реализации властных амбиций и властного потенциала «достижение» и «удержание» связаны с активными и зачастую насильственными действиями. Однако ни одна политическая сила не может и не желает долго удерживать политическую власть только посредством силового ресурса. Наиболее действенным механизмом легитимации политической власти являются «внутренние репрессии», к которым можно отнести религию, идеологию и общественную мораль. Абстрагируясь от иных социальных функций религии и общественной морали, отметим, что появившиеся в Новое время политические идеологии, выступали тем средством легитимации власти, каковым в традиционном обществе была религия.

В традиционном обществе монархическая власть носит сакральный характер («помазанник божий»). Фигура царя (императора) совмещает в себе две функции: священническую и рыцарскую, являясь связующим звеном (понтификом, «мостом» между небом и землей). Сакральный характер царской власти подкрепляется божественным происхождением царских династий, а также даром монарших особ совершать чудеса и исцелять болезни. Трансцендентный исток механизмов легитимации власти сводил практически на нет скептический потенциал по отношению к различным властным социальным институтам традиционного общества.

Осознавая важность механизмов сакрализации в формировании и закреплении легитимности власти, можно отметить, что легитимность – это прежде всего «вера в легитимность» (М. Вебер). В современных светских обществах, где религиозные механизмы легитимации власти практически сведены к нулю, правовые механизмы (без подкрепления сферы права религиозным или метафизическим обоснованием) все чаще подвергаются сомнению и держатся на силе принуждения. Для поддержания существующего порядка властные структуры все чаще вынуждены опираться на внешние силовые механизмы. Это приводит к тому, что современное право, по замечанию немецкого политического мыслителя и юриста Карла Шмитта, все чаще выстраивается по образцу уголовного права, а государство может постепенно превратиться в полицейское государство. В полицейском государстве происходит «сворачивание» и политической сферы. Как отмечает российский социолог Александр Филиппов, «государственный механизм устроен так, чтобы подлинной интенсивной политики никогда не допустить. Это полицейская составляющая любого современного государства» [4, с. 23–24].

Остальные функции идеологии, упоминаемые в теоретических исследованиях, являются второстепенными, вытекающими из мировоззренческой, компенсаторной и легитимирующей функций идеологии.

Проблема типологии политических идеологий: глобальные и тотальные идеологии

Одну из первых типологий предложил немецкий политический мыслитель и социолог Карл Манхейм, разделивший идеологии на *тотальные* и *частичные*. Смысл частичной идеологии артикулируется в ее противостоянии и борьбе с другими идеологиями. Частичная идеология выражает интересы определенной социальной группы, которая четко осознает и даже конструирует как свои «пространственные» границы, так и границы своего мировоззрения, конкурирует или ведет борьбу с другими идеологиями в рамках политического, социального или культурного поля. Радикализм тотальных идеологий заключается в выстраивании своей собственной «картины мира», причем логика формирования и развития любой политической идеологии такова, что она стремится как к глобальному своему распространению, так и тотальному «переописыванию» всей реальности сквозь призму своей догматики.

Похожую типологию идеологий по охвату реальности предлагает В.А. Мельник, выделяя идеологии *глобальные, локальные и частные* [1, с. 47]. Глобальные идеологии распространились по всему миру. Локальными являются идеологии отдельных государств, групп государств, наций; к ним могут быть отнесены т.н. региональные и национальные идеологии. Частные (частичные) идеологии представляют собой системы идей, представлений, ценностей отдельных социальных групп (например, корпоративные или партийные идеологии).

Те же пропорции в масштабе присутствуют в монографии российского исследователя В.Н. Кузнецова [5], где выделяется корпус идеологий гражданского общества и антигражданские идеологии. Выбирая в качестве критерия типологии критерий включенности или невключенности в корпус *«идеологий гражданского общества»* (курсив наш – В. С.), В.Н. Кузнецов выделяет *глобальные, региональные, национальные, корпоративные и партийные идеологии*. К идеологиям антигражданского общества указанный автор относит идеологии международного, регионального терроризма, а также идеологии организованной преступности [5, с. 45].

Обращаясь к соотношению понятий «глобальная идеология» и «тотальная идеология», отметим, что многие исследователи их фактически отождествляют [6, с. 140]. Так, например, В.А. Мельник отмечает: *«Глобальные, они же и тотальные»* (курсив наш – В. С.), идеологии претендуют на выработку общего для всего человечества понимания и объяснения мира и всеобъемлющей программы жизнедеятельности, универсальных принципов организации и функционирования общества... К таким идеологиям, как правило, относят социализм (особенно в его марксистском понимании), либерализм и консерватизм, включая национализм как разновидность последнего» [1, с. 47].

Представляется, что признак глобальности распространения по необходимости должен включать в себя признак тотальности: претендовать на мировой масштаб может только тотальная идеология. Однако не каждая тотальная идеология может носить глобальный характер. Например, идеология анархизма сегодня является тотальной идеологией, поскольку она претендует на «переописывание» всей реальности, создание своей собственной «картины мира». Такой же тотальной сегодня становится и идеология феминизма (ее третьей волны), и идеология трансгуманизма. Однако данные идеологии (во всяком случае пока) не получили глобального распространения. С точки же зрения устоявшегося подхода к теории идеологии идеология анархизма (без учета ее разновидностей) причисляется к радикальным левым (ультралевым) идеологиям, а идеология

феминизма – к альтернативным идеологиям, и рассматриваются они лишь как частичные идеологии, выражающие интересы отдельных социальных групп.

Таким образом, для отождествления тотальных и глобальных идеологий недостаточно оснований. Логически соотношение между глобальными и тотальными идеологиями можно выразить следующим образом: каждая глобальная идеология обязательно является тотальной, но не каждая тотальная идеология является глобальной.

Глобальные политические идеологии в XIX–XXI вв.

Говоря о перспективах развития политических идеологий в XXI в., невозможно согласиться с мнением авторов, полагающих, что «набор» глобальных идеологий остается постоянным и достаточно устойчивым. На протяжении более двухсот лет существования политических идеологий одни глобальные идеологии исчезали, их место занимали другие. Традиционно к глобальным политическим идеологиям относят *либерализм, консерватизм, коммунизм и социал-демократию* (в англоязычных источниках коммунизм и социал-демократия рассматриваются как разновидности социализма). Однако формирование, развитие и борьба этих идеологий в основном приходится на XIX в. Уже в первой половине XX в. расстановка сил существенно меняется. Под давлением либеральной эмансипации во всех сферах духовной и социальной жизни Запада классический консерватизм (представленный в работах Жозефа де Местра, Луи Бональда, Хуана Доносо Кортеса) практически полностью исчерпывает свой социально-политический потенциал. Под давлением либеральных и социалистических идей в первой половине XX в. на смену классическому консерватизму приходят младоконсерваторы (А. Мёллер ван ден Брук, Э. Юнгер, О. Шпенглер) и ультраконсерваторы (профашистские режимы Миклоша Хорти в Венгрии, Франсиско Франко в Испании, «Железной гвардии» К. Кодряну в Румынии и др.).

Реформистский социализм (европейская социал-демократия) сближается с либеральной идеологией (особенно в ее кейнсианской социал-либеральной версии). Таким образом, уже в XX в., согласно лидеру французских «новых правых» Алену де Бенуа, глобальные идеологии уже представлены *либерализмом, коммунизмом и фашизмом* (фашизм репрезентирует ультраконсервативный блок, а социал-демократия фактически сливается с либеральной идеологией). Данный тезис не будет казаться спорным, если рассматривать XX в. как «короткий XX в.», который начинается в 1914 г. и заканчивается с распадом СССР и социалистического блока в 1991 г. А. де Бенуа пишет: «XX век стал веком трех доминирующих политических теорий – либерализма, коммунизма и фашизма. Они породили множество промежуточных идеологических течений, но в целом эти три направления сложились, развились, исчерпали свою историческую релевантность и завершились именно в прошлом веке. Сегодня мы действительно подошли к тому рубежу, когда три предыдущие политические теории почти полностью исчерпали себя, все три системы родились вместе с модерном. И совершенно нормально, что они исчезают со сцены в то время, когда модерн уступает место постмодерну» [7, с. 11].

Во второй половине XX в. развитие политических идеологий идет по пути «размывания» и фактического исчезновения традиционных идейно-политических течений; появляются как их радикальные версии, так и гибридные идеологии (иногда их называют «альтернативными», иногда «неклассическими», к каковым, например, относят технократизм, экологизм, антиглобализм, киберанархизм, радикальный феминизм и др.). Собственно, т.н. нетрадиционные политические идеологии XX в. (национал-социализм, маоизм, идеология красных кхмеров, «новых левых», либертарианства, анархо-капитализма и др.) уже являются гибридами, перемешивая внутри себя, зачастую причудливым образом, принципы классических «левых» и «правых».

Некоторые авторы, в частности российский исследователь М.Г. Смирнов, наряду с доминантными тенденциями гибридизации традиционных идеологий выделяют также

«периферийные» идеологии, тоже гибридного характера: «Одновременно с этим происходит развитие “периферийных” идеологий, не участвовавших в основном противостоянии. Они также подвергаются гибридизации и до сих пор имеют значительный потенциал за счет использования социокультурных ресурсов и ориентиров. К подобным периферийным идеологиям можно отнести прежде всего национальные идеологии, такие как пантюркизм и пантуранизм, хиндутва, китайский социализм и др.» [8, с. 32]. Хотя, на наш взгляд, подобные идеологии можно отнести к неклассическим гибридным идеологиям, как современным модернизированным версиям классического противостояния либерализма, консерватизма и социализма.

Сложившийся кризис большинства идеологических систем указывает на необходимость появления новой глобальной идеологии.

Какие политические идеологии могут претендовать на глобальный характер в XXI в.? «Левые», на наш взгляд, могут быть представлены леворадикальными версиями либеральной идеологии или современным неонархизмом (киберанархизмом, хактивизмом). Современный либерализм «полевел» самым существенным образом (от либертарианства и анархо-капитализма до трансгуманизма и радикального феминизма). Левoliberalные идеологии в перспективе XXI в. вполне могут заключить альянс и стать новой глобальной идеологией натурализма. Глубоких противоречий в учениях либертарианства, радикального феминизма и трансгуманизма не существует, поскольку они в принципе исходят из либерального представления о человеке как телесном атоме. Критикуя либерализм как мировоззрение, А. де Бенуа отмечает: «Либерализм является антропологической системой даже в большей степени, чем социально-экономической. То есть он предлагает определенное видение человека. Каково это видение? Оно заключается в том, что человек рассматривается как отдельный атом. Либерализм анализирует общество исходя из индивидуума. И он может это сделать, только отнимая у человека все структуры, в которые он входит. Можно сказать, что либеральное представление о человеке, либеральная концепция человека – это его представление как не-социального существа» [7, с. 12].

Альтернативный лагерь представлен современными правыми, к которым можно отнести на сегодняшний день уже ставшую глобальной идеологию неоконсерватизма (во всех ее проявлениях, начиная от неоконсерватизма США до современного китайского и российского вариантов), сделавшую ставку на укрепление государства. Современный религиозный фундаментализм, агрессивен и широко распространяющийся сегодня по всему миру, также явно претендует на глобальный характер и, безусловно, так или иначе усиливает лагерь «правых» идеологий, точнее, ультраправых.

По поводу развития и распространения идеологии социализма однозначного мнения нет. Так, российский исследователь Н.Н. Равочкин пишет: «В современном мире все явственнее проступают контуры глобальной идеологии социализма. Можно привести достаточное количество примеров и фактов, которые подтверждают нарастающую тенденцию социализации человечества как объективную, глобальную, неизбежную. Авторы концепции считают, что мир “устал от капитализма”, который привел большинство стран в тупик, как и попытка СССР построить “бюрократический социализм”, т.е. капитализм, лишенный его преимуществ. По их словам, стремление к социалистической модели мирового устройства – процесс естественный и отвечающий духу времени» [6, с. 140].

Однако примеры неудачных коммунистических экспериментов во второй половине XX – начале XXI в. демонстрируют резкое снижение популярности и влияния социалистических идей. В ближайшей перспективе социализму вряд ли удастся вернуть позиции глобальной идеологии ни в плане социальной утопии, ни в плане социальной критики (здесь на сегодняшний день гораздо сильнее позиции «левацких» радикального феминизма, современного троцкизма и неонархизма, например, киберанархизма или антиглобализма).

Заклучение

Эпоха модерна завершилася в историческом плане «коротким XX в.», а в идейном – глобальной трансформацией политических идеологий. На смену традиционным политическим идеологиям (либерализму, консерватизму, коммунизму, социал-демократии) в эпоху постмодерна в XXI в. приходят радикализованные «левые» и «правые», а также нетрадиционные гибридные идеологии, причудливым образом сочетающие в себе принципы различных традиционных идеологий. Данные радикальные трансформации привели к ряду следствий.

Необходимо отметить своеобразный когнитивный диссонанс, все еще широко представленный в современной теории идеологии, когда совершенно изменившееся идеологическое и политическое пространство до сих пор меряется старыми мерками борьбы либералов, консерваторов и социалистов.

Еще одним следствием изменившейся социально-политической реальности стал уход с авансцены идейного противостояния классического либерализма, консерватизма и социализма. На их место постепенно придут новые глобальные политические идеологии. В частности, идеологию неоконсерватизма можно в полной мере сегодня рассматривать как глобальную идеологию XXI в. Также на статус глобальной могут претендовать объединенные леволиберальные силы в виде идеологии натурализма. Такая перспектива имеется также в рамках конвергенции идеологий технократизма и трансгуманизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мельник, В. А. Основы идеологии белорусского государства : учеб. пособие / В. А. Мельник. – Минск : Выш. шк., 2010. – 343 с.
2. Основы идеологии белорусского государства : учеб. для вузов / под ред. С. Н. Князева, С. В. Решетникова. – Минск : Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 491 с.
3. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М. : Худож. журн., 1999. – 158 с.
4. Филиппов, А. Свободный человек сам ставит себе цели / А. Филиппов // Культиватор. – 2011. – № 1. – С. 5–27.
5. Кузнецов, В. Н. Идеология: социологический аспект / В. Н. Кузнецов. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 412 с.
6. Равочкин, Н. Н. Структура и содержание глобальной идеологической доктрины / Н. Н. Равочкин // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2014. – № 3. – С. 139–141.
7. Бенуа, А. де. Против либерализма: (к Четвертой политической теории) / А. де Бенуа. – СПб. : Амфора, 2009. – 476 с.
8. Смирнов, М. Г. К вопросу о развитии политических идеологий. Идеология натурализма / М. Г. Смирнов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2012. – № 12 (266). – С. 31–36.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.05.2018

Semenova V.N. The Modern Theory of the Ideologies Functions and the Dynamics of the Development of the Global Political Ideologies in the XIX–XX Centuries

The article deals with the actual problems of the modern ideology theory. It gives a detailed analysis of the main functions of ideology (ideological, compensatory, legitimizing) and their role in the formation of public consciousness. Particular attention is paid to the correlation between the concepts of «global» and «total» ideologies. The article examines those modern political ideologies, which claim the status of global ideologies in the XXI century.

УДК 323.174

Д.В. Белявцева

канд. полит. наук, доц., доц. каф. политологии
Белорусского государственного университета
[e-mail: belyavtseva@mail.ru](mailto:belyavtseva@mail.ru)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ЭВОЛЮЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ

Статья посвящена анализу понятия «региональная политика» в рамках различных научных школ и направлений. Выделены наиболее используемые в англоязычной и отечественной литературе термины для описания политики центра по отношению к регионам и модели ее осуществления. Сделан вывод о том, что трансформация концепта связана с изменением в понимании субъекта и объекта региональной политики, содержания взаимодействий между субъектами и характера взаимодействий. Выявлены теоретические основания и методологические принципы исследования региональной политики. Региональная политика определена как взаимодействие на основе международно-правовых договоренностей национальных, субнациональных и супранациональных органов в целях социального, экономического, культурного и политического развития сообществ, как проживающих на территориях внутри одного государства, так и входящих в состав различных государственных образований.

Введение

Региональная политика является важной частью государственного управления. Она возникла в XX в. как реакция на экономические кризисы и чрезвычайные ситуации. В США и Западной Европе во второй половине XX в. региональная политика превратилась в постоянно действующее направление государственной политики и стала объектом исследования различных научных направлений, в том числе и политической науки. В СССР и на постсоветском пространстве региональная политика имеет особенности теоретического осмысления и практической реализации. В условиях глобальных трансформаций управление выделенными по тем или иным основаниям территориями приобретает исключительное разнообразие и динамичность. Это делает актуальной задачу изучения не только эволюции содержания региональной политики, но оценку перспектив ее развития в унитарных государствах, не обладающих очевидным территориальным и иным разнообразием.

Проблематика региональной политики является объектом научного интереса как зарубежных исследователей (Дж. Аланд, У. Блаас, П. Боланд, Г. Вайнман, Т. Видманн, С. Вуанд, Д. Зиммерман, Дж. Зиммерман, М. Китинг, А. Куклински, С. Пинтариц, Е. Перлот, Е. Тойфе, К. Харви, Р. Хербек, А. Хоппе, Р. Штурм и др.), так и советских и постсоветских ученых (Э.Б. Алаев, С.С. Артоболевский, В.Л. Белова, А.В. Богданович, И.М. Бусыгина, Ю.Н. Гладкий, А.В. Дахин, В.А. Дергачев, Д.В. Доленко, Т.В. Зонова, В.А. Ковалев, В.А. Колосов, А.В. Кузнецов, Н.С. Мироненко, Н.П. Медведев, Н.П. Распопов, А.И. Чистобаев, Р.Ф. Туровский, В.С. Фатеев, Б.С. Хорев и др.). Существуют определенные различия в интерпретации концепта и его практическом применении на Западе и в странах бывшего СССР.

В данной статье мы проследим эволюцию концептуального оформления понятия «региональная политика» в рамках различных научных школ и определим перспективы его теоретического осмысления в политической науке и применения в условиях взаимодействия глобальных и региональных тенденций в развитии мира.

Региональная политика вошла в практику США и Великобритании в 20–30-е гг. XX в. с целью активно воздействовать на проблемные регионы. По мнению советского исследователя А.Д. Сапожникова, региональная политика подразумевала не только ре-

гулирование территориальной структурой хозяйства, но и управление всеми региональными проблемами. Региональная политика являлась практическим воплощением макроэкономического подхода к управлению, который постулировался западной экономической теорией [1, с. 151]. Необходимость разрешения стоящих перед государствами проблем способствовала активизации научной дискуссии по проблемам регионального развития. После Второй мировой войны региональная политика становится неотъемлемой частью внутренней политики западноевропейских стран. Так, с середины 70-х гг. XX в. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) регулярно публиковала анализ региональной политики в различных странах. Проблематика региональной политики была включена в учебники по экономике, а чуть позже стала самостоятельным учебным курсом.

Исследователи выделяют несколько периодов в развитии региональной политики в США и Западной Европе в XX в. Они имеют свои особенности, но общим для них было то, что вплоть до 70-х гг. XX в. региональная политика понималась как централизованное воздействие государства на макроэкономическом уровне и рассматривалась как государственное регулирование экономическим развитием регионов. Отношение к региональной политике как к форме государственной экономической политики сохранялось до конца XX в., а научные дискуссии о региональном развитии велись в значительной степени в области экономической науки [2, р. 370]. Среди теорий регионального развития, которые легли в основу региональной политики, выделяются неоклассические теории, основанные на производственной функции (Дж. Борте, Х. Зиберт, Р. Солю, Т. Сван, Г. Мэнкью, Д. Ромер, А. Уэйл, Р. Барро, Х. Сала, Р. Холл, Ч. Джонс и др.), теории кумулятивного роста, использующие некейнсианские, пространственные и институциональные модели (Г. Мюрдаль, А. Хришман, Ф. Перру, Х. Ричардсон, Дж. Фридман, Т. Хагерstrand, Ж-Р. Будвиль, П. Потье, Х.Р. Ласуэн, Х. Гирш). К концу XX в. они сменились теориями конкурентного развития, основанными на взаимосвязи глобальных условий развития с локальными условиями, которые делают регион конкурентным, и теориями инновационного развития.

Региональная политика осуществлялась в рамках определенных моделей в соответствии с господствовавшими теориями. В 20–40-е гг. XX в. была актуальна модель содействия кризисным регионам, основанная на кейнсианском тезисе о вмешательстве государства в экономику. Территория государства разделялась на регионы по формальным показателям (доходы на душу населения, объемы производства, инвестиций и потребления, уровень занятости и др.). Выделялись следующие типы регионов, требующие внимания: отсталые, не прошедшие индустриализацию; кризисные, оказавшиеся в затруднительном положении из-за «миграции промышленности» и абсолютного снижения занятости населения; районы городского упадка [1, с. 48; 3, р. 186]. С точки зрения формального (экономического) подхода выделение региона основывалось на однородности какого-либо показателя в границах определенного пространства. В связи с тем, что основным предназначением решений в области регионального развития была экономическая помощь кризисным регионам, то можно говорить о доминировании экономической интерпретации содержания региональной политики и функционализма в разработке ее модели.

В 50-е – начале 70-х гг. XX в. распространилась модель перераспределения экономического развития, в основе которой лежали взгляды Ж-Р. Будвиля и Ф. Перру о «полюсах роста», теория «центр – периферия» Дж. Фридмана и теория диффузии инноваций Т. Хагерstrand. Анализ регионального развития стал осуществляться с применением функционального/неофункционального подхода, который акцентировал внимание на взаимоотношениях, коммуникациях субъектов одного регионального сообщества с субъектами других сообществ в пределах политически организованного сообще-

ства. Изменились и подходы к выделению регионов. Например, в качестве основных разновидностей регионов назывались как однородные (гомогенные) с точки зрения определенных показателей, так и узловые, или поляризованные, регионы, не обладающие высокой однородностью, но связанные с одним или несколькими центрами, и регионы планирования, т.е. значимые с точки зрения целей планирования, программирования и т.д. [1, с. 70, 127–128; 4, р. 5; 5, р. 19]. Такой взгляд на региональную политику, господствовавший в рамках экономического направления, был дополнен идеями неофункционалистов и федералистов в политической теории (К. Дойч, Э. Хаас и др.).

В 1970-е гг. региональная политика западных стран была подвергнута критике и модель перераспределения экономического развития была заменена на модель реструктуризации регионов, в основе которой лежали теории конкурентного и инновационного развития. Среди типов регионов выделялись «передовые», «развитые», «моторные» и т.п. Кризисные территории определялись как «депрессивные», «отсталые», «истощенные», «брошенные», «перегревающиеся», «перегретые» и т.п. [6, р. 3; 7, с. 10–11]. Региональное развитие и региональная политика начинают описывать используя такие понятия, как «региональный интерес», «региональная потребность», которые обозначали интересы и потребности регионального сообщества [8, р. 187; 9, р. 22]. Однако многие авторы, представляющие и экономическое направление и политические исследования, по-прежнему рассматривали региональную политику как политику центра по отношению к регионам. Например, А. Куклински пишет о том, что региональную политику «можно определить как искусство применения правительством различных подходов к разным частям страны... Региональная политика первоначально появилась как некое заранее обдуманное усилие органов публичной власти, и в частности национальных правительств, чтобы уменьшить неравенство между регионами посредством использования специально разработанных инструментов» [10, р. 174].

В начале 90-х гг. XX в. модель реструктуризации регионов трансформировалась в модель «регионального саморазвития», учитывающую интересы территориальных сообществ, активизирующую местную инициативу и повышающую ответственность местных органов власти за развитие регионов. Модель «регионального саморазвития» предполагала минимизацию вмешательства центральных органов власти, в том числе через общенациональные программы, и наоборот, взаимодействие и совместную разработку мероприятий по региональному развитию. Данная модель строилась в рамках нового институционализма, разработок представителей теорий федерализма и многоуровневого управления и актуализировала идеи неофункционалистов о необходимости формирования сообщества, основанного на доверии. Новый институционализм акцентировал внимание на развитии новых субъектов региональной политики, новых «правил игры» в области принятия решений по проблемам регионального развития. В качестве важнейшего фактора социально-экономического развития регионов рассматривались местные органы власти и местное сообщество. Под регионами подразумевались территориально-политические единицы государства, прежде всего федераций, т.к. именно субнациональные власти в федеративных государствах обладали полномочиями выстраивать собственную региональную политику. Это нашло практическое воплощение, например, в Номенклатуре территориальных единиц для статистики (The Nomenclature of territorial units for statistics – NUTS), использующейся в ЕС для классификации регионов с 1988 г. Она учитывала нормативные регионы, т.е. те, границы которых строго определены национальными органами власти. Однако в Докладе о социальном и экономическом положении и развитии регионов ЕС используются не только нормативные регионы, но и аналитические (функциональные, узловые) [7, с. 11].

С уверенностью можно утверждать, что региональная политика стала трактоваться не только как политика центра по отношению к регионам. Региональное сообщество

щество, региональные институты, элиты и пр. становятся также субъектами региональной политики. В целом с конца 1980-х гг. в Западной Европе и США региональная политика стала восприниматься как существенный фактор развития и не сводилась только к форме экономической политики. Об этом свидетельствует, например, принятый в 1986 г. Единый Европейский Акт, определивший региональную политику как основной элемент, обеспечивающий укрепление экономической и социальной сплоченности (cohesion) Европейского сообщества. Системообразующая роль региональной политики для поддержания единства и обеспечения безопасности была подчеркнута и в Договоре о Европейском союзе, подписанном в феврале 1992 г. (Маастрихтский договор).

Исследователи отмечали, что еще с 80-х гг. XX в. при формировании региональной политики органы власти вынуждены были учитывать национальные и политические аспекты, а обозначение региональной политики как формы государственной экономической политики было достаточно условным. Решения в области регионального развития все больше испытывали политическое и социальное давление [11, с. 19].

Формирование стратегии регионального развития носит политический характер, т.к. предполагает в любом случае перераспределение средств, выбор между ценностями (солидарность регионов и экономическая эффективность всего государства или территориальная справедливость) и моделями региональной политики, поддерживающими централизованный или децентрализованный характер управления территорией. В этой связи правомерно выделение двух форм региональной политики – эксплицитной и имплицитной. Эксплицитная региональная политика позволяет представить регион как целостность и учитывать его особенности, а имплицитная больше соответствует интересам государства и работает на обеспечение его целостности. В любом случае обе формы выполняют интегрирующую функцию. Реализация обеих форм способствует сохранению территориальной целостности и политической стабильности. В эксплицитной форме региональная политика присутствует в государствах или политических образованиях со значительными территориальными различиями.

Активизация в мире процессов создания межгосударственных политических союзов и организаций способствовала включению в содержание региональной политики международной проблематики. К концу XX в. интеграционные процессы в Западной Европе подтолкнули к формированию надгосударственной модели региональной политики. Концептуальным основанием данной модели стал «новый регионализм». Для надгосударственной модели характерно не только предоставление непосредственной помощи проблемным территориям для саморазвития, но и регулирование региональной политики отдельных стран. Данная модель построена с учетом нового институционализма и в качестве субъектов рассматривает в первую очередь нормативные единицы, т.е. субнациональные органы власти, центральные органы власти государств и супранациональные органы власти ЕС.

Тем не менее в рамках надгосударственной модели региональной политики изменяются подходы к выделению регионов и определению их границ. Наряду с формальным и функциональным/неофункциональным подходами все большее значение приобретает конструктивистский, который позволяет выделять приграничные и трансграничные регионы. Происходит переосмысление оснований для формирования территории региона. Все большее значение приобретает общий интерес и идентичность. Границы регионов, сконструированных подобным образом, не имеют четкости, т.к. территории, их составляющие, входят в различные государственные образования и могут вообще не граничить друг с другом. Актуализируется проблематика институализации таких регионов, их субъектности и, следовательно, разработки новых «правил игры».

В СССР внимание к региональным проблемам наметилось также в 20-е гг. XX в. Несмотря на различные подходы к управлению народным хозяйством, можно говорить

о том, что в СССР региональная политика трактовалась как направление экономической политики и рассматривалась в рамках проблематики территориально-производственных комплексов и территориального и отраслевого управления экономикой. С точки зрения функционального подхода региональная политика имела своей целью поддержание эффективности экономики и сохранение целостности территориально-политической системы. Активизация региональной политики в СССР происходила в 50-е – середине 60-х гг. XX в. и с середины 1980-х гг. Советские авторы рассматривали регион как систему и использовали пространственно-временной и воспроизводственный подходы определения содержания региональной политики.

В рамках пространственно-временного подхода был разработан позиционный принцип функционирования объектов в пространстве. Советский исследователь Б.Б. Родман выдвинул тезис о том, что уровень экономического развития регионов во многом определяется их положением относительно центров роста производства, науки, культуры и т.д. Существует «локальный оптимум», или оптимальная точка, в которой объекты функционируют лучше всего. Вне этой точки на регион действует сила «давление места» («позиционное давление»). Под ее влиянием подвижные объекты меняют свое местоположение, а менее подвижные – свои свойства и функции. Отдельные объекты создают себе новое положение в пространстве путем активного воздействия на среду, а неспособные к изменениям объекты деградируют. Эти идеи не нашли практического применения в осуществлении региональной политики в связи с сохранением плановой экономики [12]. Учитывая мировые достижения в области региональных исследований, на основе неофункционального подхода Б.Б. Родман разработал типологию регионов. Он выделил неформальные узловые регионы (коннекционные и конфигурационные) [12; 13].

В рамках воспроизводственного подхода придавалось существенное значение социальной и демографической составляющей региональной политики. Среди основных задач региональной политики выделялись воспроизводство рабочей силы и подготовка высококвалифицированных кадров.

С середины 1980-х гг. наблюдается эволюция содержания региональной политики. Советский исследователь Э.Б. Алаев отмечал, что региональная политика – это «сфера деятельности по управлению экономическим, социальным и политическим развитием страны в пространственном, региональном аспекте, т.е. связанная с взаимоотношениями между государством и районами, а также районов между собой» [14, с. 189–190]. Иными словами, автор подчеркивал необходимость рассмотрения не только вертикальных отношений между центром и регионами, но и горизонтальных – между регионами, а также важность множественности субъектов региональной политики и ее значимость для поддержания динамического равновесия и устойчивости. Кроме того, в постсоветское время формируется понимание региональной политики как процесса сглаживания социально-экономических различий между регионами, что имеет место в западных концепциях.

Сегодня в научной литературе на постсоветском пространстве преобладает позиция, что региональная политика – это направление экономической политики [15; 16]. Наблюдается также сближение в трактовках региональной политики в западном, российском и белорусском исследовательских сообществах. Например, российский исследователь А.В. Кузнецов отмечает: «Не существует однозначного толкования термина региональная политика или, иначе говоря, однозначных подходов к определению того, какие направления и механизмы экономической политики государства относить к региональной политике. При изучении зарубежного опыта можно руководствоваться несколькими подходами. Первый – считать региональной политикой то, что в самой стране изучения называется таковой. Второй – анализировать те инструменты экономической политики, основной целью которых является поддержка социально-экономиче-

ского развития отдельных регионов (территорий) и в отношении которых можно применить более широкий термин – государственное регулирование территориального развития» [17, с. 6].

Белорусский исследователь В.С. Фатеев определяет современную региональную политику «как осуществляемое с помощью различных специальных инструментов воздействие национальных (федеральных) и субнациональных органов власти какой-либо страны, а также органов, созданных на межгосударственной правовой основе, на развитие сообществ, проживающих и осуществляющих экономическую деятельность на одной или нескольких частях национальной территории либо совокупной территории ряда стран» [7, с. 15]. Он подчеркивает, что все аспекты региональной политики тесно взаимосвязаны и переплетены. Об этом говорит и А.В. Богданович, трактуя региональную политику как «комплекс законодательных, административных, социально-экономических и других мероприятий, осуществляемых республиканскими и местными органами государственного управления по созданию благоприятных условий жизнедеятельности людей независимо от мест проживания и увеличения вклада каждого региона в обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны» [18, с. 63].

Белорусские авторы отмечают, что сегодня региональная политика не ассоциируется с деятельностью только центральных органов власти. Более того, В.С. Фатеев справедливо подчеркивает, что «в последние десятилетия региональная политика стала сферой активной работы не только государства в лице его центральных (национальных или федеральных) органов, но и промежуточных и местных органов управления и самоуправления, а также различных межгосударственных образований» [7, с. 14]. Иными словами, постулируется важность в рамках изучения региональной политики рассматривать в качестве ее субъекта субнациональные и супранациональные органы власти. Регион в этой связи может являться образованием, расположенным на территории нескольких стран. Таким образом, признается необходимость разработки содержания региональной политики с учетом нового институционализма и конструктивизма.

Эту мысль активно развивает российский политолог Р.Ф. Туровский. Он предлагает ввести понятие «субнациональная политика», которая фокусируется на субнациональных единицах и позволяет отделить международную проблематику. В рамках субнациональной политики возможно исследование не только политических решений по отношению к внутренним регионам, но и анализ деятельности самих региональных органов власти, взаимоотношений региональных и локальных органов власти с центром и между собой [19, с. 92]. Интерес, по мнению автора, представляет также возможность конструировать субнациональные регионы как по формальным, так и по неформальным критериям. Для конструирования неформальных регионов возможны два основания. «Первое из них – это политические интересы, общие для определенной локализованной совокупности социальных взаимодействий и вовлеченных в них акторов. Второе – это общая идентичность» [19, с. 94; 20].

Заключение

Анализ теории и общих подходов к реализации региональной политики в западных странах и на постсоветском пространстве позволяет сделать следующие выводы.

1. Региональная политика стала актуальным направлением деятельности общенациональных органов в 20–30-е гг. XX в. На Западе и в СССР содержание концепта различалось. Наиболее используемый термин в англоязычной литературе, при помощи которого описывается региональная политика, – это «regional policy», акцентирующий внимание на акторах. Эволюция содержания понятия «региональная политика» в западной теории и практике проходит этапы от понимания ее как экономической политики, осуществляемой центральными органами власти по отношению к кризисным регионам,

до трактовки ее как самостоятельного направления политики, существующего эксплицитно и значимого с точки зрения сохранения единства и сплоченности сообщества в условиях глобальных изменений и вызовов.

Трансформация концепта связана с изменением в понимании субъекта региональной политики (общенациональные, субнациональные, супранациональные органы), объекта (формальный, функциональный, неформальный, конструируемый регион), содержания взаимодействий между субъектами (центр – регионы, регион – регион, регион – локалитет, центр – локалитет, наднациональный центр – регион и т.д.), характера взаимодействий (вертикальные, горизонтальные, трансграничные и т.д.). Теоретическими основаниями концептуализации региональной политики выступают формальный (экономический), функциональный/неофункциональный подходы, институционализм/новый институционализм и конструктивизм. В условиях понимания значимости региональной политики как самостоятельного направления государственной политики, формирования интереса к субнациональным органам, процессам в регионах и локалитетах исследование их развития может осуществляться через анализ политических действий, программ, решений, т.е. «regional politics».

2. В СССР чаще всего использовались термины «региональная экономическая политика» и «региональная политика». В качестве субъекта выступали общенациональные органы. С середины 1980-х гг. происходит сближение между западной и постсоветской научной мыслью в понимании сути региональной политики как самостоятельного направления деятельности органов власти различных уровней. Тем не менее использование нового институционализма и конструктивизма при выделении регионов и определении характера взаимоотношений между субъектами региональной политики недооценено на постсоветском пространстве при формировании стратегий регионального развития. Регионы зачастую выделяются только по формальным, или нормативным, основаниям, а регионализм воспринимается как сепаратизм. С учетом процессов глобализации и тех вызовов, перед которыми оказываются государства и нации, региональную политику можно определить как взаимодействие на основе международно-правовых договоренностей национальных, субнациональных и супранациональных органов в целях социального, экономического, культурного и политического развития сообществ, проживающих на территориях как в границах одного государства, так и входящих в состав различных государственных образований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил (критический анализ). – М. : Мысль, 1981. – 286 с.
2. The MIT Dictionary of Modern Economics / ed. by David W. Pearce. – 4th ed. – Cambridge : The MIT Press, 1992. – 474 p.
3. Hoover, E. M. The Location of Economic Activity / E. M. Hoover. – New York : McGraw-Hill, 1948. – 310 p.
4. Emerson, M. J. Urban and Regional Economics: Structure and Change / M. J. Emerson, F. C. Lamphear. – Boston : Allyn and Bacon, 1975. – 375 p.
5. Richardson, H. W. Regional and Urban Economics / H. W. Richardson. – Harmondsworth : Penguin Books, 1978. – 416 p.
6. Regions in the European Community / ed. by M. Keating and B. Jones. – Oxford : Clarendon Press, 1985. – 297 p.
7. Фатеев, В. С. Региональная политика: теория и практика / В. С. Фатеев. – Минск : ЕГУ, 2004. – 480 с.

8. Brown, A. J. Regional Economic Problems: Comparative Experiences of Some Market Economies / A. J. Brown, E. M. Burrows. – London : George Allen & Unwin, 1977. – 208 p.
9. Smith, C. A. Regional Analysis / C. A. Smith. – New York : Academic Press, 1976. – Vol. II : Social Systems. – 398 p.
10. Kuklinski, A. Regional Policies: Experiences and Prospects / A. Kuklinski // International Social Science Journal. – 1987. – Vol. XXXIX, № 2 (112). – P. 173–186.
11. Управление региональными программами в США и Канаде / отв. ред. Л. И. Евенко, Л. А. Баграмов. – М. : Наука, 1983. – 279 с.
12. Родоман, Б. Б. Географические границы : сб. ст. / Б. Б. Родоман, Б. М. Эккель. – М. : МГУ, 1982. – 128 с.
13. Родоман, Б. Б. Пейзаж России / Б. Б. Родоман. – М. : РОУ, 1994. – 34 с.
14. Алаев, Э. Б. Социально-экономическая география / Э. Б. Алаев. – М. : Мысль, 1983. – 350 с.
15. Гладкий, Ю. Н. Основы региональной политики : учебник / Ю. Н. Гладкий, А. И. Чистобаев. – СПб. : Изд-во В. Д. Михайлова, 1998. – 659 с.
16. Хасбулатов, О. Р. Развитые страны: центры и периферия. Опыт региональной экономической политики / О. Р. Хасбулатов. – М. : Экономика, 2009. – 335 с.
17. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / под ред. А. В. Кузнецова, О. В. Кузнецовой. – М. : ИМЭМО РАН, 2015. – 137 с.
18. Богданович, А. В. Региональная политика Республики Беларусь на современном этапе / А. В. Богданович // Белорус. экон. журн. – 2016. – № 4. – С. 63–74.
19. Туровский, Р. Ф. Субнациональная политика: введение к возможной теории / Р. Ф. Туровский // Полития. – 2014. – № 4 (75). – С. 86–99.
20. Туровский, Р. Ф. О состоянии и перспективах политической регионалистики / Р. Ф. Туровский // Полит. наука. – 2011. – № 4. – С. 10–30.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.09.2018

Belyavtseva D.V. Regional Policy: Evolution of Content and Theoretical Approaches to Conceptualization of the Concept

The article is devoted to the analysis of theoretical understanding and practice of applying the concept of regional policy. Highlighted the terms for describing the policy of the center in relation to the regions and the model for its implementation. It is concluded that the transformation of the concept is associated with a change in the understanding of the subject and object of regional policy, the content of interactions between the subjects and the nature of the interactions. The theoretical foundations and methodological principles of the study of regional policy are revealed. Regional policy is defined as interaction based on international legal arrangements of national, subnational and supranational bodies for the purposes of social, economic, cultural and political development of communities residing in territories designated within one state and included in various state entities.

УДК 324

Е.С. Лученкова¹, А.П. Мядель²¹канд. ист. наук, доц., зав. каф. социально-гуманитарных дисциплин
Витебского государственного технологического университета²канд. филос. наук, доц., доц. каф. социально-гуманитарных дисциплин
Витебского государственного технологического университета
e-mail: ¹elena.stepanovna@tut.by; ²apalych61@mail.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЭЛЕКТОРАТА

Раскрывается механизм формирования политических предпочтений электората. На основе теории рационального выбора немецкого социолога М. Вебера и комплексного подхода литовского исследователя А. Аугустинавичуте определяются механизмы информационного метаболизма (обмена). Данный подход представляет психику разных людей в виде шестнадцати возможных типов личности и соответствующих им шестнадцать типов отношений между индивидами. Каждый из этих типов личностных взаимодействий базируется на восьми основных элементах, которые необходимы человеку для информационного метаболизма, что обеспечивает им достаточно типичное поведение в тех или иных ситуациях, а также схожесть мотивации в решении определенных задач. В результате обобщения опыта социологических исследований сформулирован вывод о необходимости использования психологических установок личности в избирательных кампаниях.

Введение

Определяющей характеристикой современного состояния белорусского общества, как и всего постсоветского пространства, является его переходный характер (транзитивность). Новые возможности политического и социального выбора, которые открываются перед гражданами страны, объективно предполагают повышение уровня их готовности к этому выбору. Демократия предъявляет повышенные требования к правовой и политической культуре человека. От этого зависит стабильность и успешное функционирование ее институтов. Политические выборы, местное самоуправление, контроль над деятельностью чиновников невозможны без политического участия граждан. Политическая просвещенность членов общества обеспечивает сознательную поддержку существующего порядка, выступает гарантом стабильности социальных отношений. Приверженность базовым демократическим ценностям охраняет демократические институты общества от посягательств политических группировок радикального толка. Успешность проекта современной демократии определяется ее способностью преодолевать крайние проявления индивидуализма и тоталитаризма.

В новых условиях поведение избирателя и результаты его голосования в значительной мере определяют стратегию развития социума. В ходе избирательных кампаний формируется множество разнородных установок, которые в своей совокупности предопределяют электоральный выбор. Следует отметить, что в настоящее время обществознание еще не выработало целостной концепции электорального поведения. Целью данной работы является определение механизмов принятия решений участниками избирательных кампаний. Достижение этой цели предполагается путем использования методологического потенциала соционики.

Теория рационального выбора

Анализируя особенности электорального поведения, большинство исследователей придерживается теории рационального выбора немецкого социолога М. Вебера. В соответствии с ней предпочтения избирателя определяют его собственные цели. Вебер выделил четыре типа рационального действия: 1) рациональная (sinnvole) ориента-

ция на индивидуальные цели и средства их достижения, или целерациональное действие (Zweckrationalitaet); 2) рациональная ориентация на абсолютную ценность, или ценностно-рациональное действие (Wertrationalitaet) независимо от достижения внешнего успеха; 3) аффективная ориентация (аффективное действие); 4) традиционная ориентация (традиционное действие). В этом контексте целерациональное выступает в виде индивидуальной стратегии, реализуемой в процессе взаимодействия индивидов и социума [1, с. 50–51].

Информационный поток и его структура

Стихийность процессов общения в социуме долгое время воспринималась как данность. Ситуация изменилась с появлением теории информационного метаболизма. Ее возникновение стало результатом становления соционики, появившейся на стыке политологии, социологии и психологии. Категория «психика», используемая соционикой, отличается от понятия психики в классической психологии. В соционике психика функционирует на принципах информационного метаболизма, где весь мир – это информация. На этом основании выделяют 16 типов личности, которые имеют разные варианты восприятия и обработки информации. Эти типы личности имеют в своем основании восемь основных элементов, которые обеспечивают информационный метаболизм индивида. Тип информационного метаболизма (ТИМ) человека определяет его сходное поведение с другими людьми в тех или иных ситуациях.

Основатель соционики А. Аугустинавичуте разработала концепцию аспектной структуры информационного потока субъективного взаимодействия психики с окружающим миром. Этот информационный поток состоит из четырех сущностных и четырех коммуникативных аспектов. Человеческое сознание имеет разную направленность (экстравертную и интровертную), соответственно, выделяют шестнадцать направлений информационного потока: экстравертная этика, логика, интуиция, сенсорика и интровертная этика. Таким образом, «воспринимающий механизм» разных типов психики располагает разного рода принимающими устройствами: сознание, которое базируется на интуиции, может воспринимать более успешно информацию по каналам экстравертной или интровертной интуиции.

Существенным признаком психической организации является дихотомия «рациональность – иррациональность». К рациональным элементам информационного потока относят этику и логику, к иррациональным – интуицию и сенсорикку. Иррациональность обеспечивает целостность и неразрывность в восприятии мира, определяет диффузный характер психических функций, характеризуется ассоциативностью в построении суждений. Рациональность представляет собой расчлененность и упорядоченность в организации психических функций, при которых последующая мысль детерминируется предыдущей.

Функции и блоки информационного потока

А. Аугустинавичуте утверждает, что психика индивида имеет все возможности, которые позволяют ей принимать восемь аспектов информационного потока. Средствами восприятия при этом выступают ее функции. Всего выделяют восемь таких функций: 1) интеллект; 2) творчество; 3) социальные нормы; 4) социальный опыт; 5) индивидуальный опыт; 6) индивидуальные нормы; 7) рабочая программа; 8) инструментальная.

Соционическая модель типа информационного метаболизма состоит из двух колец – витального и ментального. Соответственно, ментал управляет осознаваемой деятельностью; витал – неосознаваемой, автоматической. Ментальное кольцо состоит из двух блоков: творческого – «Я» и социального контроля – «СВЕРХ-Я». Витальное кольцо состоит из «ОНО» и «СВЕРХ-ОНО» – задачи повседневного быта.

Блок «Я» – «знаю» функціональна адказвае за інтэлект і творчасць. Блок «СВЕРХ-Я» выконвае функцыі сацыяльных нормаў і самасці (адказвае за асабісты сацыяльны вопыт). Блок «СВЕРХ-ОНО» валодае суггесцывнай функцыяй (логічныя сувязі паміж з'явамі і рэферентнай ці індывідуальнай нормай). Блок «ОНО» аснашчэн праграмнай функцыяй (усталяванне і падтрыманне адносін з канкрэтнымі людзьмі і функцыяй рэалізацыі праграмы неасознага аказання даўлення на бліжэйшае асяроддзе).

Сродкам вымярэння ролі зместу псіхічнай функцыі ў залежнасці ад яе месца размяшчэння ў мадэлі выступае паняцце «мернасць функцыі», ці «параметры». Катэгорыя «мернасць» сутэсвенна канкрэтызуе прадставленні аб тыпе інфармацыйнага метаболізму. Мадыль інтуітыўна-логічнага экстраверта, напрыклад, мае наступны выгляд: блок «Я» – інфармацыя аб унутраных магчымасцях аб'екта, аб уладстве і заканамернасцях; блок «СВЕРХ-Я» – інфармацыя аб адносінах паміж людзьмі, аб адчуванні сілы, волі; блок «СВЕРХ-ОНО» – інфармацыя аб эмацыянальным стане людзей; якасцтвах прастранства; блок «ОНО» – інфармацыя аб аддаленых падзеях. Такім чынам, калі палітычны лідэр валодае мадылю інтуітыўна-логічнага экстраверта, то ён, у першую чаргу, добра бачыць аб'ектыўныя магчымасці свайго электарата, у другую, выконвае тое, што абяцаў, у трыцю, падтрымлівае актывнасць электарата, у чцвёртую, патрабуе да сябе і другіх, у пятую, умее ацаніць і падтрымаць новую ідэю.

Першая функцыя інтэлекта абрабацьвае інфармацыю па чцвёрх коардынатах: сітуацыі, нормах, момеце часу, самасцю; другая (творчасць) – па нормах, сітуацыі і самасці ў фіксаваным момеце часу; трццяя (сацыяльныя нормы) – па коардынатах нормаў і самасці пры фіксаваных момецах часу і сітуацыі; чцвёртая (сацыяльны вопыт) – па асабістому вопыту пры фіксаваных момецах часу, сітуацыі і нормах.

Вітальнае кола таксама валодае функцыямі адрэделенай мернасці, но степені іх развітасці мае абратны парадак. Пятая функцыя індывідуальнага вопыта абрабацьвае інфармацыю па коардынаце індывідуальнага вопыта; шцстая (індывідуальныя нормы) – па коардынатах індывідуальнага вопыта і нормах ў фіксаваных момецах часу і фіксаванай сітуацыі; сцдмая (рабочая праграма) – па коардынатах індывідуальнага вопыта, нормах, па сітуацыі ў фіксаваным момеце часу; васьмая (інструментальная) асцществляе адбор і аналіз інфармацыі на аснове індывідуальнага вопыта. Такім чынам, нормы вітальнага і ментальнага колаў маюць разліччя: ментальнае кола канцэнтруецца на сацыяльных нормах, а ў вітальным колае прысутствуюць нормы індывідуальнага парадка.

Для таго каб індывід абадаў спабаснасцю воспрыміць усё васьмь аспектаў інфармацыйнага патока, ён должа маць васьмь неабходных для гэтага функцый.

Устойчывы тып мышлення і адрэделеныя паведенчыя ўстанавкі прысуці не толькі канкрэтнаму чалавеку, но і большым групам людзей: саацествам, этносам. Гэты феномен атрымаў названне «інтэгральны тып» і атражае асабеннасці псіхікі аацества. Пад яго ўздзеіствем фарміруюцца базавыя ўстанавкі, когнітыўны патенціал, аацественнае мненне, аацественнае настраенне.

«Спіраль молчання» і аацественнае настраенне

Аацественнае мненне і аацественнае настраенне сцрзьна ўплываюць на электаральнае паведзенне. У іх прысутствуюць (сакрыта ці явна) ааценка разлічных з'яваў і працэсаў аацественнага жыцця, праблем сацыяльнага развіцця. У гэтай сувязі асабы інтэрес прадставляе т.н. «тэорыя спіралі молчання», прадлажэнная нямецкім сааіо-

логом Э. Ноэль-Нойман. Смысл этой теории заключается в том, что социум угрожает бойкотом личности, претендующей на мнение, отличное от точки зрения большинства. Соответственно, индивид часто испытывает неосознанный страх перед возможной изоляцией. Этот страх побуждает человека ориентироваться на социально одобряемые мнения и способы поведения. Соответствие консенсусу общественного мнения придает личности уверенность и готовность артикулировать свои убеждения. Ощущая свою принадлежность к меньшинству, индивид проявляет осторожность, замыкаясь в себе [3, с. 94]. Соционика исходит из важности знания собственных позиций в отношении социальной среды для понимания электорального поведения. Именно второй блок функций в ментальном кольце под названием «СВЕРХ-Я» отвечает за процесс социализации. Человек – существо социальное, ему приходится вписываться в рамки общественных норм и правил, но это не означает, что в любой ситуации индивид разделяет мнение «большинства».

Следующий элемент общественного сознания, оказывающий влияние на электорат, – общественное настроение. Оно представляет собой преобладающее состояние эмоций и чувств различных социальных групп в определенные периоды времени. Общественное настроение характеризуется определенной предметной направленностью, за что отвечает третья функция «СВЕРХ-Я». Она становится активной в тех условиях, когда человеку нужно проявить себя, показать другим свои лучшие, по его мнению, качества. Четвертая функция «СВЕРХ-Я» является наиболее слабой. Ее можно назвать точкой наименьшего сопротивления: по этой функции личность старается соответствовать требованиям общества.

В зависимости от информационных аспектов, обрабатываемых психическими функциями, и типа информационного метаболизма психики большинство людей формируют адекватное по содержанию и реальному выражению социально-нормативное поведение в избирательном процессе.

Следует констатировать существующий в настоящее время разрыв между устоявшимися парадигмами теоретического познания и их практическим приложением.

Анализ результатов социологических исследований позволяет утверждать, что существует несоответствие между установками в отношении политических лидеров и политических структур и реальным электоральным выбором. Оно может служить свидетельством как проявления активности разных психических уровней восприятия политической действительности, так и неопределенности имиджа политического деятеля. Данное противоречие, как правило, объясняется низкой эффективностью методического инструментария социолога. В опросах фиксируется рациональный (поверхностный) компонент установок, при этом поведением электората могут управлять эмоции. Несовпадение рациональных и эмоциональных компонентов установок в отношении политика или партии – явление достаточно частое и пока еще недостаточно изученное [4, с. 268].

Уровни поведенческих установок

Установки, воздействующие на электорат, различаются характером и направленностью своего воздействия.

Первый уровень установок включает в себя общее отношение человека к миру и содержанию информации, которую он получает. Специфика данных установок во многом зависит от типа информационного метаболизма.

Второй слой установок составляют представления индивида исходя из его положения в обществе и степени удовлетворенности последним.

Третий слой образуют идеологические предпочтения, обусловленные типом политической культуры личности и ее рациональным отношением к ценностям политических программ и деклараций акторов избирательного процесса.

К четвертому слою относятся индивидуальные умозаключения, которые возникают как результат эмоционального восприятия отдельных событий политической жизни [5, с. 106–110].

Заклучение

Политические выборы – важнейший инструмент формирования демократической политической системы общества. Благодаря выборам политическая власть, с одной стороны, достигает легитимации, с другой – вовлекает в политический процесс широкие слои населения. Поведение избирателей и их политические предпочтения определяются разнообразными факторами политического, экономического и социокультурного характера. Решение, которое принимает избиратель в процессе голосования, зависит от многих обстоятельств. Установки, которыми он руководствуется при осуществлении выбора, связаны с индивидуальными особенностями восприятия действительности, а также с собственной политической идентификацией, характеризующей его взаимодействие с теми или иными субъектами политических отношений. Последовательное и планомерное изучение предпочтений участников избирательной кампании позволяет отчетливо представить логику формирования соответствующих установок и их влияние на результаты голосования избирателей. Воздействие установок на политические предпочтения электората при усилении активности средств массовой информации в ходе избирательной кампании представляется весьма существенным. Знание и умелое использование законов действия установки на восприятие массами политиков, политических партий и политических событий может в значительной мере повысить эффективность электоральных мероприятий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Аугустинавичуте, А. Соционика. Введение / А. Аугустинавичуте. – М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 1998. – 448 с.
3. Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Э. Ноэль-Нойман. – М. : Прогресс-Академия : Весь Мир, 1996. – 352 с.
4. Хамутовская, С. В. Конкретно-социологический подход к изучению электорального поведения населения: сущность и особенности / С. В. Хамутовская // Социол. альм. – 2011. – № 2. – С. 263–269.
5. Лученкова, Е. С. Политическая психология : учеб. пособие / Е. С. Лученкова. – Минск : Выш. шк., 2010. – 160 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.09.2018

Luchenkova E.S., Myadel A.P. Ontological Grounds for Political Preferences of the Electorate

This article reveals the mechanism of formation of political preferences of the electorate. On the basis of the theory of rational choice of the German sociologist M. Weber and the complex approach of the Lithuanian researcher A. Augustinavichute, the mechanisms of information metabolism (exchange) are determined. This approach represents the psyche of different people in the form of sixteen possible types of personality and the corresponding sixteen types of relations between individuals. Each of these types of personality interactions is based on the eight basic elements that a person needs for information metabolism, which provides them with a fairly typical behavior in certain situations, as well as the similarity of motivation in solving specific problems. As a result of generalization of the experience of sociological research, a conclusion is drawn about the importance of using psychological attitudes of the individual in election campaigns.

УДК 338.1:001.895

Г.М. Бровка

*канд. пед. наук, доц., декан факультета технологий управления и гуманитаризации
Белорусского национального технического университета
e-mail: gbrovka@bntu.by*

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Теория и практика государственного управления, потребность в обеспечении и укреплении международной и национальной безопасности стран, ставших на путь устойчивого развития, демонстрируют необходимость в теоретико-методологических разработках для определения содержания, принципов, критериев трансформации системы безопасности, выработки направлений стратегии обеспечения международной и национальной безопасности. Перед методологией как наукой стоит задача найти пути решения ключевых проблем общественного развития, выявить его особенности при построении экономики на инновационной основе не только во внутренней, но и во внешней сфере обеспечения безопасности с целью повышения устойчивости функционирования государства на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Стратегия международной и национальной безопасности имеет своей целью обеспечение сохранности социальных и государственных институтов в первую очередь для их самостоятельного, успешного и эффективного развития. Категории «безопасность» и «развитие» тесно связаны между собой, выступая, с одной стороны, в качестве средства и цели, а с другой – в качестве содержания общественного существования в виде безопасного развития общества.

Развитие – основополагающая категория науки. Идеи развития веками формировались в человеческом сознании и научном мировоззрении. Важную роль в разработке идеи развития сыграла философская мысль. Задолго до того, как конкретные науки о природе и обществе сумели подойти к исследуемым ими объектам с позиций развития, философия обосновывала положение о развитии как о важнейшем принципе бытия. Современная научная мысль под развитием понимает прежде всего особый тип изменения. Из огромной массы изменений выделяются такие, которые связаны с обновлением системы, с ее структурным и функциональным содержанием. В результате развития возникает новое качественное состояние объекта, его структурно-функциональной сущности. С точки зрения философии информационной цивилизации под развитием понимается процесс накопления структурной информации. Развитие рассматривается в координатах «энтропии – информации», где под энтропией понимается мера беспорядка, а под информацией – мера упорядоченности в координатах уровня организации или дезорганизации систем.

Впервые право на развитие было подтверждено в Декларации о праве на развитие, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 4 декабря 1986 г. [1]. Работу над текстом документа с 1981 г. осуществляла Рабочая группа правительственных экспертов, учрежденная Экономическим и Социальным Советом ООН. В ст. 1 Декларации говорится: «Право на развитие является неотъемлемым правом человека, в силу которого каждый человек и все народы имеют право участвовать в таком экономическом, социальном, культурном и политическом развитии, при котором могут быть полностью осуществлены все права человека и основные свободы, а также содействовать ему и пользоваться его благами». Ст. 2 провозглашает, что «человек является основным субъектом процесса развития и должен быть активным участником и бенефициарием права на развитие». В ст. 3 говорится, что «государства несут основную ответственность за создание

национальных и международных условий, благоприятных для осуществления права на развитие».

Большой интерес в современной науке вызывает теория сложных систем, или, как ее еще называют, «теория хаоса», одним из основоположников которой считается лауреат Нобелевской премии в области химии Илья Романович Пригожин. Теория хаоса изучает сложные явления, которые не подчиняются временным законам. До появления теории хаоса представители естественных наук, следуя логике аналитического подхода, пытались изолировать изучаемые явления друг от друга и на этой основе открывали общие правила универсального и вневременного характера. Выведенные правила использовались и для объяснения явления, события или процесса, и для их предсказания. Тот факт, что правила якобы не обладали временной ограниченностью, давал возможность их широко использовать и проверять. Теория хаоса поставила под сомнение многие принципы, казалось бы, апробированного научного метода, в частности верифицируемость и предсказуемость. Согласно теории хаоса, эксперименты нельзя повторить и невозможно предсказать результат. Признав эти максимы постнеклассической науки, теория хаоса действительно проливает свет на многие явления, особенно на такие сложные и ранее не подвластные науке, как, например, погода. Она дает представление о недетерминированной вселенной, в которой все уникально и неповторимо [2, с. 46–52]. Таким недетерминированным, безвекторным, не фиксирующим ход изменений от одной стадии к другой или от одной формы к другой, теория хаоса видит и общественное развитие. Вполне согласуется с этим и феномен инновационного развития. Тем самым усложняется понимание и обеспечение безопасности такого развития. Сама безопасность становится производной неопределенного хаоса. Реагируя на постоянные изменения, она сама попадает в режим постоянной инновационности, становясь по сути инновационной безопасностью.

Актуальна концепция доктора геолого-минералогических наук М.В. Раца, занимавшегося вопросами систематизации и приложения «деятельностного подхода» к проблемам политики, управления и обеспечения безопасности, – участника знаменитого Московского методологического кружка (ММК), своеобразного содружества философов-методологов, известного своими оригинальными работами [3]. Признанным лидером этого кружка был философ Г.П. Щедровицкий. Отталкиваясь от теории хаоса, М.В. Рач выстраивает следующую логическую конструкцию, вкладывая в известные термины несколько иной смысл.

Традиционно развитие понимается в двух формах – эволюционной и революционной. Термином «эволюция» обозначаются медленные, постепенные, количественные изменения. М.В. Рач, следуя теории хаоса, интерпретирует эволюцию как полипроцесс, как совмещение множества элементарных процессов, направление течения которых, характер взаимосвязей между ними меняются во времени. В результате «законы эволюции» сами оказываются изменчивыми, выступают как часть эволюционирующей системы, и эволюция оказывается незаконосообразной. В координатах такой эволюции существует живая и неживая природа, возможно, первобытное, догосударственное общество. Это так называемая эволюция-1, или естественная эволюция (Е).

Но сложившуюся ситуацию радикально меняет цивилизованное общество. В нем появляются источники искусственного возмущения: рефлексивные, мыслящие и действующие личности. Их активность существенно влияет на эволюцию общественных систем, выводя их из естественной эволюции. Теперь уже эволюция общества имеет не чисто естественный (Е), но естественно-искусственный (Е/И) характер. Это качественно иной полипроцесс, эволюция-2. Традиционно эволюция понималась как законосообразный, детерминированный процесс. Эволюционное развитие предполагало, по существу, пассивное следование за естественным ходом вещей, направляемым «законами

природы и общества». Человек и его деятельность тоже считались детерминированными законами. Так, постоянно возникал вечный вопрос о свободе воли. Ведь даже простое приспособление к условиям предполагает возможность выбора разных способов действия. Выведенные из теории хаоса категории эволюция-1 и эволюция-2 по-иному определяют действительность. Эта действительность незаконосообразна, более того, в эволюции-2 она направляется активными субъектами [3].

В заслугу Московского методологического кружка М.В. Рац поставил введение категории развития, отличного от традиционного понимания [3]. Развитие интерпретировалось как искусственно-естественный процесс (И/Е) в противовес естественно-искусственной (Е/И) эволюции-2. Развитие определяется и направляется внутренними элементами системы. В качестве таких рассматриваются мышление и деятельность участников общественной системы. Получается так, что субъект развития как бы мысленно вынимается из эволюционирующей системы и формирует свой собственный процесс – развитие. Таким образом, под развитием понимается способ существования мышления и мыследеятельности. С таким развитием коррелируется инновационное развитие, выступая, с одной стороны, в качестве его синонима, а с другой – в виде его определенной стадии при накоплении значительного эффекта от инноваций.

Таким образом, различие между понятиями эволюция-2 и развитие заключается в смене «рамок»: эволюция-2 (Е/И), развитие – (И/Е). Развитие – это управляемая, целенаправленная, артифицированная (инновационная) эволюция. «Рамка» эволюции вменена нам как всеобъемлющая. «Рамка» развития локальна, ситуативна, избираема. Поскольку развитие сопряжено не только с мышлением, но и с деятельностью, оно чаще всего локально. Мудрый принцип «думать глобально, действовать локально» требует мысленного охвата максимально всех систем, объемлющих ту, на которую направлены наши действия [4].

Эволюция имманентно присуща человеческому обществу, развитие же наступает на определенном историческом этапе, характеризуемом особой, рационалистической ментальностью. Личность способна инициировать развитие и увеличивать его скорость. Вектор эволюции может совпадать с вектором развития, ускоряя оба эти процесса.

В то же время могут существовать определенные условия или системы, которые могут прийти в противоречие с системой, преобразуемой в ходе развития. Для того, чтобы системы с разнонаправленными векторами движения не разрушали друг друга, нужна особая форма организации общества, особый порядок, соответствующие правовые институты – «правила игры». Выдающийся экономист и философ, лауреат Нобелевской премии Ф. Хайек называет такую общественную организацию «расширенным порядком человеческого сотрудничества» [5]. По сути, речь идет о системе обеспечения безопасности включая безопасность политической системы.

Согласно популярной теории известного философа К.Р. Поппера, выделяющего три типа обществ: традиционное, закрытое и открытое, – эффективное развитие происходит в открытом обществе [6, с. 35–38]. Часто попытки охватить развитием тотальную целостность приводят к тому, что общество закрывается. Открытое общество обеспечивает такие неотъемлемые свойства развития, как множественность и внутренняя противоречивость, сравнимость и конкурентность. Свойство локальности развития определяет, что субъектом развития не может быть все человечество в силу своей тотальности, субъектом развития может быть человек, сообщество, регион, страна. Локальность развития дает возможность говорить о политике развития, в первую очередь государственной, и о праве на него. То есть развитие первично. Безопасность призвана обеспечить развитие и возникает из этой необходимости, она не существует сама по себе. Но, являясь как бы второй стороной медали, безопасность занимает особое место. Ведь без нее невозможно обеспечить развитие. Поэтому изучение этих процессов должно

идти параллельно. В современном мире с его многообразием, с изменяющимися тенденциями и явлениями, возникающими новыми рисками и угрозами существует настоятельная необходимость методологического и теоретического, междисциплинарного и единого изучения проблем развития и безопасности.

В этой связи интересна концепция баррикад Уинстона Дэвиса. Согласно Дэвису, традиционное общество может быть представлено в виде трех концентрических кругов. Внутренний круг – это экономика и экономические ценности. Средний круг является своеобразной «иммунитетной баррикадой», которую традиционное общество воздвигает для «предохранения» от доминирования экономики. Она состоит из разнообразных табу, традиционной религии, этики, права, философии, народных верований и обрядов. Наконец, внешний круг символизирует общество с его ценностями, статусными ролями, властными отношениями, политической организацией. Институты среднего и внешних кругов надежно держат экономику под контролем. Это своеобразная система внутренней безопасности, в том числе и от новаций, постоянно порождаемых экономикой. По схеме Дэвиса, экономическое развитие на путях капитализма и рыночной системы может начаться лишь при сломе этих баррикад. Причем этот слом может происходить по-разному. Во-первых, враг в лице модернизации сам вторгается в традиционное общество. Во-вторых, барьеры начинают стареть и ветшать сами, а защитники традиционных ценностей слабеют и сдают свои позиции. Экономика выходит из своего внутреннего замкнутого круга и, словно бурный поток воды при наводнении, сметая все на своем пути, перемешивает и реформирует все общество. В этих условиях государство вынуждено выстраивать особые институты безопасности для защиты от порождаемых инноваций [7, с. 90–91].

Американский исследователь И. Валлерстайн и созданная им школа миросистемного анализа определяет капитализм как «историческую социальную систему», «исторический капитализм» [8, с. 76]. Основопологающим элементом этой системы является капитал, используемый (вкладываемый) совершенно особым образом. «Главной целью или главным намерением его использования стало саморасширение» [8, с. 76]. Если пределом расширительных тенденций рыночного хозяйства является отдельная страна, регион, группа соседствующих стран, объединивших свои рынки, то капитализм таких пределов не имеет. Разрушая территориальные и социально-экономические границы локально-национальных рынков, он наталкивается на последний предел своей экономики – на границы мира в целом. При этом точно в соответствии с закономерностью «эффекта целостности» капиталистическая система устойчиво существует, имея вокруг себя не- или полукапиталистические зоны, черпая в них необходимые материальные и трудовые ресурсы, тем самым обеспечивая возможности своего расширения. Так, вторая половина XX в. (период холодной войны, сосуществование капиталистического и социалистического блоков) была временем расцвета капиталистической системы, достижения ею максимальных результатов в освоении и использовании инноваций научно-технической революции, в развитии «государства всеобщего благосостояния». Все это достигалось во многом благодаря наличию контрагента – Советского Союза и социалистического блока стран.

Объективной тенденцией развития капиталистической мир-экономики является товаризация (превращение в товар всего, особенно рабочей силы и земли), а также коммерциализация и механизация. Транснациональность всех товарных цепей определила выход капитализма на широкую международную арену и неизбежность осевого разделения последней на центр (ядро) и периферию. По словам Валлерстайна, «зону, теряющую прибыль, мы можем назвать периферией, а приобретающую – ядром» [8, с. 89]. Перемещение продукта в ядро концентрировало там капитал и открывало большие перспективы для его инвестирования, в том числе и в механизацию. Это приводило ядро

к радикальной модернизации, техническим революциям, переходам к новым технологическим укладам, а периферию отбрасывало от всего этого, ставя ее в положение вечно отстающей и догоняющей.

Советский Союз предпринял попытку отсоединения от капиталистической мир-системы. В 1930-е гг. ему удалось выйти из международного процесса накопления капиталов, из мировой финансовой системы. Однако с распадом СССР Россия и другие республики бывшего СССР, в том числе Республика Беларусь, вернулись на периферию мировой капиталистической системы. Причем даже страны, напрямую ассоциированные с ядром капиталистической системы в виде членства в ЕС, например республики Балтии, все равно не достигли мощи и благосостояния ведущих капиталистических стран, по экономическим характеристикам оставаясь на периферии капиталистической мир-экономики. Такое структурное неравенство, по словам Г.М. Дерлугьяна приводит к тому, что «большинство стран мира теперь получает из-за рубежа самые традиционные основы государственности – оборонный потенциал и финансовую систему». Страны «периферии» вписаны в мировую финансовую систему таким образом, что они вынуждены перекачивать все свои финансовые ресурсы в зону центра и при этом довольствоваться зарубежными кредитами и займами в качестве главных финансовых источников [9, с. 461–462].

В настоящее время в мировой капиталистической экономике доминирует финансовый капитал, по словам П. Друкера, раздувший символическую экономику денег и кредита в ущерб реальной экономике товаров и услуг [10, с. 183]. Индустриальный капитал переживает не лучшие времена, уходя из американо-европейского центра мир-системы на Восток, вступивший в полосу модернизации и индустриализации. Удачную характеристику современной экономике дал Ф. Фукуяма: «слабо регулируемый глобальный финансовый капитализм» [11].

В контексте нелинейного взгляда на историю (разные формы производственного уклада не только могут сосуществовать, но и чередоваться, повинуюсь уже не линейным, а циклическим закономерностям развития) представляется обоснованной предложенная Карлотой Перес идея о волнообразном характере долгосрочных процессов глобального экономического развития. На основе теоретического наследия Н.Д. Кондратьева и Й. Шумпетера о длинных волнах развития, охватывающих экономику, технологию, институты, о циклической природе капитализма К. Перес описала и объяснила механизм разворачивания пяти технологических укладов и трех промышленных революций за последние 200 лет. В ее схеме экономический рост индустриальной капиталистической экономики начинается с конца XVIII в. и проходит пять последовательных и отличных друг от друга стадий, вызванных пятью технологическими революциями. Повсеместное появление машин – это «промышленная революция», которая ознаменовала собой промышленную эру. Середина XIX в. – это эпоха пара и железных дорог. Конец XIX в. – эпоха стали и электричества, когда сталь пришла на смену железу, а научные открытия привели к использованию электричества в производстве и быту. В 1920-е гг. настала эпоха автомобиля и массового производства. Начиная с 1970-х гг. мир вошел в эпоху информации и общества знаний.

К. Перес подчеркивает, что каждый из этих революционных кластеров зарождался в конкретной стране, иногда даже в конкретном регионе. Английский Ланкашир стал такой же колыбелью и символом ключевых отраслей Первой промышленной революции, как американская Силиконовая долина для революции в микроэлектронике. Каждая технологическая революция зарождается в стране, формирующей «ядро» экономического развития и являющейся экономическим лидером на данной стадии. Там она полностью развивается и оттуда переносится в другие страны. Первые две революции начались в Великобритании. Третья зарождалась в Великобритании и решивших

оспаривать ее могущество Германии и США, четвертая и пятая – в США. К. Перес поясняет: «Потоки развития, хотя и выступают в долгосрочной перспективе всемирным феноменом, зарождаются в странах, образующих экономическое “ядро”, и постепенно переносятся от “ядра” к периферии. Это означает, что даты всплесков экономического развития различны в разных странах, и разница может составлять от 20 до 30 лет в некоторых случаях» [12, с. 32–33].

Каждая технологическая революция в своем развитии проходит несколько стадий: внедрение и агрессия (становление); переломный момент и синергия; зрелость (развертывание). На каждой стадии финансовый и промышленный капитал ведут себя по-разному. По мнению Перес, именно финансовый капитал определяет последовательность событий в рамках всех стадий волны технологической революции. Первоначально финансовый капитал «втягивает» экономику в агрессивное инвестирование в период становления технологической революции. Для этого он «надувает пузырь» на рынке ценных бумаг, открывая дорогу промышленному капиталу, обеспечивающему новые отрасли производства. Таким образом, после разрыва финансового пузыря производственный капитал отвечает за полное развертывание и широчайшее распространение каждой технологической революции, укрепляя упорядоченный процесс экономического роста очередного «золотого века». Подобное конструктивное взаимодействие между финансовым и производственным капиталом задает ритм и направление всего инновационного экономического развития [12, с. 197].

Согласно концепции К. Перес, активность финансового капитала свидетельствует о наступлении первых стадий внедрения и агрессии новой технологической революции. По словам Перес, эта новая волна «преподнесла нам двойной пузырь, основанный на технологических инновациях и созданный силами финансистов. Мы вновь на перекрестке. Вновь каждой стране – и всему миру – предстоит решить, позволить ли экономике «казино» существовать далее или же создать условия для процветающего производства и массового благосостояния». К. Перес настроена оптимистично и утверждает, что благодаря дигитализации (цифровизации) «уже все готово для прихода “золотого века” реального роста. Правильная институциональная реком-позиция позволит осуществить инновации во всех отраслях и сервисах, а также распространить бонусы по всему обществу» [12, с. 213].

Проблема безопасности и развития, актуальная на протяжении всех исторических периодов, приобретает принципиально новое измерение в эпоху промышленных революций. Парадигма развития и безопасности неизбежно меняется при глобальной трансформации производственного уклада. Первая промышленная революция изменила мир, модернизировав производство, транспорт, связь, образование, способы ведения войны и т.д. Вторая промышленная революция с переходом от эпохи «железа и пара» к поточному машинному производству, использованию электричества и химии сформировала индустриальное общество и привела к колоссальным изменениям и новому миропорядку, экологическим проблемам и угрозе гибели при использовании ядерного оружия. Третья промреволюция, используя информационно коммуникативные технологии, широко внедряя на их основе инновации и создавая постиндустриальное общество, привела к появлению неизвестных ранее вызовов и угроз в киберпространстве. Грядущая четвертая промышленная революция, связанная с полной автоматизацией производства, переформатированием сознания личности и общества, выявит совершенно новые риски для социума и государства, противостоять которым прежними методами будет не только нерационально, но и невозможно. К ним нужно готовиться и теоретически и практически. «Правильная институциональная рекомпозиция» невозможна без четко выстроенной системы национальной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декларация о праве на развитие [Электронный ресурс] : [принята Генер. Ассамблеей ООН, 4 дек. 1986 г.]. – Режим доступа: www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml. – Дата доступа: 30.04.2017.
2. Пригожин, И. Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопр. философии. – 1991. – № 6. – С. 46–52.
3. Рац, М. В. Концепция обеспечения безопасности / М. В. Рац, Б. Г. Слепцов, Г. Г. Копылов. – М. : Наука, 1995. – 167 с.
4. Семенова, Л. Н. Сравнительная политика : курс лекций / Л. Н. Семенова. – Минск : Амалфея, 2013. – 416 с.
5. Семенова, Л. Н. Капитализм и глобальный социально-экологический кризис / Л. Н. Семенова // Ценности евразийской культуры: духовность, традиции, экономические приоритеты сотрудничества : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 21 марта 2017 г. / Белорус. нац. техн. ун-т ; отв. ред. А. И. Лойко. – Минск : БНТУ, 2017. – С. 139–143.
5. Хайек, Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. А. Хаек. – М. : Новости : Catalaxu, 1992. – 304 с.
6. Овчинников, Н. Ф. Об интеллектуальной биографии Поппера / Н. Ф. Овчинников // Вопр. философии. – 1995. – № 12. – С. 35–38.
7. Побережников, И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации / И. В. Побережников. – М. : РОССПЭН, 2006. – С. 90–91.
8. Валлерстайн, И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн ; пер. с англ. К. А. Фурсова. – М. : КМК, 2008. – 176 с.
9. Дерлугьян, Г. М. Адепт Бурдье на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе / Г. М. Дерлугьян. – М. : Территория будущего, 2010. – С. 461–462.
10. Друкер, П. Новые реальности в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении / П. Друкер ; пер. с англ. Л. Нахапетян. – М. : Бук Чембэр Интернэшнл, 1994. – 380 с.
11. Фукуяма, Ф. Будущее истории [Электронный ресурс] / Ф. Фукуяма // Мировой кризис. – Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/948519>. – Дата доступа: 02.03.2018.
12. Перес, К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес. – М. : Дело, 2013. – 232 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.10.2018

Brovka G.M. Innovative Development and National Security in Political and Socio-Economic Systems: Questions of Methodology

The theory and government practice, requirement for maintenance and strengthening of the international and national security of the countries which have become on a way of a sustainable development, shows necessity for teoretiko-methodological workings out for definition of the maintenance, principles, criteria on transformation of system of security, development of directions of strategy of maintenance of the international and national security during innovative development and formation of modern economy, programming of economic growth and well-being of the people. Thus, before methodology as a science, it is necessary to find a problem ways of the decision of key problems of social development, to reveal its features at economy construction on an innovative basis not only in inside – but also in external sphere of security for the purpose of increase of stability and safety of functioning of the states at national, regional and global levels.

УДК 351.746

О.В. Елдашев

аспірант каф. політологіі

Белорусского государственного университета

e-mail: oleg.ove@yandex.by

ПОГРАНИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Понятие «национальная безопасность» носит междисциплинарный характер и объединяет в себе все известные виды безопасности, защищаемые субъектами обеспечения безопасности. Значимое место в структуре национальной безопасности белорусского государства занимает «пограничная безопасность». В свою очередь, государственная пограничная политика является составной частью внутренней и внешней политики Республики Беларусь. В статье сквозь призму политической науки рассматривается пограничная безопасность, определяются ее место и роль в структуре национальной безопасности государства, цель и задачи, взаимосвязь пограничной безопасности с другими элементами комплексной системы национальной безопасности Республики Беларусь.

Введение

Государственная граница всегда была и остается инструментом политики. Являясь линией разграничения территорий и суверенитета государств, она одновременно служит и линией их соприкосновения, а в некотором смысле и объединения. На государственной границе и в пограничных пространствах проходят первую проверку и в дальнейшем отражаются последствия принимаемых политиками решений; с другой стороны, любые нарушения функционирования границы, даже самые незначительные инциденты, способны оказать дестабилизирующее воздействие на межгосударственные отношения и безопасность конкретного государства. «Безопасность, если рассматривать ее в контексте функционирования государства, можно характеризовать как особое состояние системы государственных институтов и государственных органов, властных отношений, при которых обеспечивается сохранение их качественной определенности с объективно обусловленными инновациями в ней и свободное, соответствующее собственной природе и ею определяемое функционирование» [1, с. 91].

Республика Беларусь проводит миролюбивую внешнюю политику и стремится к созданию условий для приобретения нейтрального статуса. Вместе с тем в силу своего географического положения и открытости Беларусь в полной мере подвержена воздействию большинства происходящих в мире геополитических процессов [2].

Цель статьи – определение содержательного пространства феномена «пограничная безопасность» как компонента национальной безопасности государства.

В настоящее время государственная граница Республики Беларусь не является предметом территориальных споров и притязаний [2]. Но такое состояние крайне неустойчиво и зависит от влияния целого ряда внутренних и внешних факторов, которые при определенных условиях могут служить источниками повышения степени существующих или появления новых опасностей в пограничном пространстве.

Обострение обстановки в мире, продолжающееся санкционное противостояние между Россией и Западом, внутренний конфликт в Украине обуславливают нарастание и появление новых рисков, вызовов и угроз национальной безопасности.

Научный руководитель – Л.Е. Земляков, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Белорусского государственного университета

Республика Беларусь – состоявшееся независимое государство, которое, утверждая свое историческое право на экономическую, политическую и культурную самостоятельность, целенаправленно решает конкретные задачи защиты своей государственности в современных условиях. Пограничная безопасность предполагает «такое состояние пограничных отношений, которое обеспечивает нейтрализацию внешних и внутренних угроз, а также способствует максимально возможной реализации национальных интересов» [3, с. 31].

Обеспечение национальной безопасности является неперенным и необходимым условием самого существования и развития нашей страны, нашего общества, всего белорусского народа. Одной из составных частей национальной безопасности выступает пограничная безопасность, которая нацелена на создание эффективной системы защиты и охраны государственной границы, позволяющей своевременно выявлять и нейтрализовать угрозы, обусловленные глобализацией и имеющие трансграничный характер [4, с. 326].

Национальная безопасность охватывает все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства и направлена на достижение и поддержание такого уровня их защищенности от внешних и внутренних угроз, который гарантирует устойчивое развитие Республики Беларусь и реализацию ее национальных интересов. В свою очередь, выступая в качестве объекта защиты, национальные интересы представляют собой совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокий уровень и качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Республики Беларусь.

Национальные интересы Беларуси сформулированы в Концепции национальной безопасности и разделены на стратегические и основные.

Первый стратегический национальный интерес – обеспечение государственной независимости, суверенитета, территориальной целостности, незыблемости конституционного строя. Второй – устойчивое экономическое развитие и высокая конкурентоспособность белорусской экономики. Третий стратегический национальный интерес – достижение высокого уровня и качества жизни граждан.

Но помимо стратегических национальных интересов выделяются и основные, которые распределены по сферам национальной безопасности. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь определяет восемь основных сфер, в которых обеспечивается национальная безопасность государства: политическая, экономическая, научно-технологическая, социальная, демографическая, информационная, военная, экологическая. В свою очередь, сферам национальной безопасности соответствуют составные части национальной безопасности Республики Беларусь: политическая, экономическая, научно-технологическая безопасность и т.д.

Вполне закономерен вопрос: а почему в Концепции не нашли отражение такие не менее важные виды безопасности, как энергетическая, общественная, продовольственная и пограничная безопасность?

Безопасность государства в таких узкоспециализированных областях намеренно не выделяется и рассматривается в Концепции в рамках той или иной основной сферы. В частности, вопросы финансово-кредитной, энергетической и продовольственной безопасности являются компонентами экономической безопасности, общественная безопасность входит в сферу социальной безопасности. Пограничная же безопасность наряду с государственной рассматривается в первую очередь в рамках политической, а также военной, экономической сферах обеспечения национальной безопасности. В соответствии с белорусским законодательством органы пограничной службы определяются, как «государственные органы и организации, участвующие в проведении госу-

дарственной пограничной политики, обеспечивающие пограничную безопасность Республики Беларусь и выполняющие правоохранительные функции» [5].

В свою очередь, пограничная политика государства является основной частью общей его политики и концентрации национальной безопасности данного государства. Она представляет собой систему официально принятых взглядов на цель, принципы, основные направления и механизм обеспечения пограничной безопасности страны.

Объективное наличие межгосударственных пограничных проблем и противоречий требует как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических решений, лежащих в русле выверенной во всех отношениях политики государства [6]. Взаимосвязь между политикой государства и его пограничной безопасностью – это объективная реальность, обусловленная сущностью и содержанием этих явлений, что подтверждается изначальным положением пограничной безопасности как составной части безопасности государства в политической сфере. Тем самым определяется ее особое место в общей системе национальной безопасности Республики Беларусь.

Подобные взаимосвязи существуют между пограничной и экономической безопасностью страны. С одной стороны, пограничная безопасность включает защиту экономических интересов страны; с другой стороны, существует обратное влияние экономической сферы на совершенствование пограничной безопасности, что может осуществляться как непосредственными финансовыми и материальными вливаниями в систему ее обеспечения, так и устранением некоторых деструктивных факторов посредством целенаправленной внутренней или внешнеэкономической деятельности.

Взаимосвязь пограничной и военной безопасности традиционно поддерживалась в рамках оперативно-служебной деятельности пограничной службы по охране государственной границы. Но в современных условиях с появлением в содержании национальной безопасности самостоятельной пограничной компоненты их соотношение и взаимодействие осуществляются на совершенно ином уровне.

Необходимо четко понимать, что два этих вида безопасности во многом направлены на решение идентичных задач (например, защита территориальной целостности и суверенитета государства), но достигается это иными способами и в различных сферах деятельности. Это объясняет их единство и противоположность. С одной стороны, они взаимозависимы, так как чем выше уровень пограничной безопасности (эффективно работает система ее обеспечения, своевременно снимаются проблемы разрешения межгосударственных противоречий и т.д.), тем меньше вероятность возникновения военной опасности, и, наоборот, высокий уровень военной безопасности в мирное время обеспечивает сдерживание (в рамках стратегического сдерживания) развития и в некоторой степени нейтрализацию деструктивных факторов, формирующих опасности в пограничном пространстве. С другой стороны, у них разные сферы, инструменты и способы деятельности. Кроме того, о пограничной безопасности может идти речь только в условиях мира. С началом агрессии социально-политическая среда существования пограничной безопасности исчезает, и основные ее функциональные задачи будут решаться в более широких рамках обеспечения военной безопасности государства – его обороны. Такие особенности взаимосвязи пограничной и военной безопасности определяют место пограничной компоненты в системе национальной безопасности Республики Беларусь.

Пограничная безопасность – составная часть национальной безопасности Республики Беларусь, представляющая собой состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз в пограничном пространстве, обеспечиваемое в соответствии с Законом «О Государственной границе Республики Беларусь» и иными актами законодательства Республики Беларусь, в том числе путем осуществления охраны государственной границы, ее оперативного обеспечения, пропу-

ска через государственную границу физических лиц, транспортных средств и товаров, предупреждения и пресечения правонарушений на приграничной территории [7].

Пограничная безопасность имеет собственную географическую среду реализации – пограничное пространство, которое включает государственную границу, приграничную территорию, воздушное пространство над ними, а также другие территории, в пределах которых осуществляется деятельность уполномоченных государственных органов (должностных лиц), направленная на ее обеспечение [7].

Пределы пограничного пространства не имеют какой-то четко выраженной, устоявшейся разграничительной линии, так как пограничная безопасность государства обеспечивается не только в пределах территорий, где установлены специальные правовые режимы (пограничная зона/полоса, пункт пропуска), но и в глубине Республики Беларусь, где могут формироваться угрозы для пограничной безопасности.

Таким образом, целью пограничной безопасности является защита национальных интересов на государственной границе и в пограничном пространстве.

В интересах достижения вышеуказанной цели основными задачами (направлениями) пограничной безопасности можно определить:

1) поддержание мира, стабильности и добрососедских отношений на государственной границе с сопредельными государствами;

2) организацию постоянного мониторинга обстановки на государственной границе и в пограничном пространстве с целью упреждающего выявления источников опасности национальным интересам Республики Беларусь, прогнозирования их развития, а также выработки предложений по их нейтрализации и защите от актуальных опасностей;

3) развитие международного сотрудничества по пограничным вопросам;

4) международно-договорное оформление государственной границы и ее защита мерами пограничной дипломатии;

5) развитие системы охраны государственной границы, а также повышение эффективности пограничного, таможенного, иммиграционного, санитарного и иных видов контроля;

6) укрепление экономической, политической, межнациональной стабильности и правопорядка в пограничном пространстве;

7) развитие органов пограничной службы по направлениям, определенным государственными концептуальными и программными документами.

Для решения задач пограничной безопасности Республики Беларусь сформирована система, являющаяся составной частью системы обеспечения национальной безопасности страны и представляющая собой совокупность взаимодействующих субъектов обеспечения пограничной безопасности и средств, используемых ими для осуществления деятельности по защите и реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства в пограничном пространстве.

Система обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь создается и развивается в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, указами и распоряжениями Президента Республики Беларусь, постановлениями и распоряжениями правительства Республики Беларусь, а также государственными программами в этой области.

К субъектам системы обеспечения пограничной безопасности относятся:

1) государство, осуществляющее свои полномочия в данной сфере через органы законодательной, исполнительной и судебной власти;

2) общественные и иные организации;

3) граждане.

Следует выделить роль общественных и иных организаций и непосредственно граждан, которые также выполняют функции по обеспечению пограничной безопасно-

сти. Это не только их право, но и прямая обязанность. Здесь реализуется забытое, но очень верное «советское» утверждение: границу охраняет весь народ.

Согласованный характер деятельности субъектов системы обеспечения пограничной безопасности предполагает наличие координирующего центра, который в соответствии с законодательством представлен Государственным пограничным комитетом [5].

С 2008 г. в каждом приграничном регионе действуют областные комиссии по вопросам проведения государственной пограничной политики, а с декабря 2012 г. такой орган, как Государственная пограничная комиссия при Совете Министров Республики Беларусь, действует уже в масштабах всего государства. В состав Госпогранкомиссии входят представители республиканских органов государственного управления, иных государственных организаций, подчиненных правительству Республики Беларусь, представители областных исполнительных комитетов. Эти структуры позволили обеспечить сопряжение интересов как правоохранительного, так и социального и экономического блоков, что позволяет решать вопросы обеспечения пограничной безопасности и обустройства государственной границы на более системной и комплексной основе.

Заключение

Было бы неправильно говорить о каком-то особом приоритете органов пограничной службы в обеспечении пограничной безопасности. Так, в определенных обстоятельствах в интересах общего дела основным координатором может выступить и другое министерство (ведомство), тогда органы пограничной службы окажутся в ином положении, но не утратят своей сути. К примеру, в случае какой-либо природной либо техногенной катастрофы в пограничном пространстве основным координатором ликвидации ее последствий, безусловно, будет Министерство по чрезвычайным ситуациям. Или при массовом инфекционном заболевании людей координатором станет Министерство здравоохранения и т.д. Но во всех случаях органы пограничной службы обязаны обеспечить соблюдение всеми людьми законодательства о государственной границе, при этом оказывая им максимальное содействие.

Таким образом, пограничная безопасность является составляющей национальной безопасности по противодействию всему спектру существующих опасностей национальным интересам в пограничном пространстве. Она реализуется системой комплексных мер и действий по защите пограничного пространства страны, осуществляемых ее субъектами в соответствии с их полномочиями. Координирующим центром субъектов системы обеспечения пограничной безопасности является Государственный пограничный комитет Республики Беларусь.

Сущность взаимосвязи пограничной безопасности и политики раскрывается через четкое понимание государственной пограничной политики как составной части внутренней и внешней политики Республики Беларусь, представляющей собой деятельность уполномоченных государственных органов (должностных лиц), направленную на обеспечение пограничной безопасности [7].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельков, О. А. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности / О. А. Бельков // Безопасность. – 1994. – № 3. – С. 91–94.
2. Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. от 24 янв. 2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Чекмасова, Ю. В. Пограничная безопасность общества / Ю. В. Чекмасова // Армия и общество. – 2014. – № 5. – С. 31–35.

4. Парамонов, А. Е. Теоретические основы системы обеспечения пограничной безопасности России в условиях глобализации / А. Е. Парамонов // Соц.-гуманитар. знания. – 2014. – № 3. – С. 326–334.

5. Об органах пограничной службы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 2008 г., № 454-З : в ред. от 10 янв. 2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 нояб. 2005 г., № 60-З. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. О Государственной границе Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2008 г., № 419-З : в ред. от 10 янв. 2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.03.2018

Eldashev O.V. Border Security as a Component of State's National Security

The concept of «national security» is interdisciplinary. It unites all known types of security, presented by subjects of security. «Border security» occupies a significant place in the national security structure of the Belarusian state. The state border policy is an integral part of the domestic and foreign policy of the Republic of Belarus. In this article border security is considered through the prism of political science. The author determines the place and the role of border security in the national security structure, regards its purpose and tasks, the relationship of border security with other elements of the integrated national security system of the Republic of Belarus.

УДК 334.722.1

Р.А. Смирнова

д-р филос. наук, гл. науч. сотрудник

Института экономики Национальной академии наук Беларуси

e-mail: smirnovasoc@yandex.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

На материале данных социологического исследования анализируются особенности институциональной среды развития белорусского малого и среднего бизнеса как пространства взаимодействия формальных и неформальных отношений, норм и правил взаимоотношений экономических субъектов между собой, обществом и властью, обеспечивающего социально-экономический порядок и предсказуемость действий в рыночной среде. Раскрываются основные проблемы белорусского предпринимательства, обусловленные несовершенством институциональной среды и послужившие предметом изучения и реформирования в целях повышения делового климата в стране.

Одним из факторов экономического роста является развитие институциональной среды экономики. За счет нее повышается эффективность использования ресурсов и капиталов, улучшается необходимая правовая и социально-культурная среда для предпринимательской деятельности, снижается уровень социальных рисков, распространяются нововведения, появляются новые виды деятельности. Институциональная среда в этом смысле выступает социальным пространством согласования действий экономических, социальных и политических субъектов, процессов планирования и рыночной координации, взаимодействия бизнеса, общества и власти.

В социологической и экономической литературе отсутствует устоявшееся определение институциональной среды. Это и правила игры, по которым осуществляется деятельность, и совокупность ценностей, формальных и неформальных норм, обуславливающих достижение минимального согласия между людьми, и совокупность основополагающих социальных, юридических и политических правил, которые образуют основу для экономической деятельности, и система правил, влияющих на распределение прав собственности, задающих минимальный уровень и структуру транзакционных издержек, определяющих характер и содержание правовых конфликтов. И хотя большинство экономистов рассматривает институциональную среду как совокупность формальных и неформальных институтов, в данной статье понятие институциональной среды употребляется в самом широком смысле слова – как совокупность правовых, экономических, общественных, материальных и духовных практик, типичных способов деятельности и сознания, которые окружают человека, влияя на его существование и профессиональную деятельность. Применительно к экономике институциональная среда представляет собой не только систему законов и кодифицированных норм, неформальных условий, неписанных экономических правил, форм и способов, определяющих поведение субъектов в реальных деловых ситуациях, но и общую духовную обстановку в обществе, традиции, ценности, установки. Имеются в виду социальные связи, негласные нормы взаимоотношений в обществе, установки на одобрение или неприятие их общественным мнением, доверие населения к властным органам, чиновникам, руководителям предприятий, бизнесу, отношение к коррупции и многим другим явлениям общественной жизни, также имеющим институциональный характер. На наш взгляд, данный слой институциональной среды выступает некой институциональной «подушкой»,

которая, пропуская через себя формальные нормативно-законодательные акты, например, в отношении развития предпринимательства в стране, выполняет функцию условия их реализации, адаптирует регулирующее воздействие государства к реальному процессу развития бизнес-строительства. Именно этот набор неформальных правил и норм навязывает экономическому субъекту способы поведения и общения, понятные другим членам общества (партнерам, конкурентам, населению, власти), в результате чего возникает предсказуемость экономических действий и слаженность взаимодействий экономических субъектов. Если этого нет, предсказуемость исчезает, в результате чего возникают экономические и социальные риски. Именно потому, что любой институт представляет собой не только набор формальных правил, но и механизм, с помощью которого обеспечивается их исполнение, мы говорим об институциональной «подушке» как о важном элементе институциональной среды.

В отличие от формальных институтов, где есть специальные организации и профессионалы: налоговые инспекторы, полицейские, военные, занимающиеся регулированием и контролем, – в системе неформальных институтов эту функцию выполняет общество в целом, воздействующее на экономического субъекта при нарушении правил не посредством официальных структур, а через негласные формы давления (идеальные или материальные) и социального неприятия. Такие сигналы поступают, например, от предпринимательского сообщества, которое перестает заключать договоры с нарушителем общих правил или выдавать ему кредиты. Главное заключается в том, что неформальные правила институциональной среды неустранимы в принципе, и в каждой стране существует свой особый баланс формальных и неформальных правил экономической деятельности. Стремление формализовать все правила и нормы предпринимательской деятельности зачастую приводит не к снижению неопределенности, а, напротив, к ее увеличению, к дезорганизации обменов, демотивации экономических субъектов и появлению теневых способов ведения бизнеса. В данном контексте институциональная среда выступает как пространство взаимодействия формальных и неформальных отношений, норм и правил взаимоотношений экономических субъектов между собой, обществом и властью, обеспечивающее социально-экономический порядок и предсказуемость действий в рыночной среде. Отсюда совершенствование институциональной среды для развития экономики является необходимым, так как в конечном счете институциональная среда, способствуя снижению управленческих рисков и транзакционных издержек предпринимателей, увеличивает совокупный доход страны.

Государство играет важнейшую роль в формировании и изменении институциональной структуры экономики. Оно может как способствовать созданию эффективных рыночных институтов, так и, наоборот, формировать институциональную среду, которая не позволяет проявиться преимуществам частного бизнеса из-за монопольной власти и других факторов, ведущих к росту транзакционных издержек. Качество институциональной среды влияет на экономику через деятельность и поведение субъектов хозяйствования, определяя в стране степень развития бизнеса. Являясь полем разрешения противоречий между хозяйствующими субъектами с одной стороны и системой институтов рыночной экономики с другой, институциональная среда выступает необходимым фактором развития рыночных отношений и роста деловой активности в стране.

Анализ состояния и развития малого и среднего предпринимательства позволяет сделать вывод о том, что в Беларуси созданы предпосылки для реализации эффективной государственной политики в создании благоприятной институциональной среды: 1) конституционные гарантии возможности и свободы осуществления предпринимательской деятельности; 2) законодательное закрепление статуса малого предпринимательства как особого вида экономической деятельности, в отношении которого могут действовать специальные меры государственной поддержки; 3) наличие практически

всех элементов системы поддержки малого предпринимательства, эффективно действующих в развитых странах.

Принятая система поддержки бизнеса придала определенный импульс развитию малого и среднего предпринимательства в стране, однако противоречие между возрастающим потенциалом предпринимательства и ограниченностью институциональной среды подтолкнуло государство к радикальному и решительному пересмотру принципов регулирующего воздействия на этот вид деятельности. В связи с этим в 2017 г. был разработан новый проект Декрета Президента Республики Беларусь «О развитии предпринимательства и исключении излишних требований, предъявляемых к бизнесу», содержащий положения, реализация которых способна активизировать деловую активность и развитие бизнеса в Беларуси. По существу, речь идет о формировании (проектировании) новых институтов, т.е. создании их на основе выявления реальной потребности экономики. Такая деятельность является одной из функций государства, которое формирует институциональные предпосылки экономического развития, создавая прогрессивную структуру собственности, развитую банковскую систему, привлекательный инвестиционный климат. Заимствование «импортных» институтов с целью за короткий период адаптировать их к старой институциональной среде, как правило, сопровождается целым спектром негативных последствий, обусловленных как различиями в структуре экономик разных стран, так и системой неформальных норм и правил взаимодействий в экономике и обществе, составляющих базовый слой институциональной среды.

Оценивая значимость институциональной среды для развития малого бизнеса в Республике Беларусь, который в значительной степени занимает нишу торгово-обменных операций и деятельности в сфере услуг, необходимо учитывать специфику ее влияния. В связи с этим вопросам значимости институциональной среды для развития различных форм малого бизнеса был посвящен социологический опрос предпринимателей (выборка составила 118 респондентов), осуществленный в сентябре 2017 г. в Институте экономики НАН Беларуси группой по проведению социологической экспертизы объектов интеллектуальной собственности и экономико-правовых отношений. В исследовании изучались условия и факторы институциональной среды, которые стали решающими для создания бизнеса, а также те, которые мешают его успешному развитию. Были выделены четыре группы основных факторов, определивших решение заниматься предпринимательством: экономические (востребованность товаров и услуг населением, конъюнктура рынка) – 69,5 %, институциональные (благоприятный климат для развития бизнеса в стране и доступ к кредитным ресурсам) – 17 %, социальные (позитивное отношение населения к предпринимателям, социальный капитал, знакомства и связи с бизнесменами) – 47,5 % и личностные (мотивация, уровень образования, компетенции, способности, ожидания) – 94 % (таблица 1).

Таблица 1. – Факторы, влияющие на принятие решения заниматься предпринимательской деятельностью, %

Факторы	%
Востребованность моих товаров и услуг	69,5
Наличие предпринимательских способностей	50,8
Знакомства и связи с бизнесменами	33,9
Желание инвестировать собственные накопленные ресурсы	23,7
Экономическое и правовое образование	20,3
Позитивное отношение населения к предпринимателям	13,6
Доступ к кредитным ресурсам	10,2
Благоприятный климат (институциональная среда) для развития бизнеса в стране	6,8

Примечание – в сумме больше 100 %, т.к. респондент мог дать несколько вариантов ответов.

Как видно из таблицы, в качестве основного фактора развития бизнеса 69,5 % респондентов назвали наличие спроса на производимые ими товары и услуги, т.е. фактор экономический. Подтверждением этому стало также указание на факторы, которые мешают успешному развитию их бизнеса. В качестве основных были отмечены отсутствие рынков сбыта и низкий платежеспособный спрос (61 % респондентов), а также сужение рынков сбыта в связи с развитием крупных торговых сетей (35,6 %).

Осмысленная реальную практику ведения бизнеса и причины, мешающие его успешному развитию, предприниматели также акцентировали внимание на факторах, повышающих транзакционные издержки их предприятия: несовершенство законодательства (47,5 %), высокие процентные ставки по кредитам (28,8 %), давление и самоуправство со стороны чиновников (11,9 %), протекционизм в отношении государственных предприятий и крупных компаний (10,2 %), коррупция (6,8 %). Из данных ответов можно заключить, что транзакционные издержки малого и среднего предпринимательства связаны в первую очередь с характером их бизнеса и являются затратами, которые не сопряжены с производством, а лишь сопутствуют ему, например сбор информации, заключение контрактов, защита собственности и др. Иногда эти затраты определяют как издержки, возникающие, когда индивиды обмениваются правами собственности на экономические активы и обеспечивают свои исключительные права.

Вопрос о транзакционных издержках возникает, как правило, когда в процессе обмена у партнеров отсутствует информация о предметах обмена. Как показал социологический опрос, 13,6 % респондентов довольно часто сталкиваются со случаями, когда у них отсутствует информация о партнерах и их бизнесе (в ситуации, когда их контрагенты завышают стоимость предметов обмена, о действительных затратах на которые не знает сам респондент) (22 % ответили, что, по их мнению, они иногда завышают стоимость; 3,4 % – никогда; 61 % – вообще не знают, завышают или нет).

Естественно, такого рода издержки влияют негативно на развитие бизнеса. Хотя транзакционные издержки неустранимы в принципе, так как никто не обладает всей полнотой информации о ходе обмена, о субъектах производства и обмена, о качестве собственности (товара и услуги) и т.п., однако они могут быть более низкими или слишком высокими, что обеспечивается именно состоянием институциональной среды. Отсутствие нужной информации вынуждает предпринимателя для снижения затрат и ее приобретения осуществлять разнообразные виды деятельности, в частности:

- 1) поиск информации о ценах и качестве товаров (издержки поиска информации);
- 2) поиск покупателей или продавцов, а также информации об их поведении и материальном положении (издержки измерения);
- 3) заключение контрактов, торги для выяснения подлинных позиций и интересов покупателей и продавцов (издержки заключения хозяйственного договора, контракта);
- 4) контроль за выполнением контрактов в соответствии с оговоренными условиями;
- 5) взыскание убытков в случае недобросовестного выполнения контрактов (издержки оппортунистического поведения);
- 6) защита прав собственности от любых посягательств третьих сторон (контрагентов, государства, криминала и др.).

Если проанализировать доступность информации, в которой нуждаются предприниматели, то становятся очевидными проблемы с ее обеспечением. Данные социологического опроса свидетельствуют о низких оценках достоверности и полноты информации, предоставляемой любыми официальными источниками. Предприниматели в основном опираются на собственные источники информации, а также на информацию от партнеров по бизнесу и специализированные материалы (таблица 2).

Таблица 2. – Оценка полноты и достоверности информации, полученной из различных источников, %

Источник информации	Как правило, полна и достоверна	Не всегда бывает полной и достоверной	Почти всегда неполна и недостоверна	Затрудняюсь ответить
Статистика фондовых рынков	5,1	13,5	5,1	76,3
Реклама	5,1	40,7	33,9	20,3
Экспертные оценки и аналитика	8,4	27,1	15,3	49,2
Собственные источники	47,4	42,4	1,7	8,5
Информация, предоставляемая местными властями	6,8	27,1	27,1	39,0
Специализированные справочные и информационные издания	20,3	25,4	16,9	37,4
Информация от партнеров по бизнесу	25,4	49,2	5,1	20,3

Нужно сказать, что респонденты-предприниматели, имеющие малый и средний бизнес, на прямой вопрос о величине транзакционных издержек указали на незначительность прямых затрат на них в процессе ведения бизнеса. Так, в ответах на вопрос «Какую долю средств Вы тратите на следующие действия в рамках предпринимательской деятельности?» единственными действиями, требующими значительных затрат, оказались затраты, связанные с рекламой своей продукции, заключением контрактов и формированием системы информационного документооборота. Все остальные затраты, по мнению респондентов, носят незначительный характер (таблица 3). В частности, в этом они отличаются от крупных предпринимателей, у которых затраты на покрытие транзакционных издержек намного больше.

Таблица 3. – Определение расходов в рамках предпринимательской деятельности, %

Затраты	Значительные	Незначительные	Я не трачу на это средств
Заключение контракта	10,2	32,2	57,6
Реклама своей продукции, услуг	30,5	55,9	13,6
Исполнение контракта	3,4	28,8	67,8
Маркетинговые, социологические исследования	1,7	13,6	84,7
Создание, продвижение, регистрация и защита бренда	3,4	32,2	64,4
Пользование каналами связи	6,8	50,8	42,4
Услуги информационных агентств	6,8	18,6	74,6
Сбор информации о партнерах	3,4	25,4	71,2
Формирование и поддержка информационных баз	1,7	23,7	74,6
Формирование системы информационного документооборота	11,9	57,6	30,5
Поиск информации об изменении нормативной, правовой, законодательной, налоговой базы	5,1	40,7	54,2

Однако в ответах на вопрос о наиболее существенных рисках, сопровождающих деятельность предпринимателей, выявилась более точная картина структуры институциональной среды, не способствующей снижению убытков. В частности, это несвое-

временное исполнение контрактов (11,9 %); необоснованные административные барьеры, штрафы и т.п. (57,6 %), недобросовестная конкуренция (42,4 %), ограничение прав собственности на финансы, продукцию, недвижимость и др. (13,6 %), необоснованное повышение налогов (52,5 %), потеря деловой репутации (22 %) и др.

Как видно из ответов, издержки обусловлены влиянием как формальных элементов институциональной среды, так и неформальных (недобросовестная конкуренция и потеря деловой репутации). В этом смысле значимым видом трансакционных издержек для малого и среднего бизнеса являются издержки защиты прав собственности от посягательств третьей стороны. Целью любой трансакции является получение неких выгод обеими сторонами. Однако на эти выгоды могут пытаться претендовать и индивиды, и группы, не участвующие в контрактном соглашении, например государство, преступные группировки, конкуренты и т.д. Таким образом, возникает необходимость защищать вновь возникающие права собственности. На счет этих затрат могут относиться «откаты», взятки чиновникам, дань «крышам» и т.д. Нужно сказать, что, несмотря на то, что больше половины респондентов (52,5 %) назвали в качестве одного из основных социальных рисков необоснованное повышение налогов, только 6,8 % белорусских предпринимателей указали на коррупцию как фактор сдерживания развития бизнеса. Для сравнения: по оценкам Национального института системных исследований проблем предпринимательства (НИСИПП), доля теневого сектора в российской экономике в 2016 г. составила 41 % от совокупного оборота малых предприятий. По данным «ОПОРЫ России», 6 % выручки малого бизнеса тратится на взятки, а согласно сведениям Национального антикоррупционного комитета годовой объем коррупции в России составляет 240–300 млрд долл.

Основным гарантом прав собственности является государство, которое с помощью системы норм, правил и законодательства регулирует отношения собственности в стране. Однако оценка предпринимателями законодательства Республики Беларусь в части защиты прав собственности, существовавшего до принятия новой системы правовых норм, предложенной главой государства в конце 2017 г., неоднозначна: 44,1 % респондентов указали, что законы более-менее понятны и непротиворечивы, но правоприменительная практика часто создает ситуацию неопределенности; 39,3 % считают, что часто противоречивость и неоднозначность законов приводит к существенной ненадежности прав собственности; 6,8 % опрошенных убеждены, что в нем есть положения, которые приводят в отдельных случаях к ненадежности определения прав собственности. Только 15,3 % респондентов уверены, что законодательство является четким, прозрачным и понятным. При этом анализ показал, что треть респондентов неоднократно сталкивалась с нарушениями прав собственности как со стороны государственных органов (30,5 %), так и со стороны частных контрагентов (32,2 %).

В случае нарушения прав собственности около трети предпринимателей (31,2 %) обращаются в суд и арбитраж, большинство – с жалобами в государственные органы (60,4 %). Бывают случаи (14,6 %), когда предприниматели вынуждены прибегать к личным связям и знакомствам в среде чиновников и даже обращаться к влиятельным людям в криминальной среде (2 %). Только каждый десятый (10,4 %) опирается на моральное осуждение нарушителей со стороны бизнес-сообщества.

Нужно отметить, что в большинстве случаев респонденты испытывают значительные затруднения при защите своих интересов даже в случае ошибочных действий со стороны государственных органов. На основе собственного опыта 40,7 % респондентов заявили, что исправить эту ошибку почти невозможно, еще 11,9 % считают, что исправить такую ошибку чаще всего очень сложно. Именно поэтому треть предпринимателей не чувствуют себя защищенными в отношении прав собственности на финансы, недвижимость, товарную продукцию и даже объекты интеллектуальной собствен-

ности, еще более трети чувствуют себя «не совсем защищенными». Лишь каждый пятый респондент утверждает, что в вопросах собственности он «защищен законом».

Важным фактором, влияющим на развитие предпринимательства в стране, является оптимально сформированная институциональная среда, под которой понимаются устойчивые экономические и социальные связи между людьми, нормы и правила, на основе которых формируются экономические и социальные отношения в стране и реализуется тот или иной способ хозяйствования. Институциональная среда и экономические отношения формируются и изменяются в сложном взаимодействии. С одной стороны, субъекты экономики и институты формируют и развивают эти отношения, институты отражают и закрепляют наличную систему экономических отношений, в изменении институтов и институциональной среды реализуются интересы социальных слоев и групп населения, отражающих место и социально-экономические роли в общей системе экономических отношений. С другой стороны, сами экономические отношения развиваются под воздействием сложившейся институциональной среды, стабилизирующей экономический порядок и обуславливающей принятие экономическими субъектами деловых решений нормами, традициями, правилами поведения.

Полученные в социологическом опросе данные говорят о том, что основным фактором, обеспечивающим успешность предпринимательской деятельности, является наличие рынков сбыта, формируемых как на основе внутреннего, так и внешнего спроса на произведенные товары и услуги. Не менее значимым фактором, снижающим транзакционные издержки, является развитость институциональной среды ведения бизнеса. Имеются в виду не только установление формальных правил активизации деловой активности, свобода предпринимательской деятельности и снятие жестких ограничений, но в большей степени мер (финансовых, фискальных, экономических и др.), направленных на расширение рынков сбыта, в огромной степени находящегося в компетенции государства. Что касается совершенствования институциональной среды развития предпринимательской деятельности, то пока в Беларуси, несмотря на формально принятые правильные законы, некоторые из них еще не работают, так как не стали частью реальной институциональной среды. Это значит, что совершенствование институциональной среды Республики Беларусь должно повлечь за собой процесс институционализации, который заключается не только в декларировании на законодательном уровне определенных правил и норм поведения экономических субъектов, но и их общественное признание не на словах, а на деле посредством закрепления в «негласных» правилах и рамках индивидуального и общественного поведения.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.05.2018

Smirnova R.A. Institutional Environment as a Factor of Development of Small and Medium-Sized Enterprises of Belarus

In the article a sociological definition of the institutional environment as a space for interaction of formal and informal relations, norms and rules of interaction between economic entities with each other, society and government, ensuring socio-economic order and predictability of actions in the market environment is offered. Based on the sociological survey data, the author reveals the main problems of Belarusian entrepreneurship caused by the imperfection of the institutional environment and served as a subject of study and reformation in order to improve the business climate in the country.

УДК 336.02

О.И. Жорновая¹, Е.И. Жорновая²¹*д-р пед. наук, доц., проф. каф. гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Киевского института музыки имени Р.М. Глиэра*¹*д-р пед. наук, проф., зав. каф. гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Киевского института музыки имени Р.М. Глиэра
e-mail: ¹zhornova@ukr.net; ²acadmonex@gmail.com***МАЛОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО С СОЦИАЛЬНОЙ МИССИЕЙ:
ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА И ГЕНДЕРНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ УКРАИНЫ**

Рассматривается социальное предпринимательство и его гендерный аспект – женское социальное предпринимательство – как качественно новое предпринимательство. Дана оценка его влиянию на культурные традиции коллективного решения проблем общества. Определено его культурно-историческое происхождение – традиция толоки. Проанализированы дефиниции и критерии женского социального предпринимательства. Финансовая поддержка малого предпринимательства определена как первостепенный фактор его развития, раскрыто содержание и инструменты этого процесса.

Введение

Женское социальное предпринимательство (далее – ЖСП) надлежит понимать внутри малого предпринимательства (далее – МП). Точка зрения на ЖСП как механизм/инструмент выхода женщины из состояния незанятости не может считаться однозначной, поскольку влияние ЖСП на общество, различные сферы государственной и общественной жизни сейчас возрастает, что способствует достижению женщинами – социальными предпринимателями экономических, социокультурных и политических целей. Их «бизнес-детища», становясь своеобразными филиалами клубов, партий, культурными зонами, центрами предоставления всевозможных социальных услуг, рано или поздно будут интерпретироваться общественным мнением как способ «спасения общества» от черствости и чрезмерной коммерциализации сознания.

Сами женщины – социальные предприниматели (во всяком случае некоторые из них) населением воспринимаются как «заступники» и «помощники», вызывая у представителей «чистого» бизнеса недоумение: бизнес есть бизнес, иначе он не выживет; ключевое слово – прибыль, а не социальные услуги населению. А в рамках корпоративной социальной ответственности крупный бизнес продуцирует социальные эффекты и больше, и результативнее, и как механизм решения социальных проблем он должен быть воспринят куда более позитивно. Но при этом в общественном мнении крупный бизнес явно уступает МП, а тем более ЖСП вследствие кризиса доверия к власти, монополиям, крупному капиталу и др. Это первое, что следует отметить.

Далее. Административно-территориальная реформа выявила множество социальных проблем, которые «депрессивные» регионы не в состоянии быстро решить. Но территориальное укрупнение увеличило число нерешенных общественных задач. И как раз ЖСП стало тем инструментом, который запускает механизм самостоятельно инициированного процесса повышения качества жизнедеятельности сообщества. К тому же именно женщины, имеющие более тесные социальные контакты с пожилыми и молодыми людьми, людьми с особыми потребностями и ограниченными возможностями, другими уязвимыми категориями населения, склонны распространять бизнес-практику в своем сообществе. Женщины уже сейчас активно вовлекают в социальное предпринимательство молодежь, которая не имеет возможности трудоустроиться по специальности и мечтает о предпринимательстве, пенсионеров и те специфические

категории населения, которые оказались вне сферы занятости по различным причинам. Таким образом, есть все основания считать, что имеет место качественно новое предпринимательство, становящееся все более привлекательной бизнес-практикой для молодежи, незанятых женщин трудоспособного возраста и пенсионеров. Оно нуждается в осмыслении и оценке не только как экономическое явление. Необходимо выявить его масштаб, перспективность в условиях культурной общности, возникающей во всех регионах как следствие административно-территориальной реформы.

Отечественная наука сегодня находится в начале процесса осмысления ЖСП. Таким образом, возникла объективная необходимость в обобщении и систематизации теоретического и практического подходов в вопросе ЖСП, его финансировании и перспективах для устойчивого развития Украины.

Научно-методическими и информационно-статистическими основами для нашей работы стали научные исследования отечественных и зарубежных ученых, монографии, законодательные документы, финансовые, годовые отчеты о деятельности предприятий, которые реализуют социальную миссию, аналитические и статистические материалы, а также интервью, результаты опросов, наблюдений, осуществленных авторами в рамках международных конференций, тренингов, семинаров и круглых столов по профильной теме.

Теоретические основания социального предпринимательства (далее – СП) сводятся к обоснованию этого явления как специфического в рамках предпринимательства, а ЖСП, следовательно, как разновидности СП. По данным Каталога СП, в Украине их 150 (по результатам самостоятельной идентификации) [8].

Большинство украинских исследователей придерживаются той точки зрения, что СП в отечественной социальной бизнес-практике возникли как аналог зарубежных (В. Кокоть, Н. Проць, В. Смаль, Т. Шаповалова и др.) [14; 17; 21]. Тем не менее существуют и иные мнения. Например, З. Галушка видит корни СП в благотворительной деятельности украинских промышленников В. Симеренко, братьев М. и А. Терещенко и др. [2, с. 15]. А. Кулик считает, что отечественное СП – это «гибрид бизнеса и волонтерства» [21, с. 23].

Многолетнее изучение социокультурных аспектов различных видов деятельности [4; 5] привели нас к убеждению, что качественная характеристика бизнес-практики как социальной – это давний обычай различного посильного вклада членов сообщества в решение актуальных задач, известный в отечественной культурной традиции, как толока. Поэтому вопрос о финансировании такого рода предпринимательства будем истолковывать как мероприятия не только коммерческого, общественного или политического толка, но и социокультурного.

Беря за основу идею культурно-исторической традиции, рассмотрим и перспективы развития ЖСП в Украине. Дефиниция СП, как родовая по отношению к ЖСП, у отечественных и зарубежных ученых в основном схожа. Так, Д. Борнштейн и С. Девис отмечают, что при поддержке СП граждане создают или трансформируют учреждения для решения социальных проблем, а именно бедности, безграмотности, ухудшения состояния окружающей среды, нарушения прав человека и др. [1, с. 1].

На характеристике инновационности предпринимательства в случае его социальной миссии настаивают и Дж. Мейр и И. Марти: «СП – широкий процесс, который при комбинации ресурсов создает возможности для ускорения социальных изменений, удовлетворяя социальные потребности, является инновационной моделью предоставления продукции и услуг, необходимых для базовых потребностей, которые остаются вне внимания политических и экономических институций» [19, с. 36–44]. Собственно, на инновационности предпринимательства и социальной миссии сосредоточивают

внимание и другие исследователи и эксперты (Дж. Остин, Г. Стефенсон, Дж. Вей-Скиллерн, А. Николс и др.).

Приведем одну из отечественных дефиниций, которая наиболее распространена среди социальных предпринимателей, и, следовательно, реализует функцию его теоретической основы: «СП – это новаторская деятельность, прежде всего направленная на решение или смягчение социальных проблем общества на условиях самокупаемости и устойчивости», «это баланс социальных целей и коммерческой составляющей, где деньги не цель, но средство достижения этих социальных целей, что позволяет предпринимателю оставаться устойчивым и независимым от постоянных донорских вливаний» [21, с. 8].

При определении сущности СП нередко переходят к перечню критериев и показателей различных направлений его деятельности. Примером может служить такая формулировка: СП – это организации (независимо от организационно-правовой формы), которые решают социальные и/или экологические проблемы и отвечают хотя бы одному из нижеперечисленных критериев: а) трудоустраивают ветеранов антитеррористической операции, внутренне перемещенных лиц, людей с инвалидностью, жителей сельской местности, другие уязвимые группы населения; б) часть или всю прибыль от деятельности направляют на поддержку уставной деятельности гражданской организации, благотворительного фонда или благотворительной организации; в) часть или всю прибыль от деятельности направляют на финансирование услуг для уязвимых групп населения, например, социокультурных проектов [8].

Есть и такое видение критериев деятельности СП: «Основными критериями СП определены: социальная миссия, предпринимательский подход, инновационность (новаторство при реализации социальной проблемы), тиражирование, самокупаемость, финансовая устойчивость» [21, с. 8]. Они частично совпадают с критериями зарубежных исследователей, например норвежских: социальное влияние (направленность на решение или смягчение конкретной ощутимой социальной проблемы), инновационность (использование новых подходов и способов разрешения как старых, так и новых социальных проблем), самокупаемость и финансовая устойчивость (независимость от внешнего финансирования), тиражируемость (воссоздание модели СП в иных географических и социальных условиях) [14]. Но если для Норвегии такие критерии актуальны, то в Украине критерий «финансовая устойчивость», как и «самокупаемость», «сводят на нет» усилия предпринимателя идентифицировать себя «социальным», ибо, по данным [8], более 80 % зависят от внешних финансовых ресурсов. И особенно это касается ЖСП.

Определения СП из официальных документов Украины нам не известны, как и официальные термины СП, а также его характеристики.

Что касается определения ЖСП, то важно подчеркнуть, что отсутствует понимание его сущности и признаков вычленения его из СП вообще: следует ли относить к ЖСП те СП, которые организовали, руководят ими и работают на них только женщины; деятельность ЖСП направлена на удовлетворение потребностей женщин.

Мы понимаем под ЖСП те СП, которые организовали женщины, руководят ими, и работают на нем в большинстве женщины, а мужчины выполняют в основном второстепенные по значимости действия. Направленность деятельности по целевой группе не влияет на сущность ЖСП, поэтому может быть разнообразной и не подлежит рассмотрению с гендерных позиций.

Мы сфокусируем внимание на сравнении некоторых параметров СП, как их понимают в Великобритании и в Украине, которая не вошла в 2016 г. в рейтинг благоприятных для СП стран (по данным Фонда агентства «Thomson Reuters Foundation» в кооперации с Deutsche Bank, UnLtd и the Global Social Entrepreneurship Network) [15].

Сравнение произведем по параметрам, которые кажутся нам наиболее существенными для понимания сути ЖСП и определения путей развития, постановки вопроса о финансовой поддержке: приоритеты СП, специфические особенности, типичные характеристики, формы социальных предприятий и условия деятельности, направленность деятельности по целевым группам.

Проанализируем с этих позиций понимание СП в Великобритании [7]:

1. Приоритет для такого бизнеса – решение или смягчение социальных и/или экологических проблем (желательно, чтобы это было закреплено в уставных документах).

2. Специфические особенности: реинвестиция большей части прибыли в свое предприятие либо на поддержку общественных инициатив и организаций.

Компании специальной организационно-правовой формы для социальных предприятий «компания интересов сообщества (community interest company – CIC)» по закону обязаны закрепить в своем уставе свою социальную миссию. Это ограничивает передачу активов компании и подтверждает, что они будут использованы только в соответствии с социальной миссией. Такая форма дает четкий сигнал инвесторам о том, что предприятие работает на благо общества и что конкретная социальная цель защищена уставными документами и регулированием.

3. Типичные характеристики – это прозрачность операций и отчетность; контроль предприятий со стороны правительства. Критерии: предприятия не платят более 50 % прибыли владельцам или акционерам, видят бизнес-миссию социальной, генерируют не менее 25 % своего дохода от торговли и не получают более 75 % дохода от грантов или пожертвований.

4. Различные формы социальных предприятий. Условия для деятельности всевозможных форм СП:

1) стратегии создания благоприятных условий для развития социальных предприятий: «Социальное предприятие: стратегия успеха» (Social Enterprise: A strategy for Success) 2002 г. (содействие выбору социально ответственных поставщиков при осуществлении государственных закупок; увеличение возможностей финансирования; бизнес-поддержка и обучение; популяризация социального предпринимательства и увеличение доверия к этому сектору);

2) «Социальное предприятие. План действий: расширение масштабов новых высот» (Social enterprise action plan: Scaling new heights) 2006 г. (улучшение профессиональной подготовки; создание инвестиционного фонда и увеличение финансовой поддержки; межведомственный план для стимулирования более тесной работы между правительством и организациями гражданского общества);

3) Стратегия 2011 (поощрение инвестиций в социальную сферу и развитие связей между социальными предприятиями и социальными инвесторами; разработка налоговых стимулов и нормативно-правовой базы);

4) сотрудничество с независимой финансовой организацией Big Society Capital (2012) для поддержки СП;

5) Закон о реализации общественных услуг (Public Services (Social Value) Act) (2013), который требует от государственных органов при заказе услуг выбирать именно те предприятия и тех поставщиков, которые способствуют экономическому, социальному и экологическому благополучию местных сообществ и в целом местному развитию;

6) налоговые льготы, предоставляемые социальным инвесторам, лицам и организациям, которые вкладывают средства в социальные предприятия (подходный налог сокращается на 30 %);

7) инновационные финансовые инструменты – облигации социального воздействия (Social Impact Bonds).

5. Направленность деятельности по целевым группам (группы, подверженные влиянию из-за нерешенности государством конкретных проблем).

Остановимся на аспектах деятельности украинских СП.

1. Приоритеты для такого бизнеса отечественные эксперты видят по-разному. А. Кулик: «В украинском случае можно считать, что социальное предпринимательство выросло именно из волонтерских движений. Социальный бизнес – это в определенном смысле гибрид бизнеса и волонтерства. Бизнес генерирует прибыль, продавая продукты или услуги, но не всегда решает общественные проблемы. Волонтерство, наоборот, решает общественные проблемы, но редко бывает прибыльным... СП объединяет в себе финансовую устойчивость бизнеса и социальную ориентированность волонтерства» [21, с. 23]. О. Загакайло: средствами СП реформируют государственные социальные услуги; появляются новые виды сервисов, которые остаются вне внимания обычного бизнеса из-за неприбыльности; СП снижает нагрузку на местные бюджеты при решении социальных проблем [6]. Ю. Лопатинский, директор МГО «Народна допомога – Львів» и основатель социальной пекарни «Горіховий дім»: СП – это определенный подход, который может применяться к любой бизнес-модели [21, с. 22].

2. Специфические характеристики: СП содержит прибыльные и неприбыльные направления и развивается по «собственным» законам [2, с. 15], «придает бизнесу человеческое лицо»; если «нет социальной проблемы – нет социального предпринимательства» [21, с. 8]. СП совмещают два обстоятельства, которые могут содержать условия уязвимости: во-первых, особенности их бизнес-моделей «привязаны» к социальной проблеме, во-вторых, социальные предприниматели менее предприимчивы; по сути СП – это большой проект, который требует финансирования, а различия заключаются в их меньшей подверженности рискам и большей приверженности понятным, прозрачным... консервативным способам ведения бизнеса [21, с. 67].

3. Типичные характеристики: прибыль не цель, а индикатор и ресурс бизнеса [2, с. 15]; природа СП обуславливает этическую составляющую долгосрочного институционального доверия [3, с. 8].

4. Формы социальных предприятий: физическое лицо (предприниматель) – 37; частное предприятие – 23; государственная организация – 20, предпринимательское объединение граждан – 19; товарищества с ограниченной ответственностью – 18; сельхозкооперативы – 15; благотворительные организации – 8; организации гражданского объединения – 4; фермерские хозяйства – 2; гражданский союз – 1; орган самоорганизации населения – 1; частная организация – 1; коллективное предприятие – 1 [8].

5. Направленность деятельности и целевые группы (по убыванию числа ответов): трудоустройство наиболее уязвимых групп населения, генерирование прибыли (для поддержки уставной деятельности организации, услуг населению, финансирования особых услуг, защиты окружающей среды и решения экологических задач, реабилитации участников АТО, благотворительности, поддержки гражданских инициатив) [8].

Имеются существенные отличия в теоретическом осмыслении деятельности СП в плане, например, определения сущностных признаков СП, специфических и типичных характеристик, критериев социального вклада в деятельность сообщества и др. Анализ таких типичных характеристик, как прозрачность операций, мы делаем по данным [8]. Отчеты о социальной составляющей деятельности в большинстве случаев размещают на веб-странице или в социальной сети; некоторые отчитываются перед фондом социальной защиты или областной государственной администрацией, центрами занятости, учредителями, масс-медиа, а отдельные респонденты ответили, что готовы дать отчеты тем, кого это интересует, но не отчитываются вообще.

Также нет четких критериев и показателей для оценки социального эффекта от деятельности СП: по количеству трудоустроенных, числу клиентов, отзывам клиен-

тов о качестве и количестве услуг и др. Причем из 35 респондентов 22 указали, что вообще не изучают социальный эффект, а 9 не дали ответа.

Формы социальных предприятий в Украине, как следует из результатов самостоятельной идентификации, достаточно разнообразны, но при большей детализации выясняется, что некоторые формы – это лишь отражение особенностей наименования, а не отличительный признак.

Направленность деятельности по целевым группам в Украине явно свидетельствует о наличии глобальной проблемы с трудоустройством. В Великобритании же целевые группы – это потребители всевозможных нишевых запросов, которые государство не решило именно из-за их важности для весьма небольшого сегмента.

Что касается ЖСП, то его критерии таковы:

а) женщины достаточно хорошо представлены на руководящих позициях в социальных предприятиях;

б) женщины, руководящие социальными предприятиями, получают столько же, сколько и мужчины.

Пока что они не в полной мере актуальны для Украины при мониторинге гендерного аспекта СП.

Практические аспекты СП в отечественных научных кругах в основном сосредоточены вокруг вопроса об апробации той или иной зарубежной модели в бизнес-практике и ее внедрении в практику. В данном случае нас интересует финансирование ЖСП.

Поскольку финансирование ЖСП и его особенности в значительной мере зависят от направления деятельности и социальной миссии, мы перечислим наиболее, по нашим данным, распространенные: выращивание и сбыт сельхозпродукции; производство продуктов питания; создание мини-предприятий общественного питания, а также магазинов, точек реализации товаров на рынках, остановках общественного транспорта; организация швейного производства и/или заведений по ремонту одежды, химчисток и прачечных; предоставление образовательных (услуги репетиторов, гувернантов, нянь и др.) и медицинских услуг (уход за пожилыми людьми, больными, людьми с ограниченными возможностями и др.); так называемый *hand make* и др.

Сравним два направления деятельности ЖСП: выращивание и сбыт сельхозпродукции и предоставление образовательных услуг. Так, в первом случае финансовые ресурсы чаще всего выражены в денежной форме, имеют исключительно целевое назначение, обладают большей ликвидностью в сравнении с другими ресурсами, постоянно находятся в движении, причем процесс их формирования и использования сопряжен с рисками [11, с. 7]. Во втором – существенно амортизированы все характеристики, что свидетельствует о немаловажных отличиях внутри ЖСП.

Финансовая поддержка ЖСП для перспектив устойчивого развития Украины предполагает оценку финансовой устойчивости как фактора общей устойчивости общества. Для этого нами проведен опрос женщин – социальных предпринимателей в рамках профильного тренинга. Они представили все регионы Украины, и все находились на начальном этапе предпринимательства. Результаты анализа данных опроса свидетельствуют, что финансовая устойчивость является ключевым фактором общей устойчивости ЖСП, а тем более перспектив его развития. Такие характеристики, как прочность и стабильность финансового состояния, симметричность и соразмерность собственным и привлеченным финансам, выполнимость взятых кредитных обязательств, в малой степени присущи ЖСП, а тем более на этапе становления бизнес-практики. Это же влияет на принятие решения о ее расширении.

Проведенный нами опрос женщин-предпринимателей в рамках тренинга показал, что только около 2 % респонденток считают свой бизнес финансово стабильным настолько, что они думают о его расширении и вносят соответствующие коррективы

в бизнес-план. Остальные заявили, что испытывают высокую потребность в привлечении дополнительных финансовых ресурсов (таблица).

Таблица. – Данные опроса женщин – социальных предпринимателей

Шкала оценки финансового положения ЖСП	Число ответов
«5» – Целиком стабильное финансовое положение за счет собственных средств, которое способствует расширению бизнес-практики и социальной миссии	2
«4» – Условно стабильное финансовое положение за счет собственных средств, при том, для эффективного воспроизводства производственного потенциала бизнес-практики и выполнения социальной миссии существует потребность в дополнительных финансовых ресурсах	3
«3» – Стабильность финансового положения поддерживается за счет как собственных, так и привлеченных средств, а ЖСП зависит от внешнего финансирования, которое не превышает собственных финансовых ресурсов	14
«2» – Финансовое положение чрезвычайно зависимо от внешнего финансирования, которое превышает собственные финансовые ресурсы	24
«1» – Нестабильное финансовое положение	5

Как видно, лишь незначительная часть ЖСП имеет в своем распоряжении исключительно собственные финансовые средства. Подавляющее большинство респонденток указали, а при устных комментариях подтвердили, что для эффективного воспроизводства производственного потенциала бизнес-практики и выполнения социальной миссии у них возникает потребность в дополнительных финансовых ресурсах.

Финансовые инструменты ЖСП не отличаются разнообразием: собственная коммерческая деятельность и продажа продукции/услуг – это наиболее распространенный источник. Анализ структуры источников поступления дополнительных финансовых ресурсов показал, что на первом месте – грантовая поддержка, на втором – льготное кредитование и далее прямая государственная финансовая поддержка путем прямого финансирования, создание целевых фондов, кредитование под государственные гарантии. Иные по значимости – это кредиты, спонсорские взносы, благотворительные взносы, взносы членов предприятия, целевое финансирование, инвестиции учредителей. Заметим, что все респондентки указали на финансово-кредитную политику государства как таковую, которая недостаточно учитывает социальную роль женщины вообще и в украинском обществе в частности. Наиболее адекватная государственная поддержка – это финансовые программы поддержки ЖСП, предназначенные для реализации тех или иных экономических и социальных/социокультурных целей, которые между собой синхронизированы.

Остановимся на инновационных финансовых инструментах поддержки ЖСП в Украине (указаны по значимости на этапе открытия).

1. Краудфандинговые мероприятия, «спільнокошт» (укр.): благотворительный магазин «Шафа добрих речей» (автор проекта Н. Рябуха).

2. Благотворительные взносы.

3. Гранты: первые украинские благотворительные магазины «Ласка», «Я жінка!» (автор проекта И. Мартынюк), семейный клуб «Територія позитиву» (автор проекта С. Лукьянченко), женский клуб «Від дискусії – до дії» (автор проекту Т. Карпив), центр досуга для детей из восточных областей Украины и местного сообщества (автор проек-

та Е. Моргун), «Незрячі лідери» (автор проекта В. Московченко), мастерская личностного успеха (автор проекта Г. Симончук), память поколений (автор проекта М. Чинякова), эпоха новых лидеров (укр. – лідерок – О.Ж., Е.Ж.) (автор проекта М. Шегер) [20].

4. Предпринимательская деятельность: магазин «Ласка», благотворительный магазин «Шафа добрих речей», проект «Туристичне село Крива Лука» (автор проекта Я. Синица) и др.

В дальнейшем все ЖСП планируют самофинансирование. При невысоком качестве финансовых инструментов и недоступности для всех женщин – социальных предпринимателей внешних источников финансирования, а также при небезукоризненных способах их распределения между сферами экономики и хозяйствующими субъектами и по причине зависимости финансирования от направления деятельности и социальной миссии ЖСП. Весьма важным является целенаправленное формирование тенденции финансовой поддержки ЖСП.

Какие же возможные направления привлечения внимания к финансированию ЖСП можно выделить? Мы остановимся на трех:

1. Адвокационный. Цель – продемонстрировать представителям местной власти, крупного бизнеса, масс-медиа возможности ЖСП для решения острых проблем всех категорий сообщества; методы: подготовка и презентация отчетов, аналитических справок о деятельности соответствующих организационно-правовых моделей ЖСП, а также проведение дискуссионных мероприятий, адвокационных кампаний, информационно-просветительских акций.

2. Практико-ориентированный. Цель – ознакомить заинтересованные стороны с существующим зарубежным опытом финансирования ЖСП и его результатами для устойчивого развития региона, а также экономики страны в целом. Методами могут стать информационные материалы ЕС, комплекс мероприятий для поддержки ЖСП, описание иностранного опыта финансирования ЖСП.

3. Партнерский. Цель – улучшение взаимодействия между заинтересованными сторонами, определение всех стейкхолдеров и бенефициаров, а в дальнейшем – установление партнерских отношений и координация действий по финансированию ЖСП.

Следует постоянно лоббировать вопросы:

1) финансовых ресурсов из привлеченных и невозвратных источников финансирования ЖСП;

2) государственных программ финансовой поддержки ЖСП в ближайшей и далекой перспективе для прогнозирования масштабов производства и реализации социальной миссии;

3) дифференциации ЖСП по степени важности социальной миссии и производства для планирования внешних финансовых поступлений и минимизации рисков.

Рассмотрим несколько наиболее перспективных вариантов.

1. Привлечение государства в финансирование проектов на этапе их становления и/или развития. Как механизм государственной поддержки финансирование проектов СП предполагает незначительные вложения на первоначальном этапе при дальнейшем получении социального эффекта, нового источника налоговых поступлений, стабильного развития территориального сообщества и самозанятости населения. Слабое использование инструментов микрофинансирования не способствует достойной конкуренции ЖСП не только средним и крупным предприятиям, которые принимают участие в тендерах на получение государственных заказов в определенных сферах. Продукцию и услуги ЖСП следует включить в список обязательных государственных закупок. Подобная мера будет чрезвычайно положительным фактором развития ЖСП и МП.

2. Со стороны местной власти наилучшая поддержка – это бесплатная аренда помещений, временное использование (аренда) дорогостоящей техники.

3. Финансовое содействие ЖСП со стороны финансового сектора: беспроцентные и/или льготные кредиты, займы на определенный период – надлежит поддерживать через заинтересованность и высокий уровень мотивации не только со стороны государства, но и путем формирования общественного мнения. К примеру, Программа социального инвестирования WNISEF в партнерстве с коммерческими банками разработала механизм льготного кредитования СП [13].

4. Фандрейзинг. Технологии: подача заявок на гранты, участие в общих проектах и целевое финансирование по программам международных организаций, специальные мероприятия по сбору средств (благотворительные акции, аукционы, концерты и др.), членские взносы «материнских» государственных организаций, участие в проектах, финансируемых государством; привлечение волонтеров и др.

5. Краудфандинг. Особое значение имеет соединение максимально возможного количества финансовых инструментов. По нашим данным, наиболее весомыми результатами, ожидаемыми от ЖСП, могут стать долговременные позитивные изменения во многих государственных и общественных сферах.

ЖСП в экономике – это:

1) зарождающаяся тенденция женского предпринимательства по «зову души и сердца» во имя справедливости, всеобщего блага – высшей цели, достигаемой усилиями наиболее ответственной наиболее подверженной экономическим рискам части населения – женщинами;

2) курс на кардинальное изменение объема таких понятий, как бизнес, выгода, прибыль, убыток, а также сущности взаимодействия общества и предпринимателей;

3) формирование социального капитала с «женской душой и сердцем» и опосредованного влияния на повышение социальной ответственности крупного бизнеса;

4) удовлетворение потребностей наиболее уязвимой части населения, а также повышение общего благосостояния.

ЖСП в политической сфере – это влияние на потребителя как электорат средствами социально ориентированной бизнес-практики и использование бизнес-сообществом СП в качестве прессинга, используемого в предвыборных кампаниях.

ЖСП в рамках административно-территориальной реформы – это:

1) новый тип взаимодействия с государственными и местными органами власти, выходящий за рамки фискальной сферы;

2) создание специальных фондов развития партнерских организаций, крупного бизнеса, некоммерческих учреждений, негосударственных организаций, доноров, ставящих целью укрепление различных аспектов административно-территориальной реформы на местах;

3) экспериментальная площадка по апробации и формированию партнерских отношений для сотрудничества при решении социальных вопросов на местах;

4) механизм, запускающий самостоятельно инициированные процессы повышения качества жизнедеятельности сообщества;

5) критерий социальной ориентированности законодательно-исполнительной власти;

6) стимулирование процессов (ре)генерации местных сообществ, регионов, поскольку они нередко расположены в центре административно-территориальной единицы и сотрудничают с местными жителями.

ЖСП в рамках гражданского общества – это:

1) сфера деятельности активных агентов социальных изменений, новаторов-предпринимателей с социально ориентированным мышлением;

2) источник гражданских инициатив;

3) экспериментальная площадка для формирования институтов гражданского общества и апробации не адаптированных к местным условиям бизнес-практик;

4) поле для формирования лидеров, намеренных объединить вокруг себя единомышленников, выявить наиболее слабые места в организации жизнедеятельности сообщества и организовать поступление необходимых ресурсов для достижения качественно нового уровня жизни с долгосрочным эффектом.

ЖСП в рамках сферы занятости – это:

1) создание рабочих мест, осознание ответственности за все финансовые и иные риски, поиск инновационных методов, технологий, т.е. решение проблемы занятости и/или неполной (временной) занятости без участия государственных органов;

2) бизнес-практика, которая благодаря масштабируемости и тиражируемости, становится образцом для подражания;

3) инструмент вовлечения в сферу занятости и трудоустройства тех социальных групп, которые были исключены из нее по объективным причинам с перспективой существенного улучшения психологического благополучия, материального обеспечения и социокультурного развития.

Для выхода ЖСП на качественно новый уровень важно решить несколько задач. Прежде всего, необходимо максимально разнообразить финансовую поддержку проектов ЖСП, поскольку эффективность воплощения идеи ЖСП напрямую зависит от финансовых средств.

Заключение

МП – это качественно новое предпринимательство, возродившееся на почве культурной традиции совместного решения проблем сообщества «толоки», становящееся все более привлекательной бизнес-практикой для молодежи, незанятых женщин трудоспособного возраста и пенсионеров, – ЖСП.

Уточнение и конкретизация дефиниции ЖСП, его перспектив для устойчивого экономического развития позволили выявить наиболее перспективные направления привлечения внимания к финансированию ЖСП, а именно: **адвокационный** (для демонстрации представителям местной власти, крупного бизнеса, масс-медиа возможностей ЖСП); **практико-ориентированный** (для ознакомления заинтересованных сторон с существующим зарубежным опытом финансирования ЖСП); **партнерский** (для улучшения взаимодействия между заинтересованными сторонами, определения всех стейкхолдеров и бенефициаров, а в дальнейшем – установления партнерских отношений и координации действий по финансированию ЖСП).

ЖСП требует постоянного привлечения заимствованных средств. Финансирование ЖСП – это первостепенный фактор вовлечения женщин в социально ориентированную трудовую деятельность (в Украине арсенал финансовых инструментов весьма скуден). Такое заключение появляется в результате анализа теоретических вопросов ЖСП, данных по финансированию СП в целом, а также результатов нашего опроса.

Для выхода ЖСП на качественно новый уровень важно решить несколько задач. Прежде всего, необходимо максимально разнообразить финансовую поддержку проектов ЖСП. С целью диверсификации финансовых инструментов следует использовать:

1) коммерческие операции не только с частными лицами, но и с государственными организациями;

2) гранты не только зарубежных фондов, но и от правительственных организаций;

3) социальные инвестиции, которые предполагают возврат инвестированных средств, нередко с процентами, а также требуют подтверждения ожидаемых качественных изменений в социальном плане как результата инвестирования в проект ЖСП;

4) некоммерческие организации и фонды, которые на постоянной основе поддерживают ЖСП путем финансирования программ и проектов социального предпринимательства на начальном этапе.

Данный подход значительно улучшит финансовую поддержку ЖСП, углубит его экономическую сущность параллельно с социальной составляющей, а также станет действенным фактором устойчивого развития административного региона и страны в целом. Таким образом, СП в нынешних условиях реформирования государственной и общественной сфер это инструмент упрочения общественных связей, источник новых социокультурных, экономических и политических тенденций, общественных отношений, механизм устойчивого и поступательного развития местного сообщества и укрепления национальных культурно-исторических традиций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bornstein, D. *Social Entrepreneurship: What Everyone Needs to Know* / D. Bornstein, S. Davis. – Oxford : University Press, 2010. – P. 1.
2. Галушка, З. Феномен соціального підприємництва: поняття та перспективи розвитку в Україні / З. Галушка // *Економіка*. – 2013. – № 148. – С. 15–21.
3. Глібовицький, Є. У пошуках прориву зі стабільним результатом: як соціальним підприємствам перемагати в конкуренції та утримувати успіх [Електронний ресурс] / Є. Глібовицький. – Режим доступу: <http://www.social-business.in.ua/index.php/novyny/v-ukraini/126-u-poshuku-proryvu-z-stabilnym-rezultatom-yak-sotsialnym-pidpryyemstvam-pere-mahaty-v-konkurentsiyi-ta-utrymuvaty-uspi>. – Дата доступу: 08.01.2018.
4. Жорнова, О. Жіноче соціальне підприємництво в Україні: чи варто воно фінансової підтримки [Електронний ресурс] / О. Жорнова, О. Жорнова // *Громадський простір*. – Режим доступу: <https://www.prostir.ua/?blogs=zhinoche-sotsialne-pidpryjemnytstvo-chy-varte-vono-finansovoji-pidtrymky>.
5. Жорнова, О. Психологія самозайнятості на теренах України як наукова проблема та запит практики / О. Жорнова // *Психол. науки: проблеми і здобутки*. – 2015. – Вип. 8. – С. 58–81.
6. Загакайло, О. Соціальне підприємництво – неочінена необхідність [Електронний ресурс] / О. Загакайло. – Режим доступу: https://dt.ua/economics_of_regions/socialne-pidpryu-ennictvo-neocinena-neobhidnist-.html. – Дата доступу: 12.01.2018.
7. Как британское правительство развивает социальное предпринимательство? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://by.odb-office.eu/ekspertyza/_sacyjalnaje-pradprymalnictva/kak-britanskoe-pravitelstvo-razvivaet-socialnoe-predprinimatelstvo. – Дата доступа: 12.01.2018.
8. Каталог соціальних підприємств України 2016–2017 рр. [Електронний ресурс] // *Громадська організація «Молодіжний центр з проблем трансформації соціальної сфери «СОЦІУМ-XXI»*. – Режим доступу: socialbusiness.in.ua. – Дата доступу: 13.01.2018.
9. Назарук, В. П'ять великих можливостей для розвитку соціального підприємництва в Україні [Електронний ресурс] / В. Назарук. – Режим доступу: <http://www.socialbusiness.in.ua/index.php/novyny/v-ukraini/156-5-velykykh-mozhlyvostei-dlia-rozvytku-sotsialnoho-pidpryiemnytstva-v-ukraini>. – Дата доступу: 13.01.2018.
10. Новый взгляд на социальное підприємництво [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://gurt.org.ua/news/recent/13225/>. – Дата доступу: 14.01.2018.
11. Олійник, К. А. Фінансове забезпечення малих сільськогосподарських підприємств : автореф. дис. ... канд. екон. наук : 08.00.04 / К. А. Олійник ; М-во аграр. політики та продовольства України, Миколаїв. нац. аграр. ун-т. – Миколаїв, 2013. – 23 с.
12. Підсумковий звіт за результатами дослідження «Соціальні підприємства в Україні». – Київ, 2017. – 32 с.
13. Програма соціального інвестування [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.socialbusiness.in.ua/index.php/instrumenty/finansuvannia-sotsialnykh-pidpryiemstv>. – Дата доступу: 14.01.2018.

14. Проць, Н. Соціальне підприємництво – запорука економічної стабільності та суспільної рівноваги [Електронний ресурс] / Н. Проць. – Режим доступу: <http://lcci.com.ua/socialne-pidpryyemnyctvo-dosvid-norvegiji>. – Дата доступу: 15.01.2018.
15. Рейтинг благоприятных для социального предпринимательства стран в 2016 г. (по данным Фонда агентства «Thomson Reuters Foundation» в кооперации с Deutsche Bank, UnLtd и the Global Social Entrepreneurship Network) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://media.rspp.ru/document/1/9/f/9f8fdc4f4d8bd30cb0c31a29333cc-835.pdf>. – Дата доступа: 15.01.2018.
16. Розвиток соціального підприємництва та створення нових робочих місць [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://eef.org.ua/programi/mistsevij-ekonomichnij-rozvitok/rozvitok-sotsialnogo-pidpriyemnitstva>. – Дата доступу: 03.01.2018.
17. Смаль, В. Що слід знати про соціальне підприємництво / В. Смаль, В. Кочоть. – Київ, 2017. – 54 с.
18. Спільнокошт – краудфандинг в Україні [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://biggggidea.com/>. – Дата доступу: 05.01.2018.
19. Social entrepreneurship research: A source of explanation, prediction, and delight // Journal of World Business. – 2006. – Vol. 41. – С. 36–44.
20. Український жіночий фонд: Проекти, підтримані УЖФ [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://firststep.uwf.kiev.ua/rus/projects>. – Дата доступу: 02.01.2018.
21. Шаповалова, Т. В. Соціальне підприємництво і фандрейзинг / Т. В. Шаповалова. – Київ : МФСА, 2016. – 186 с.
22. Шевченко, Л. Бизнес и благотворительность в одном флаконе. Проблемы и перспективы социального предпринимательства в Украине [Электронный ресурс] / Л. Шевченко. – Режим доступа: <http://ubr.ua/business-practice/own-business/volontery-sdengami-kak-rabota-et-socialnoe-predprinimatelstvo-v-ukraine-366210>. – Дата доступа: 09.01.2018.

Рукапіс паступіў у редакцыю 14.04.2018

Zhornovaya O.I., Zhornovaya E.I. The Small Business with Social Ventures: Financial Support and Gender Perspective for Sustainable Development of Ukraine

Social entrepreneurship and its gender aspect - women's social entrepreneurship as a qualitatively new entrepreneurship is considered in the article. An assessment is made of its influence on the cultural traditions of the collective solution of problems of society. Its cultural and historical origin is defined - the toloka tradition. The definitions and criteria for women's social entrepreneurship are analysed, dismantled financial support as a primary factor in its development is highlighted, the content of this process and tools are revealed.

УДК 316.47

Е.В. Резанова

канд. социол. наук, ведущий науч. сотрудник
Института экономики Национальной академии наук Беларуси
e-mail: ekaterina-rezanova@yandex.by

ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР УСПЕШНОГО РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА НА РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Обосновывается тезис о значимости доверия в успешном взаимодействии предпринимателей и государства, в оптимальном сочетании частных и публичных интересов при осуществлении предпринимательской деятельности. Анализируются концептуальные подходы в рассмотрении доверия между государством и предпринимателями, понимаемого как институциональное доверие. Раскрывается сущность и структура институционального доверия предпринимателей. Проводится социологический анализ феномена доверия предпринимателей государству путем рассмотрения его в контексте общественных отношений и социального взаимодействия. Делается попытка определения эмпирических показателей для оценки институционального доверия предпринимателей в Республике Беларусь. Анализ вторичных данных позволил косвенно оценить степень доверия предпринимателей государственным институтам и определить ориентиры для последующего изучения данного феномена.

Введение

Взаимодействие индивидов в обществе и экономических агентов в системе хозяйственной деятельности невозможно без учета такого важного элемента как доверие. Однако если в философских и социологических науках проблема доверия и моральных принципов взаимодействия поднимается еще древнегреческими философами, то в экономических науках к проблеме доверия обратились вплотную только в рамках новой институциональной экономики. Особенное внимание ученые уделяют роли доверия в социально-экономических преобразованиях в странах с переходной экономикой, рассматривая его в качестве важного фактора экономического развития.

Анализируя доверие и его уровень, определяя виды и структуру, функции и последствия доверительных отношений, ученые наталкиваются на серьезные трудности, связанные с многоплановостью феномена доверия и междисциплинарным подходом в его исследовании. Отдельные подходы к изучению доверия (философский, экономический, психологический, социологический) дают освещение с различных позиций, причем каждый из этих подходов уникален и имеет свои преимущества. Особое значение здесь имеет социологический подход, позволяющий обеспечить, с одной стороны, рассмотрение феномена доверия в контексте общественных отношений и социального взаимодействия, а с другой – доказательность и ценность в практическом применении с точки зрения методики, методологии и техники [1].

Одним из наиболее сложных и важных видов доверия является доверие к институтам и прежде всего к государству. В наиболее общем понимании институциональное доверие можно охарактеризовать как обезличенное доверие в отношении официально установленных правил, норм и предписаний. В свою очередь, доверие к правилам проецируется на доверие к тем организациям и институтам, которые эти правила реализуют, а также к официальным представителям данных организаций [2]. Поэтому институциональное доверие является сложным и разносторонним понятием, в целом характеризующим отношение граждан к существующим в обществе политическим и социальным институтам.

Институционализация доверия происходит вместе с развитием общества. Традиционное общество характеризуется закрытыми социальными общностями, жесткими правилами морали, заданными правилами поведения, отсутствием свободы выбора и, соответственно, высоким уровнем межличностного доверия, которое формируется в семье, клане и т.д. Человек в традиционном обществе доверяет только тем, кому предписывает доверять традиция или обычай и в соответствии с предписаниями этой традиции. В современном сетевом обществе формируются универсальные, открытые и непостоянные сообщества, предполагающие вхождение любого желающего, с возможностью выхода из них в любое время, что предполагает универсализацию принципов морали и социального взаимодействия. Доверие выходит за рамки семейного круга, предполагает все более широкие сферы взаимодействия и приобретает характер обезличенного генерализированного доверия. Человек в современном обществе доверяет другим в соответствии с обобщенными правилами взаимодействия, которые заданы существующими в этом обществе институтами. Институционально закрепленное и подерживаемое в публичной сфере, массовой культуре, законодательной сфере и общественной морали доверие становится важным условием развития предприятий и построения эффективных коммуникаций в социальных группах [3].

Особую роль институциональное доверие играет в экономике в целом и в предпринимательской деятельности в частности. В теории доверия Ф. Фукуяма заключает, что преобладание недоверия в обществе равносильно введению дополнительного налога на все формы экономической деятельности, от которого избавлены общества с высоким уровнем доверия. Если нет доверия, то издержки ведения хозяйственной деятельности растут примерно на 50 % из-за необходимости ведения надзора и контроля. Люди, друг другу не доверяющие, в конце концов смогут сотрудничать только в рамках бюрократической системы внешних правил и регламентации, требующей постоянного переписывания, согласования, отстаивания в суде и обеспечения исполнения, время от времени принудительного. Весь этот юридический аппарат, заменяющий доверие, приводит к увеличению транзакционных издержек [4, с. 83].

Тематика институционального доверия предпринимателей остается относительно малоизученной, лишенной глубокой разработки. Исследования по данной тематике в Республике Беларусь со стороны экономистов ограничены анализом индексов, оценивающих удовлетворенность предпринимателей условиями ведения бизнеса в стране (индексы институциональной среды, оценки регуляторной среды, оценки государственной финансовой поддержки предпринимательской деятельности и др.), а со стороны социологов – анализом ответов на вопрос относительно того, доверяют ли предприниматели государственным институтам (правительство, суд, местные органы власти, СМИ и т.д.), а также изучением политической и гражданской активности предпринимателей. При этом игнорируется все разнообразие феномена институционального доверия, остается неизученным ряд компонентов этого многопланового понятия.

Целью статьи является социологический анализ феномена институционального доверия в целом и доверия предпринимателей к государству в частности. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- 1) анализируются концептуальные подходы в рассмотрении феномена институционального доверия;
- 2) раскрывается сущность институционального доверия предпринимателей;
- 3) проводится социологический анализ феномена доверия предпринимателей к государству путем рассмотрения его в контексте общественных отношений и социального взаимодействия;
- 4) делается попытка определения эмпирических показателей для оценки институционального доверия предпринимателей.

Теоретические концепции институционального доверия

Доверие к государству и его институциям польский социолог П. Штомпка определяет как публичное доверие, или вертикальное доверие, которое в отличие от горизонтального существует между партнерами, находящимися на разных ступенях власти. Он выделяет следующие стратегии формирования доверия к государству, как и других видов доверия: познавательную, психологическую и культурную. Познавательная базируется на оценке информации о том, насколько человек заслуживает доверия, на уверенности в его порядочности и профессионализме, которые формируются в процессе сотрудничества. В психологическом аспекте доверие эмоционально и опосредовано личным опытом, связанным с социализацией и отношениями в семье и различных группах. В культурном аспекте доверие подразумевает генеалогическую основу, в которой коллективный исторический опыт аккумулируется и кодифицируется в правилах поведения, поощряющих доверие к окружающим либо провоцирующих недоверчивое отношение к другим.

В формировании доверия к государству, по мнению П. Штомпки, вышеперечисленные стратегии играют различную роль. Меньшую роль играет познавательный аспект доверия, поскольку простой гражданин не имеет полного доступа к информации о функционировании государства, не может точно оценить надежность и справедливость государственных механизмов. Одним источником такой информации выступают контакты с государственными и административными функционерами (чиновниками, таможенниками, полицейскими), в результате чего может формироваться представление о функционировании того или иного института. Однако горизонт персонального опыта зачастую ограничен, и обобщения до уровня государственного института могут быть ошибочными. Другой источник знаний для оценки институтов – это средства массовой информации, предоставляющие зачастую неполную и одностороннюю информацию о политике, которую формируют элиты, создающие общественное мнение. Поэтому и СМИ могут быть ложным источником информации о функционировании государственных институтов. В результате Штомпка приходит к выводу, что именно культурная стратегия играет решающую роль в формировании доверия в обществе: «Импульс доверия и культура доверия входят в состав сложных причинных механизмов, регулирующих отдельный акт доверия, представляя собой существенные факторы, влияющие на рациональные расчеты» [5, с. 245].

По мнению американского политолога и философа Ф. Фукуямы, доверие к органам государственной власти является одним из фундаментов, на которых строятся легитимность и устойчивость политической системы. А формируется такое доверие путем расширения межличностного доверия до уровня политического с помощью «радиусов доверия» (термин Фукуямы). Высокий уровень доверия к органам государственной власти может повысить эффективность и результативность реализации государственных функций, поскольку способствует социальной сплоченности, отсутствию принуждения, росту благополучия. При этом основным источником формирования доверия в обществе Фукуяма считает культурные механизмы, такие как религия и традиция. «Для того чтобы государственные институты могли действовать эффективно, они должны сосуществовать с определенными культурными устоями, которые и обеспечат их надлежащее функционирование. Закон, договор, экономическая целесообразность необходимы, но недостаточны в качестве основы стабильности и благополучия постиндустриальных обществ; к ним следует добавить такие понятия, как принципы взаимности, моральные обязательства, долг перед обществом и доверие, которые основаны на традициях и обычаях» [4]. Фукуяма, как и Штомпка, считает влияние культуру решающим фактором при формировании доверия как межличностного, так и институционального.

Российский социолог Л. Гудков определяет доверие как социальное взаимодействие, ориентированное на высокую вероятность того, что действия партнеров (а ими могут быть не только отдельные индивиды, но и социальные группы или институты) будут протекать в соответствии с ожидаемым субъектом действия порядком, основанным на взаимных моральных или ценностных обязательствах, принуждении, обычаях, традициях, социальных конвенциях, идейных убеждениях, материальных интересах, общепринятых или вменяемых всем членам сообщества антропологических представлениях. Основными компонентами институционального доверия, по мнению Гудкова, выступают принятие ценностей, конституирующих определенный институт; особенности дизайна института (прозрачность, справедливость); межличностное доверие агентам, выступающим от имени института [6]. Тем самым Гудков дает широкую трактовку институционального доверия, которая заключается не только и не столько в ответах на вопрос относительно того, доверяют ли люди институтам общества, сколько в оценке возможности открыто наблюдать за функционированием института, в одобрении политики и правовой основы того или иного института и в доброжелательном отношении к их представителям.

В теории доверия американских исследователей У. Мишлера и Р. Роуза, с одной стороны, подчеркивается значимость культурного фактора в формировании доверия, а с другой – допускается возможность изменения данной установки с учетом личного опыта: «Может происходить пересмотр изначальных predispositions доверия (или недоверия) к политическим институтам в зависимости от того, насколько первичные установки подтверждаются или опровергаются последующим жизненным опытом личности, формируя способность к политически зрелым оценкам проводимой в стране политики» [7]. Кроме того, авторами представлен интегрированный концептуальный индекс институционального доверия, состоящий из следующих параметров: доверие к политическим институтам и силовым структурам (партиям, парламенту, профсоюзам, полиции, судам, президенту, армии); доверие к институтам гражданского общества (церкви, СМИ, частной собственности); доверие к другим людям [7]. Этот подход позволяет разграничить такие понятия, как политическое, социальное и обобщенное доверие.

Особое место проблема доверия занимает в институциональной теории экономики (Р. Коуз, Д. Норт, О. Уильямсон). Центральными в этой теории выступают положения об ограниченной рациональности (допускается наличие иррационального компонента во взаимоотношениях экономических агентов) и оппортунистическом поведении (недобросовестном отношении контрагентов в сделках), а также сопутствующих трансакционных издержек (издержки поиска информации, защиты прав собственности, улаживание конфликтов). Существующие механизмы, способные снизить данные виды издержек, можно разделить на формальные и неформальные. К формальным механизмам можно отнести разработку идеальных с юридической точки зрения законов, соглашений, контрактов, в которых будут предусмотрены все тонкости, не допускающие оппортунистического поведения. Неформальные механизмы связаны с формированием отношений доверия и моральных обязательств, способных, с одной стороны, сдерживать проявление оппортунистического поведения, а с другой – экономить временные, материальные и человеческие ресурсы. Подчеркивая важность институциональной среды, в которой осуществляются экономические действия, представители институциональной теории заключают, что инструменты поиска информации, навыки общения с клиентами, социальная ответственность, права собственности и вся правовая система могут объясняться, рационализироваться, поддерживаться, но не могут создаваться вне и в отсутствие культуры [8].

Важную роль общественных объединений в формировании институционального доверия подчеркивают П. Штомпка и Ф. Фукуяма. При этом Штомпка обращает внима-

ние на то, что объединение в такие ассоциации обязательно должно быть добровольным. Ф. Фукуяма описывает сетевую систему компаний кийритсу в Японии, которая представляет собой неформальную сеть разного рода фирм, группирующихся вокруг большого банка и связанных между собой не контрактом, а узами взаимных моральных обязательств. Долгосрочные отношения доверия между партнерами в рамках этой системы помогают экономить на издержках, связанных с юридическим оформлением сделок. Общественные объединения способствуют установлению согласованных прочных норм взаимоотношений и содействуют усилению доверия к действующим политическим и гражданским институтам.

Институциональное доверие предпринимателей: структурная и факторная операционализация

Анализ концептуальных подходов изучения институционального доверия позволяет интерпретировать понятие «институциональное доверие предпринимателей», а также провести его структурную и факторную операционализацию.

Институциональное доверие предпринимателей представляет собой сочетание политического, социального и обобщенного доверия и предполагает такое взаимодействие предпринимателей с государственными институтами, при котором ожидания предпринимателей, основанные на легитимном законодательстве, оправдываются в отношении всех субъектов взаимодействия, соответствуют требованиям надежности и открытости и способствуют снижению трансакционных издержек. При этом под политическим доверием предпринимателей будем понимать доверие, которое формируется по отношению к местным органам власти, с которыми взаимодействуют предприниматели в своей деятельности: судебным инстанциям, с помощью которых решаются вопросы защиты прав собственности; правоохранительным органам, которые оказывают помощь в разрешении проблемных ситуаций; контролирующим органам, осуществляющим контрольные и надзорные функции; правительству и президенту, обеспечивающим государственное регулирование предпринимательской деятельности.

Под социальным доверием предпринимателей будем понимать доверие к предпринимательским союзам, обеспечивающим поддержку предпринимательской деятельности и выступающим в качестве посредника между предпринимателями и государством. По мнению Ж. Тарасевич, председателя бизнес-союза предпринимателей и нанимателей имени профессора М.С. Кунявского, деятельность бизнес-союзов находит свое отражение в совершенствовании властных институтов, борьбе с административными барьерами и коррупцией; бизнес-сообщества предпринимателей делают шаги по снижению фискальной нагрузки на бизнес, способствуют обеспечению его доступной инфраструктурой и ресурсами, участвуют в создании инструментов эффективной поддержки бизнеса; бизнес-сообщество является одним из факторов давления на государственную власть с целью создания благоприятных условий для бизнеса и лоббирования коллективных интересов членов сообщества [9]. Наличие авторитетных предпринимательских союзов и развитая инфраструктура поддержки частной инициативы имеют не меньшее значение для развития бизнеса, чем благоприятные макроэкономические и институциональные условия. Бизнес-объединения можно рассматривать в качестве источников институционального доверия. Однако источником доверия они могут выступать только в том случае, если предприниматели доверяют деятельности бизнес-союзов, а их деятельность считают значимой для отстаивания интересов предпринимателей в отношениях с государством. Поэтому доверие к бизнес-союзам будем рассматривать в рамках исследования как вид институционального доверия предпринимателей.

Под обобщенным доверием предпринимателей будем понимать доверие контрагентам и покупателям, опосредованное культурой, существующими нормами и санк-

циями. Обобщенное доверие основано на предположении, что окружающие предпринимателя люди разделяют такие же фундаментальные ценности и принципы морали, что и сам предприниматель. Такое доверие рассматривается в связи с доверительным отношением индивидов к ранее незнакомым людям в конкретных обстоятельствах места и времени [10].

Структурную операционализацию всех видов институционального доверия можно проводить, опираясь на подход Гудкова, определившего следующие основные компоненты институционального доверия: принятие ценностей, конституирующих институт; дизайн института; межличностное доверие агентам, выступающим от имени института. Компонент «принятие ценностей, конституирующих определенный институт» в рамках политического доверия отражает согласие предпринимателей с существующими законодательно-правовыми механизмами, регулирующими предпринимательскую деятельность со стороны соответствующего субъекта взаимодействия (государственные служащие, милиция, правительство); в рамках социального доверия – согласие с социально-правовыми аспектами деятельности ассоциаций предпринимателей; в рамках обобщенного доверия – оценка культурного контекста, формирующего в обществе атмосферу доверия. Компонент «дизайн института» в рамках как политического, так и социального доверия отражает открытость деятельности институтов, прозрачность функций и справедливость принимаемых решений относительно деятельности предпринимателей. Компонент «межличностное доверие агентам, выступающим от имени института», в рамках каждого вида институционального доверия означает, что все функционеры данного института независимо от опыта взаимодействия с предпринимателями вызывают у них доверие.

Факторную операционализацию институционального доверия предпринимателей можно проводить, опираясь на подход Штомпки, выделившего познавательные, психологические и культурные стратегии его формирования. Познавательные стратегии определяются непосредственной информацией о репутации и текущем функционировании государственных институтов, связанных с предпринимательской деятельностью, которую можно получить благодаря личному опыту взаимодействия с функционерами института, из средств массовой информации (которые, однако, могут выступать ложным источником информации о функционировании государственных институтов), от экспертов в политической и экономической области, друзей и знакомых. Психологические стратегии опосредованы биологической, индивидуальной генеалогией, определяющей доверчивость или подозрительность предпринимателя в отношении субъектов предпринимательства. Культурные стратегии опосредованы культурой доверия или недоверия, сформированной в обществе, поощряющей доверять контрагентам, покупателям и другим людям, или, наоборот, провоцирующей недоверчивое отношение к другим.

Вместе с тем операциональная модель институционального доверия предпринимателей будет неполной, если не учесть влияния институционального доверия на снижение трансакционных издержек. В качестве основных трансакционных издержек предпринимательской деятельности, связанных с взаимодействием с государственными структурами, можно выделить такие издержки:

- 1) доступа к ресурсам и правам (расходы на регистрацию предприятия, регистрацию изменений в уставных документах, получение разрешений на ведение хозяйственной деятельности, лицензирование товаров и услуг, согласование с контролирующими органами);

- 2) связанные с отчетностью, уплатой налоговых платежей и взносов и прочее (затраты вследствие изменения налогового законодательства, несоответствия стандартов учета, по оплате бюрократических услуг);

3) оппортунистического поведения (расходы на обращение в хозяйственный суд и сопутствующие им затраты на оплату услуг юристов);

4) спецификации и защиты прав собственности (расходы на разрешение спорных вопросов в суде или при привлечении третьих лиц, юридические услуги, а также затраты времени на восстановление нарушенных прав) [11].

Структурная и факторная операционализация институционального доверия предпринимателей и выделенные соответствующие показатели для изучения данного феномена на эмпирическом уровне предполагают, с одной стороны, изучение доверия к государственным институтам, понимаемого как способ упорядочивания, формализации и стандартизации общественных отношений, основанных на культурных традициях и нормах, с другой – изучение межличностного доверия к представителям (функционалам) государственных институтов, основанного на личном опыте взаимодействия с ними в ходе предпринимательской деятельности.

Институциональное доверие предпринимателей в Республике Беларусь

В Республике Беларусь проводился ряд исследований, которые позволяют косвенно оценить институциональное доверие предпринимателей к государственным институтам. Группой по проведению социологической экспертизы объектов интеллектуальной собственности и экономико-правовых отношений под руководством доктора философских наук Р.А. Смирновой в Институте экономики НАН Беларуси в сентябре 2017 г. было проведено социологическое исследование «Развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь» (всего было опрошено 118 предпринимателей). Результаты опроса показали, что большинство респондентов не рассчитывают на помощь государственных организаций и местной администрации в сложных ситуациях, связанных с ведением бизнеса (таблица 1).

Таблица 1. – Распределение ответов на вопрос «На чью помощь Вы реально можете рассчитывать в случае затруднений в бизнесе?», %

Ответы	Всегда	В некоторых случаях	Никогда	Затрудняюсь ответить
Семья, родственники	29,3	30,5	1,7	8,5
Друзья	28,8	54,2	5,1	11,9
Другие фирмы, с которыми налажено взаимодействие	10,2	55,9	10,2	23,7
Финансовые организации	3,4	27,1	33,9	35,6
Бизнес-объединения, общественные организации предпринимателей	3,4	13,6	39,0	44,1
Государственные организации и предприятия	0	8,5	54,2	37,3
Местная администрация	0	13,6	57,6	28,8

Как правило, сложные ситуации в бизнесе предприниматели разрешают благодаря взаимодействию в рамках близкого социального окружения (семья, родственники, друзья). Одной из причин нежелания предпринимателей обращаться за помощью к государству является недоверие к информации, предоставляемой государственными институтами: информации, предоставляемой местными властями доверяет всего 6,8 %, а СМИ – 5,1 % респондентов (таблица 2).

Таблица 2. – Распределение ответов на вопрос «Насколько полна и достоверна информация, полученная из следующих источников?», %

Ответы	Как правило, полна и достоверна	Не всегда бывает полной и достоверной	Почти всегда неполна и недостоверна	Затрудняюсь ответить
Собственные источники информации	47,5	42,4	1,7	8,5
Информация от партнеров по бизнесу	25,4	49,2	5,1	20,3
Информация, предоставляемая местными властями	6,8	27,1	27,1	39,0
СМИ	5,1	40,7	33,9	20,3

Данные проведенного исследования могут свидетельствовать о недостаточном уровне институционального доверия предпринимателей, отражающем их негативное отношение в целом к государственным институтам. Вместе с тем остается неизученной проблема причины такого отношения, связанного с общепринятым мнением предпринимателей о деятельности государственных структур или с личным опытом взаимодействия с их представителями.

Наличие существенной разницы между институциональным доверием до и после взаимодействия с государственными институтами выявлено в рамках исследования предприятий малого и среднего бизнеса, проведенного Исследовательским центром Института приватизации и менеджмента (ИПМ) в апреле–мае 2017 г.

По данным опроса, уровень доверия к судам среди тех, кто принимал участие в судебных разбирательствах, довольно высок. Большинство из тех, кому довелось столкнуться с решением конфликтов через суд, готовы снова прибегнуть к его помощи в случае необходимости. А вот степень лояльности к судам среди тех, кто не имел опыта судебных разбирательств, куда ниже, что может быть связано со стереотипными представлениями и низкой степенью осведомленности представителей бизнеса о реальной судебной практике [12]. Вместе с тем остаются неизученными вопросы доверия предпринимателей к другим субъектам взаимодействия, таким как местные органы власти, правоохранительные органы, контролирующие органы, правительство в целом.

О низком уровне доверия предпринимателей к бизнес-ассоциациям свидетельствует не одно исследование в этой области. Опросы исследовательского центра ИПМ показывают, что на протяжении семи лет (начиная с 2010 г.) доля участников бизнес-союзов среди опрошенных предприятий значимо менялась, но в целом никогда не превышала 20,0 % опрошенных. По результатам республиканского социологического исследования вовлеченности белорусских бизнесменов в гражданские процессы, происходящие в республике, проведенного социологическим центром «Зеркало-инфо», нежелание создавать общественное объединение высказали 65 % опрошенных предпринимателей, бизнес-ассоциацию – 56 %. По мнению И.А. Андрос, это связано с тем, что белорусские общественные объединения предпринимателей пока не выполняют роли связующего звена между предпринимателями и государством, выстраивают только горизонтальные связи между предпринимателями, а не вертикальные связи между бизнесом и властью [13].

Вместе с тем приведенные исследования не дают расширенной трактовки институционального доверия белорусских предпринимателей, а лишь косвенно определяют некоторые из его составляющих.

Заклучение

Теоретические концепции институционального доверия стали основой для интерпретации, а также факторной и структурной операционализации институционального доверия предпринимателей. Так, под институциональным доверием предпринимателей понимается сочетание политического, социального и обобщенного доверия в рамках взаимодействия предпринимателей с государственными институтами, при котором ожидания предпринимателей, основанные на легитимном законодательстве, оправдываются в отношении всех субъектов взаимодействия, соответствуют требованиям надежности и открытости, способствуют снижению транзакционных издержек. Факторная операционализация отражает сочетание психологических особенностей, культурных условий и личного опыта в развитии институционального доверия предпринимателей. Структурная операционализация отражает разносторонность оценки доверия, связанной с принятием существующих законодательно-правовых механизмов, регулирующих предпринимательскую деятельность, с открытостью деятельности институтов и справедливостью принимаемых решений относительно деятельности предпринимателей, с возможностью обратиться к представителям государственных институтов в решении вопросов бизнеса.

Некоторые исследования, проведенные в Республике Беларусь, позволили констатировать, что большинство предпринимателей не рассчитывает на помощь государственных организаций и местной администрации и не доверяет предоставляемой ими информации. Недоверие к государственным институтам может быть основано на стереотипах и связано с отсутствием опыта взаимодействия с ними. Настроение белорусских предпринимателей характеризуется нежеланием создавать общественные объединения и вступать в бизнес-ассоциации. Такие отношения власти и предпринимательского сообщества не способствуют оптимальному регулируемому воздействию государства на развитие предпринимательства в целом, не позволяют реализовать те потенциальные возможности и ресурсы деловой активности, которыми обладают наиболее энергичные деловые люди нашей страны.

Дальнейшие исследования в данном направлении позволят раскрыть разнообразные стратегии развития доверия между предпринимателями и государством, выявить влияние различных форм институционального доверия на снижение транзакционных издержек предпринимательской деятельности, а также наметить пути сближения бизнеса и государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киселев, В. О. Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга [Электронный ресурс] / В. О. Киселев // Мониторинг общественного мнения. – Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2014/124/2014_124_5. – Дата доступа: 04.04.2018.
2. Вахтина, М. А. Доверие к государству как фактор повышения его эффективности / М. А. Вахтина // *Journal of Institutional Studies* (Журн. институцион. исслед.). – 2011. – Т. 3, № 3. – С. 57–65.
3. Мартыянов, В. С. Институциональное доверие как экономический ресурс: стимулы и препятствия эффективности / В. С. Мартыянов // *Journal of Institutional Studies* (Журн. институцион. исслед.). – 2018. – Т. 10, № 1. – С. 41–58.
4. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2004. – 730 с.
5. Штомпка, П. Доверие – основа общества : пер. с пол. / П. Штомпка. – М. : Логос, 2012. – 440 с.

6. Гудков, Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура / Л. Гудков // Вестн. обществ. мнения. – 2012. – № 2 (212). – С. 8–47.
7. Лукин, В. Н. Политическое доверие в современном гражданском обществе: культурологические и институциональные модели [Электронный ресурс] / В. Н. Лукин // CREDO NEW. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/500/30>. – Дата доступа: 25.03.2018.
8. Экономика и социология доверия / Ю. В. Веселов [и др.] ; под ред. Ю. В. Веселова. – СПб. : Социол. о-во им. М. М. Ковалевского, 2004. – 192 с.
9. Тарасевич, Ж. Какие объединения бизнеса нужны в Беларуси? [Электронный ресурс] / Ж. Тарасевич // Совет по развитию предпринимательства. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/500/30>. – Дата доступа: 19.04.2018.
10. Рукавишников, В. О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения / В. О. Рукавишников // Социол. исслед. – 2008. – № 2. – С. 17–25.
11. Осмоловец, С. Трансакционные издержки в белорусской экономике: какие и сколько [Электронный ресурс] / С. Осмоловец // Экон. газ. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/transakcionnye-izderzhki-v-belorusskoj-ekonomike-kakie-i-skolko-4483>. – Дата доступа: 20.04.2018.
12. Урбан, Д. Особенности влияния правовой и судебной системы на ведение бизнеса в Беларуси [Электронный ресурс] / Д. Урбан // Исслед. центр ИПМ. – Режим доступа: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/pdp2017r04.pdf>. – Дата доступа: 27.04.2018.
13. Андрос, И. А. Белорусский предприниматель в обществе и государстве: историко-социологический анализ / И. А. Андрос. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 365 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.05.2018

Rezanova E.V. The Trust of Entrepreneurs to the State: Sociological Aspect

The article substantiates the position of high importance of trust in the successful interaction of entrepreneurs and the state, in the optimal combination of private and public interests in the implementation of business. The author analyzes the conceptual approaches to the phenomenon of institutional trust; reveals the essence and structure of the institutional trust of entrepreneurs; conducts sociological analysis of the phenomenon of trust of entrepreneurs to the state, by considering it in the context of social relations and social interaction; attempts to determine empirical indicators to assess the institutional trust of entrepreneurs in the Republic of Belarus. The analysis of secondary data allowed to estimate indirectly the degree of trust of businessmen to state institutions and to define the reference points for the subsequent studying of this phenomenon.

УДК 316.334.23 (476)

Т.В. Кузьменко

канд. социол. наук, ведущий науч. сотрудник
Института экономики Национальной академии наук Беларуси
e-mail: socio@tut.by

МОТИВАЦИЯ РОСТА МАЛОГО БИЗНЕСА И ФАКТОРЫ, ЕЕ ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ

Анализируются факторы развития малого бизнеса, находящиеся как в институциональной среде, так и в сфере мотивации предпринимательской деятельности. На материалах эмпирических исследований рассмотрена проблема роста мелких компаний, обусловленная, с одной стороны, спецификой малого бизнеса, а с другой – отсутствием реальных стимулов и инструментов для перехода в разряд средних и крупных. В качестве предпосылок роста рассматривается создание равных конкурентных условий для предприятий всех типов и форм собственности, обеспечение доступа мелких компаний к государственным заказам на основе механизмов кооперации, субконтрактации и аутсорсинга, равномерность государственной поддержки и стимулирования на всех стадиях развития бизнеса, создание эффективной и доступной системы делового образования и информационного обеспечения.

В современной мировой экономике практически нет сфер, которые могли бы обойтись без продукции и услуг малого бизнеса. Основной тренд государственного управления большинства ведущих стран мира связан с активной политикой стимулирования и поддержки сектора малого и среднего предпринимательства, который составляет 70–90 % от общего числа предприятий [1]. Его особая роль определяется гибкостью и адаптивностью к меняющимся рыночным условиям, формированием конкурентной среды. В силу экономии на масштабах, за счет большей мобильности, меньших издержек и накладных расходов, отсутствия лишнего бюрократического аппарата малые предприятия зачастую оказываются более конкурентоспособными по сравнению с крупным бизнесом. Возможность проводить гибкую ценовую политику, оперативно менять ассортимент товаров или местоположение можно отнести к преимуществам мелких фирм, благодаря которым они легче осваивают незаполненные или недоступные крупным производителям ниши, быстрее откликаются на изменение рыночной конъюнктуры и запросы потребителей. Если крупные предприятия ориентированы на производство и реализацию стандартизированной массовой продукции, то мелкие фирмы в основном имеют узкую специализацию и способны быстро переключаться на наиболее востребованные, дефицитные или штучные товары и услуги. В то же время, в случае банкротства отдельных мелких компаний, риски в масштабах государства и общества не так значительны, поскольку освободившиеся ниши быстро заполняются другими.

С развитием частного сектора связывают возможности уменьшения безработицы в условиях снижения занятости на государственных предприятиях. В сфере малого бизнеса ежегодно создается около двух третьих рабочих мест. Организация собственного дела служит способом выживания и преодоления материальных проблем в трудные времена миллионам людей, тем самым ослабляя социальную напряженность в обществе. Особую значимость эта функция предпринимательства приобретает в странах с низкими показателями социально-экономического развития и в кризисные периоды. В условиях экономического спада крупные компании сталкиваются с необходимостью поиска новых хозяйственных возможностей, технологического и структурного обновления и снижения издержек, в том числе за счет сокращения сотрудников и ухудшения условий трудового найма. Оказавшись перед угрозой увольнения и снижения доходов, многие работники подталкиваются к занятию предпринимательством, в результате чего растет количество новых фирм. Угроза безработицы и перенасыщенность определен-

ных сегментов рынка труда стали причинами новой волны предпринимательства в Америке в 70–80-х годах XX в.: около четверти основателей малых фирм были безработными [2, с. 119–120].

Малый и средний бизнес рассматривается как фактор достижения и сохранения социального здоровья, повышения уровня благосостояния населения и расширения среднего класса, укрепления демократических институтов общества и развития социального партнерства. Созданное собственными руками дело, работа на себя и необходимость самостоятельно отвечать за свою жизнь и судьбу близких в корне меняет отношение предпринимателя к труду и бизнесу, порождает атмосферу творчества, заинтересованности и активности. Но главная роль малого предпринимательства в том, что он служит фундаментом, основой для развития среднего и крупного бизнеса. История многих всемирно известных гигантов современной экономики, среди которых Apple, Google, Microsoft, Макдональдс, Adidas, берет начало в малом бизнесе. Но для того, чтобы мелкие компании росли и переходили в категорию средних и крупных, должны быть созданы необходимые предпосылки.

За последнее десятилетие в Республике Беларусь реализован целый ряд мер по раскрепощению деловой инициативы и оптимизации механизмов государственного регулирования предпринимательства. Правовые и организационные основы развития бизнеса закреплены в нормативных актах. Среди них Указ Президента Республики Беларусь от 21 мая 2009 г. № 255 «О некоторых мерах государственной поддержки малого предпринимательства», новая редакция Закона «О поддержке малого и среднего предпринимательства» (2010 г.), Декрет Президента Республики Беларусь от 7 мая 2012 г. № 6 «О стимулировании предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности», Государственная программа «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2016–2020 гг. и др. Особые преференции *индивидуальных предпринимателей и юридических лиц*, занимающихся розничной торговлей, общественным питанием и оказанием бытовых услуг *на селе и в малых населенных пунктах* установлены Указом Президента Республики Беларусь № 345 от 22 сентября 2017 г. «О развитии торговли, общественного питания и бытового обслуживания». В 2017 г. был принят пакет нормативных правовых актов, направленных на улучшение бизнес-климата, стимулирование предпринимательской инициативы и деловой активности граждан, среди которых *ключевым является Декрет № 7 «О развитии предпринимательства»*, предусматривающий упразднение административных барьеров и снижение издержек предпринимателей, возникающих в связи с предоставлением отчетности, получением справок и согласований, прохождением контрольных процедур.

Одним из откликов на меры по улучшению делового климата явился рост интереса населения к предпринимательской деятельности. Так, если в 2016 г., по данным Института социологии НАН Беларуси, 23,3 % жителей республики хотели бы заниматься бизнесом, а 55,5 % не хотели бы [3], то в 2017 г., по результатам республиканского опроса населения Института экономики НАН Беларуси, уже 30,8 % выразили желание создать свое дело, 48,9 % не проявили заинтересованности. (Исследование осуществлялось группой по проведению социологической экспертизы, опрошено 1 219 человек, выборка репрезентативна по полу, возрасту, типу населенного пункта). И хотя далеко не все, кто проявляет интерес к предпринимательству, осуществляет конкретные шаги к открытию собственного дела и, тем более, доходит до стадии создания бизнеса, указанная тенденция является отражением роста предпринимательской активности населения.

Данные статистики также фиксируют повышение предпринимательской активности. С 2010 по 2017 г. число предприятий в секторе малого и среднего предприни-

мательства выросло на четверть [4; 5]. В то же время внутрискрутурная динамика характеризуется значительным снижением количества средних предприятий (на 15,9 %) при одновременном увеличении числа малых и микроорганизаций (на 19,9 %) [4; 5]. Получается, что при создании благоприятных институциональных условий, направленных на раскрепощение деловой инициативы, у малого бизнеса нет реальных стимулов для роста. Так, опрос представителей малого бизнеса, проведенный в 2017 г. группой по проведению социологической экспертизы Института экономики НАН Беларуси (опрошено 118 индивидуальных предпринимателей и владельцев малых предприятий по республиканской выборке), показал, что расширение бизнеса планируют только 37,3 % предпринимателей, более половины (54,2 %) ориентированы на сохранение status quo, а 8,5 % собираются уйти из бизнеса. Одним из наиболее деструктивных факторов в развитии малых предприятий является отсутствие уверенности их руководителей в завтрашнем дне. Для большинства респондентов (76,3 %) горизонт планирования деятельности компании не превышает двух лет (из них 39 % указали несколько месяцев, а 37,3 % – 1–2 года), 13,6 % могут прогнозировать развитие собственного бизнеса в перспективе 3–5 лет и только 8,5 % – более 10 лет. Созвучные результаты получены и в ходе опроса 2018 г., проведенного Исследовательским центром ИПМ: на расширение бизнеса нацелены 40,2 % представителей малого и среднего предпринимательства, для большинства (57,4 %) приоритетной задачей выступает сохранение достигнутого уровня, еще для 2,5 % – сокращение деятельности [6]. Чтобы выявить возможные существующие барьеры для роста малого бизнеса, необходимо рассмотреть его специфику, а также условия и факторы развития, находящиеся как в институциональной среде, так и в сфере мотивации предпринимательской деятельности.

Одной из существенных особенностей малого бизнеса во всем мире является низкая степень выживаемости. По данным агентства Блумберг, 80 % новых предпринимателей в США закрывают свой бизнес в течение 18 месяцев [7]. В России, согласно результатам Глобального мониторинга предпринимательства (GEM), доля предпринимателей, сумевших просуществовать на рынке более 3,5 лет, составляет лишь 3,4 % [8]. Высокая смертность мелких фирм обусловлена в первую очередь их ограниченными денежными возможностями и отсутствием достаточных резервов для преодоления трудностей. Незначительный стартовый капитал и дефицит инвестиционных средств обуславливают невысокие показатели скорости ввода предприятия в действие, уровня и качества предпринимательской активности и вероятности выживания в целом. В кризисных ситуациях мелкие компании более уязвимы по сравнению с крупными, которые могут себе позволить сбавить обороты и «пересидеть» кризис. Малый бизнес не имеет массового производства и проигрывает крупному в производительности труда и эффективности. Многие мелкие предприятия имеют относительно короткий жизненный цикл, обусловленный природой этого бизнеса.

Среди наиболее распространенных причин банкротства малых предприятий – проблемы сбыта. Часто начинающие предприниматели приходят в сферы с жесткой конкуренцией и низкими барьерами входа, в сегменты малого бизнеса, которые находятся в зоне риска. Например, в сферу торговли с постоянно меняющейся конъюнктурой рынка и нарастающими тенденциями монопольного характера, образования ритейловых сетей и сетевых торговых комплексов. Кроме того, рынки сбыта сужаются из-за низкого платежеспособного спроса: люди меньше пользуются товарами и услугами не первой необходимости.

К значимым внешним барьерам для развития относятся неравноправные конкурентные условия для малого бизнеса. По результатам опроса 2018 г., проведенного Исследовательским центром ИПМ, более трети представителей сектора малого и среднего предпринимательства (36,9 %) указали неравные условия деятельности по сравнению

с государственными предприятиями в качестве наиболее проблемных вопросов, наряду с высокими ставками налогов (54,8 %), изменчивостью законодательства (50,9 %), высокими процентными ставками (45,2 %), обременительными административными процедурами (43,3 %) [6]. Существенными препятствиями для роста малого бизнеса выступают различия в подходах к частным и государственным организациям в вопросах лицензирования и аттестации, предоставление льгот и более привлекательных условий иностранным компаниям (например, лучших участков под строительство торговых объектов), высокая стоимость аренды имущества, находящегося в республиканской и коммунальной собственности.

Ограничителем роста малого бизнеса выступает низкая степень вовлеченности и сложный доступ мелких компаний к государственным заказам. Во многом это обусловлено их недостаточными возможностями по обеспечению потребностей крупного производства. Существуют и психологические барьеры, связанные с недоверием к малым формам бизнеса со стороны крупных корпоративных структур. Чтобы не подвергать себя риску ведения дел со сторонними организациями, крупные предприятия предпочитают организовывать собственные мелкие подразделения или взаимодействовать между собой. *Кроме того, растущие частные компании часто воспринимаются* не как партнеры, а как прямые конкуренты предприятий с государственной и коммунальной формой собственности, для которых развитие аутсорсинга и субконтрактных отношений может привести к снижению объемных показателей и количества занятых. Обладая административными рычагами, государственные компании и уполномоченные местные и ведомственные органы управления склонны отдавать заказы госпредприятиям и загружать их мощности, вытесняя растущий малый бизнес за пределы рыночного пространства.

Вместе с тем опыт развитых стран показывает, что эффективное развитие как крупных предприятий, так и сферы малого и среднего предпринимательства базируется на специализации, кооперации и использовании механизмов субподряда и субконтракта. На этих принципах основана набирающая в мире популярность «японской модели» взаимодействия между малым и крупным бизнесом, когда крупные предприятия предоставляют работу сети из мелких субподрядчиков, занимающихся производством и поставкой комплектующих, оказанием ремонтных услуг, рекламой, маркетингом и т.д. В развитых промышленных странах доля фирм-субконтракторов в стоимости готовых изделий в машиностроении, производстве оборудования, электронной техники и других видов продукции достигает 50–70 %. Например, General Electrics работает с 8 десятками тысяч мелких предприятий [9]. Включение в производственно-технологические цепочки субконтрактных и аутсорсинговых групп на основе правила: «не производить то, что выгоднее покупать у внешних производителей», позволяет крупным компаниям получать более дешевые комплектующие, задействовав потенциал сотен мелких компаний, и сконцентрироваться на основных производственных функциях и процессах модернизации. В свою очередь, малые предприятия благодаря кооперации получают дополнительные возможности для роста, внедрения новых производственных технологий, создания новых рабочих мест, привлечения материальных и финансовых ресурсов.

Неразвитость кооперации и системы аутсорсинга создает ситуацию, когда малое предприятие совмещает несколько видов деятельности, включая бухгалтерию, производство, переработку, логистику, продажи, а мелкие предприниматели выполняют одновременно функции собственника, менеджера и исполнителя. Для успешной деятельности им необходимо обладать компетенциями в предметной сфере, уметь технически организовать производственный процесс, иметь четкое представление о том, как управлять этим процессом, владеть базовыми познаниями в области экономики, менедж-

мента, маркетинга, быть в состоянии сопоставить затраты и результаты, оценить инвестиционный проект, применять современные подходы к внутрифирменному планированию. По мере роста компании, *имеющихся знаний для успешного развития нового предприятия становится недостаточно*, возрастает необходимость в современном экономическом образовании. Однако *система доступного актуального бизнес-образования и бизнес-консультирования, способная обеспечить малого предпринимателя необходимым арсеналом инструментов и рекомендаций для роста компании, на сегодняшний день не получила достаточного развития*. Не распространен институт менторства и финансовых тренеров, не хватает консалтинговых фирм, а услуги имеющихся, как правило, дорогостоящи, отсутствует открытая информация о состоянии рынков. Малый бизнес, испытывающий постоянный дефицит средств на развитие и озабоченный в основном проблемами выживания, не владеет полным инструментарием управления, часто не видит, куда идти дальше и в каком направлении развиваться. В случае усиления конкуренции выживаемость компании, пытающейся аккумулировать в себе все функции при недостаточном уровне навыков и компетенций, невелика.

В этом отношении открытие и регистрация фирмы представляются менее сложной задачей для ее владельцев по сравнению с развитием бизнеса. В 2017 г. в мировом рейтинге ведения бизнеса Беларусь заняла 31-е место по показателю «создание компании», в то время как позиции, связанные с ее функционированием в институциональной среде, остались на сравнительно низких рейтинговых позициях: 99 место – налогообложение, 101 – получение кредита, 69 – разрешение неплатежеспособности [10]. Организационные процедуры для начала собственного дела в достаточной степени оптимизированы: зарегистрировать фирму можно в течение дня, упрощен алгоритм постановки на учет *в налоговом органе и Фонде социальной защиты*, увеличены сроки для получения книги учета проверок и т.п. Однако дальнейшая деятельность предпринимательской структуры сопряжена с целым рядом трудностей. После вовлечения в коммерческую деятельность работа с представителями малого бизнеса носит формальный характер. Власти контактируют с ними, независимо от степени подготовленности и предпринимательской квалификации, в основном при обнаружении нарушений. Вместе с тем ключевую роль в развитии и повышении качества бизнес-среды играет регулирование процессов предпринимательской адаптации.

Ограниченный потенциал роста малого бизнеса во многом определяется мотивационной средой предпринимательства и отсутствием реальных стимулов для перехода в более тяжелую «весовую категорию». Основной вектор государственной поддержки предпринимательства направлен либо на крупные компании, либо на очень мелкие предпринимательские структуры. Так, для субъектов малого бизнеса существует упрощенная система налогообложения, налоги и отчисления в Фонд социальной защиты населения для индивидуальных предпринимателей и малых предприятий гораздо меньше. Бизнес-инициативы начинающих мелких предпринимателей, в том числе безработных, поддерживаются службой занятости путем оказания консультативной, методической помощи в организации своего дела, а также предоставления субсидий. Государственная финансовая поддержка со стороны Фонда финансовой поддержки предпринимателей в форме займов, лизинга и гарантий по льготным кредитам оказывается индивидуальным предпринимателям, микроорганизациям и малым предприятиям численностью до 100 человек. При этом возможность предоставления и объем финансовой помощи малому бизнесу в значительной степени зависят от предельных значений объема выручки. Таким образом, изменение статуса и масштаба предприятия для мелких предпринимателей влечет за собой потерю финансовой поддержки и существующих льгот, возрастание налоговой нагрузки и требований со стороны контролирующих органов, усложнение процессов администрирования и множество других проблем. В результате

у владельцев мелких фирм отсутствует мотивация к росту, а потенциал малого и среднего бизнеса не используется в полной мере. Вместо того, чтобы двигаться вперед и конкурировать, даже сравнительно успешные компании довольствуются достигнутым и практически останавливаются в своем развитии. Еще одним проявлением стратегии выживания и сдерживания роста малого бизнеса является дробление частных предприятий на множество мелких с целью сохранения льготных условий для ведения хозяйственной деятельности.

Заключение

Таким образом, переход субъектов малого предпринимательства на более высокий уровень требует формирования предпосылок не только для увеличения количества мелких предприятий, но и для их эффективной производственной деятельности и развития. Это предполагает, с одной стороны, создание внешних стимулов для компаний, а с другой – повышение внутренних возможностей для продвижения. Основным источником превращения малого бизнеса в фактор экономического роста – в гармонизации интересов бизнеса и государства, совершенствовании институциональной среды, способствующей созданию равных конкурентных условий для предприятий всех типов и форм собственности, обеспечении доступа мелких компаний к государственным заказам на основе механизмов субконтрактации и аутсорсинга. Существенным фактором раскрытия потенциала малого предпринимательства является создание инфраструктуры, объединяющей информационно-консультативные центры, обеспечивающие необходимой информацией по вопросам налогообложения, страхования, ведения бухгалтерии, получения финансирования, экспорта и выхода на внешние рынки и др., а также исследовательские агентства, предоставляющие актуальные данные о состоянии рынка. Кроме того, возможности для качественного роста компаний определяются развитием эффективной системы делового образования, обеспечивающей доступные инструменты обучения и повышения квалификации предпринимателей. Обучение основам предпринимательства предполагает особые технологии, включающие менторские услуги, разработку специализированных тренингов, доступных для малого бизнеса. При этом речь не идет о сплошном охвате населения бесплатными обучающими программами, однако если хотя бы часть начинающих предпринимателей будет вооружена необходимыми знаниями, это повысит возможности выживания и роста малого бизнеса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов, В. В. Международные программы поддержки малого и среднего бизнеса / В. В. Иванов, Ю. С. Штурбабина // Рос. внешнеэкон. вестн. – 2014. – № 10. – С. 21–31.
2. Радаев, В. В. Экономическая социология. Курс лекций : учеб. пособие / В. В. Радаев. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 368 с.
3. Сечко, Н. Н. Ориентация молодежи Беларуси на занятие предпринимательской деятельностью / Н. Н. Сечко // Науч. тр. Белорус. гос. экон. ун-та. – 2017. – Вып. 10. – С. 641–647.
4. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком., 2017. – 197 с.
5. Основные показатели деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Беларусь за январь–сентябрь 2017 г. : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком., 2017. – 65 с.
6. Состояние малого и среднего частного бизнеса в Беларуси в 2018 г. Результаты опроса. Аналитический обзор [Электронный ресурс] // Исслед. центр ИПМ. – Режим

доступа: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/sr2018r02.pdf>. – Дата доступа: 05.05.2018.

7. Wagner, E. T. Five Reasons 8 Out Of 10 Businesses Fail [Electronic resource] / E. T. Wagner // Forbes. – Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/ericwagner/2013/09/12/five-reasons-8-out-of-10-businesses-fail/#334d6cfd6978>. – Date of access: 20.04.2018.

8. Global Entrepreneurship Monitor [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.gemconsortium.org/report/>. – Date of access: 05.03.2018.

9. Быкова, Т. П. Субконтрактацыя як фактар стратэгіі эканомічнага развіцця Рэспублікі Беларусь / Т. П. Быкова // Беларус. экон. журн. – 2008. – № 2. – С. 12–17.

10. Беларусь в рейтинге «Ведение бизнеса» : Четырнадцатый доклад Всемирного банка «Ведение бизнеса 2017: Равные возможности для всех» [Электронный ресурс] // М-во экономики Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/ru/-doing_business-ru/. – Дата доступа: 18.04.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.05.2018

Kuzmenko T.V. Motivation for Small Business Growth and the Factors That Determine It

The factors of small business development, both in the institutional environment and in the sphere of business motivation are analyzed in the article. On the materials of empirical studies, the problem of the growth of small companies, due, on the one hand, to the specifics of small business, and on the other hand, to the lack of real incentives and tools for moving into a heavier «weight category» is considered. The creation of equal competitive conditions for enterprises of all types and forms of ownership, the ensuring access of small companies to state orders on the basis of cooperative, subcontracting and outsourcing mechanisms, the uniformity of state support and stimulation at all stages of business development, and the creation of an efficient and affordable system of business education and information support are considered as the preconditions for growth.

УДК 316.354

И.Н. Харитонов

науч. сотрудник Института социологии
Национальной академии наук Беларуси
e-mail: igor-igor@tut.by

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОГО ПАРТНЕРСТВА В БЕЛАРУСИ

Дается определение государственно-гражданского партнерства. Анализируется ряд теоретических аспектов функционирования гражданского общества. Подчеркивается, что оно является сообществом неполитических субъектов – носителей частных целей и интересов. Отмечается, что постепенное развитие государственно-гражданского партнерства в Беларуси имеет три тенденции: сокращение и оптимизация государственного аппарата, создание правовых и экономических условий деятельности гражданского общества, качественное и количественное развитие состава гражданского общества. Для оптимального партнерства и реализации его социального потенциала важно избежать «политизации» или «огосударствления» гражданского общества. Необходимо продолжать создание правовых, экономических условий для самостоятельной деятельности организаций гражданского общества. Необходимо облегчать доступ к общественным и бюджетным средствам, повышать финансовую устойчивость некоммерческих и негосударственных организаций за счет национальных ресурсов.

Актуальность государственно-гражданского партнерства связана с тем, что позволяет решать наилучшим образом возникающие новые вызовы и социальные проблемы, учитывать настроения и мнения граждан, оказывать помощь государству в регулировании повседневной жизни. Значение такого партнерства также актуализируется в связи с выбранной государством стратегией по оптимизации и сокращению государственного аппарата, по развитию местных органов власти и самоуправления.

Государственно-частное партнерство можно определить как важный вид взаимодействия в демократическом обществе, при котором государство и гражданское общество создают и реализуют условия для осуществления совместной или «делегированной» деятельности по решению насущных социальных (и не только) проблем и задач, для проявления гражданским обществом инициативы и воплощения его интересов, а также осуществляют такую деятельность. В таком партнерстве оптимально, равноправно и взаимовыгодно реализуется потенциал гражданского общества.

Следует дифференцировать понятия государственно-частного и государственно-гражданского партнерства. Эти два вида партнерства рассматриваются отдельно с целью несмешения экономических и иных целей и задач, так как деятельность организаций гражданского общества направлена прежде всего на решение социальных и культурных проблем. Допускается ограниченная коммерческая деятельность, направленная на получение дохода с целью минимизации издержек и обеспечения финансовой устойчивости некоммерческой организации, но она не является первичной. Некоммерческий характер государственно-гражданского партнерства крайне важен, так как способствует повышению качества жизни в обществе, решению большего количества социальных и культурных проблем.

При определении субъектов государственно-гражданского партнерства в отношении его гражданской стороны используют такие понятия, как «гражданское общество», «третий сектор», неправительственные (НПО), негосударственные (НГО) и некоммерческие (НКО) организации.

Под гражданским обществом в широком смысле, в его негосударственном модуле, понимается противопоставляемая государству неполитическая общность граждан. Одно из определений в данном контексте описывает его как «сообщество частных (не-

политических) лиц – носителей частных целей и интересов» [1, с. 94]. В государственном же модусе [1, с. 95] гражданское общество может отождествляться с государством, а его организации иногда могут рассматриваться как фактически часть государства, как государственные институты. В крайней степени такое слияние было характерным для тоталитарных систем. С современных, более демократических позиций стоит рассматривать гражданское общество как обособляемое от государства и его институтов, которое может в своей деятельности ориентироваться на свои легальные частные интересы. В более узком современном институциональном ключе гражданское общество понимается как множество определенных организаций, т.е. как «третий сектор», состоящий из НКО и НГО.

Хотя гражданское общество есть действительно «сообщество частных (неполитических) лиц, носителей частных целей и интересов», следует отметить, что они могут выражать свои частные интересы и в политической форме. Говоря о государственно-гражданском партнерстве необходимо иметь в виду возможность *политической и неполитической* формы такого взаимодействия. Несомненно, граждане и их объединения имеют право и могут реализовывать свои интересы с помощью политических методов. Вместе с тем политическая форма государственно-гражданского партнерства осложняется элементами *политической борьбы* как важного компонента политического процесса, который нередко не позволяет достигать конструктивного диалога государства и гражданского общества, а также, с другой стороны, может приводить к слиянию организаций гражданского общества и государства на политической арене.

Следует признать, что данный аспект (политическая роль организаций гражданского общества) достаточно сложен для государственно-гражданского партнерства в Беларуси. Оптимальным для такого партнерства было бы развитие широкого взаимодействия в рамках *неполитической формы*, которая позволяет избегать трудностей, связанных с *политической борьбой* или, наоборот, с излишней *политической консолидацией*, «огосударствлением» (когда организации гражданского общества фактически становятся «агентом» государства, его исполнительным органом). Для этого государству требуется создавать как можно больше независимых правовых и экономических механизмов, программ и условий, в рамках которых государственно-гражданское партнерство может развиваться, финансироваться и реализовывать свой потенциал.

Степень партнерства характеризует вклад каждой из сторон, их ролевую взаимосвязь и даже иерархию. «Субсидиарное», «делегированное» взаимодействие предполагает, например, передачу от государства к гражданскому обществу подряда, полномочия и задачи на решение того или иного круга проблем. «Комплиментарная» форма подчеркивает взаимодополняемость действий, когда стороны прописывают свой вклад в совместную деятельность. «Административное» взаимодействие указывает на подчиненное положение одной из сторон, когда государство в лице своих структур осуществляет только непосредственное руководство. «Материально-ресурсное» партнерство ограничивается передачей в оперативное пользование либо собственность финансовых и иных материальных ресурсов. «Трудовое» партнерство заключается в физической помощи со стороны граждан и гражданских организаций. Отдельно стоит говорить о консультативном взаимодействии, выражающемся в участии сторон в обсуждении, дискуссии, предоставлении экспертной оценки. В Беларуси достаточно примеров реализации различных видов государственно-гражданского партнерства.

Если затрагивать практический аспект, то можно констатировать, что за последние 5–10 лет развитие государственно-гражданского партнерства в современном белорусском обществе имеет несколько тенденций.

Первая тенденция заключается в уменьшении и оптимизации бюрократического аппарата на республиканском и региональном уровнях. С 2013 г. значительно был со-

кращен штат государственных управленцев. Согласно Указу Президента Республики Беларусь № 168 от 12 апреля 2013 г., была поставлена задача оптимизировать численность работников (включая государственных служащих), государственных органов, иных государственных организаций. А.Г. Лукашенко в связи со своим решением сообщил: «Мною 12 апреля был подписан указ, который предусматривает сокращение количества госслужащих на 25 %, или 13 тыс. 617 единиц. При этом центральные органы сократим на 25 %, облисполкомы – примерно на 29 %, райисполкомы – на 17 %» [2, с. 38].

Данные Национального статистического комитета за период с 2012 по 2017 г. показывают сокращение численности государственных служащих на 16,7 %: с 58 148 в 2012 г. [2] до 48 463 в 2015 г. [3, с. 112], причем по некоторым сферам сокращение было существенным. Также данные Белстата говорят о некотором снижении общей численности занятых в сфере государственного управления: с 205,6 тыс. человек в 2012 г. до 185,1 тыс. человек в 2015 г. [3, с. 45], т.е. на 10 %. Более того, Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. предусмотрено сокращение излишних и дублирующих функций органов государственного управления, контролирующих (надзорных) и правоохранительных органов, расширение полномочий и сфер ответственности органов местного управления и самоуправления.

Важен такой показатель, как число госслужащих на 1 000 занятых человек. Он, по словам Президента Беларуси, остается одним из самых низких в Европе. По данным на 2015 г., 1,1 % экономически занятого населения составляют государственные служащие (приведенная цифра не включает данных о работниках ряда силовых министерств и ведомств) [3, с. 112]. По всей же номенклатуре работников, относящейся согласно классификатору видов экономической деятельности к государственному управлению, их доля составляет 4,2 % [3, с. 45]. Для сравнения: в Российской Федерации в 2014 г. на 10 тыс. человек населения приходилось 108 государственных служащих; в других странах по данным 2010–2011 гг. этот показатель составил: в Индии – 29, в Казахстане – 51, в Китае – 72, в США, Германии и Испании – 100–110 [4, с. 10]. Таким образом, даже если взять неоптимизированную численность государственных служащих в Беларуси (48 463 человек в 2015 г.), то при 9,5 млн человек населения это составляет приблизительно 50 чел. на 10 000 населения.

Оптимизация государственного аппарата, сокращение его численности допускает и предполагает возрастание роли гражданского общества в частичном замещении государственных органов в областях их компетенции.

Вторая тенденция связана с созданием правовых, экономических условий для деятельности гражданского сектора, реализации инициатив граждан, их объединений и организаций с приведением данной области законодательства к мировым стандартам. Согласно основным положениям Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., ставится задача на повышение качества жизни населения на основе роста конкурентоспособности экономики, привлечения инвестиций и *инновационного развития*. Признается необходимость развития молодежи как главного потенциала государства и будущего страны, развития информационного общества, малого и среднего бизнеса, раскрепощения деловой инициативы, развития новых образовательных инициатив и технологий, создания креативной, инкубационной среды. Несмотря на то что государство видит основную свою задачу в развитии субъектов хозяйствования и готово к упрощению административных мер, передаче неиспользуемой недвижимости, ограничению контролирующей функции и др., эти меры целесообразно направлять на более широкий круг организаций гражданского общества, поскольку они вносят необходимый вклад в повышение качества жизни и благоприятный экономический климат.

Тот факт, что многие негосударственные и некоммерческие организации Беларуси зависят от зарубежных фондов и грантов, создает определенные коллизии в государственно-частном партнерстве, влияет на цели, задачи и актуальность деятельности организаций гражданского общества. В этом случае важно облегчение доступа для этих организаций и к внутренним (бюджетным) ресурсам и финансам. Особенно показательным в этом плане принятие новой редакции Закона Республики Беларусь «О социальном обслуживании», вступившей в силу 1 января 2013 г., где предусматривается социальный заказ – важный правовой инструмент государственно-гражданского партнерства в области социальной защиты населения, исполнителем которого могут выступать и некоммерческие организации.

В. Жураковский и Н. Манцулова указывают, что в Беларуси государственный социальный заказ реализуется в сфере социального обслуживания, где он является «механизмом привлечения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к оказанию социальных услуг и реализации социальных проектов», а также в сфере здравоохранения при проведении профилактических мероприятий по предупреждению распространения социально опасных заболеваний, ВИЧ [5, с. 7].

В 2017 г. Министерством труда и соцзащиты Беларуси заключено 67 договоров на оказание социальных услуг негосударственными некоммерческими организациями в рамках государственного социального заказа. Также продолжена реализация пяти договоров, заключенных в 2016 г. Общая сумма субсидий по 72 договорам на заработную плату и начисления на заработную плату составила 415,4 тыс. руб. [6].

Существуют и иные механизмы финансирования организаций гражданского общества, позволяющие им не зависеть от грантодателей и отдельных спонсоров, диверсифицировать свои финансовые источники, одним из которых является, например, возможность для налогоплательщиков адресовать часть уплачиваемого им налога для финансирования выбранной общественной организации. Такая опция применяется в странах Евросоюза. Также обсуждается возможность создания специального Евразийского фонда поддержки гражданского общества, который бы позволил снизить зависимость этих организаций от зарубежных фондов. Вместе с тем сами представители гражданского общества подчеркивают, что доступ некоммерческих организаций к внутреннему и внешнему финансированию законодательно органичен. Согласно особому Индексу устойчивости организаций гражданского общества (CSOSI), по которому осуществляется оценка его уровня развития в 60 странах мира, по такому показателю, как финансовая устойчивость, Беларусь имеет крайне невысокий показатель – 6,3 балла (2016 г.) по шкале от 1 до 7, где 1 – наивысший балл, 7 – наименьший [7]. По предварительным данным в 2017 г. ситуация была такой же. По сравнению с 2013–2015 гг. (6,4 балла) зафиксировано улучшение на –0,1.

Третья тенденция связана с качественным и количественным развитием гражданского общества в Беларуси, которое консолидирует определенный человеческий потенциал. Существует необходимость успешной реализации такого потенциала. По данным Министерства юстиции Беларуси, по состоянию на 1 января 2018 г. в республике зарегистрировано (поставлено на учет) 29 профессиональных союзов, 2 856 общественных объединений (223 международных, 762 республиканских и 1 871 местное), 39 союзов (ассоциаций) общественных объединений, 195 фондов (16 международных, 7 республиканских и 172 местных), 7 республиканских государственно-общественных объединений [8]. По сравнению с 2016 г. общее количество зарегистрированных общественных объединений увеличилось на 4,6 %, а количество зарегистрированных фондов – на 13,4 %.

По состоянию на 1 июня 2014 г. было зарегистрировано 37 профессиональных союзов (на 01.01.2018 – 29, т.е. на 1/5 меньше), 2 567 общественных объединений

(на 01.01.2018 – 2 856, т.е. на 11% больше); 33 союза общественных объединений (на 01.01.2018 – 39, т.е. на 18 % больше); 148 фондов (на 01.01.2018 – 195, т.е. на 32 % больше [9]. Как мы видим, за последнее время в целом произошел заметный рост числа некоммерческих организаций, за исключением профсоюзов. На 1 января 2008 г. числились зарегистрированными, например, 2 255 общественных объединения и 64 фонда.

По сравнению с 2016 г. стало заметно больше физкультурно-оздоровительных (796 в 2018 г. и 714 в 2016 г.), молодежных (338 и 308 соответственно), воспитательных (248 и 231) объединений, общественных объединений сторонников охраны природы, памятников истории, культуры (86 и 79), практически не изменилось количество благотворительных и научно-технических организаций.

Государственно-частное партнерство является важным инструментом решения насущных социальных проблем и задач, реализации потенциала гражданского общества. Для его реализации и оптимального партнерства важно понимание гражданского общества как сообщества неполитических субъектов, не отождествляемых с политическими структурами, государством и государственными институтами, политическими оппонентами существующей власти.

Не следует также смешивать государственно-гражданское партнерство с государственно-частным, поскольку получение прибыли, иные коммерческие и финансовые результаты не являются первичной целью деятельности организаций «третьего сектора». В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. об организациях гражданского общества практически не говорится, хотя они могут играть большую роль в социальном развитии страны.

Во избежание «политизации», «огосударствления», а также для повышения эффективности работы гражданского общества и реализации его социального потенциала государству важно понимать свою роль в формировании государственно-частного партнерства и продолжать создание правовых, экономических условий для самостоятельной уставной деятельности гражданского сектора, реализации инициатив граждан, их организаций. В первую очередь необходимо облегчить доступ к общественным и бюджетным средствам, повысить финансовую устойчивость НКО за счет национальных ресурсов. Государственный социальный заказ является важным шагом в этом направлении, однако пока что имеет ограниченный масштаб.

Можно утверждать, что в стране идет постепенное развитие государственно-гражданского партнерства в рамках трех тенденций: сокращения и оптимизации государственного аппарата, создания правовых и экономических условий, качественного и количественного развития состава организаций гражданского общества. Вместе с тем сохраняется запрос на предоставление его организациям еще более широких возможностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мамут, Л. С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения [Электронный ресурс] / Л. С. Мамут // Обществ. науки и современность. – 2002. – № 5. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/324/414/1216/7.pdf>. – Дата доступа: 04.04.2018.

2. Лукашенко, А. Г. В Беларуси будет сокращено 13617 госслужащих [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко. – Режим доступа: <http://www.interfax.by/news/belarus/1128832>. – Дата доступа: 04.04.2018.

3. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2014 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/-public_compilation/index_528/. – Дата доступа: 04.01.2018.

4. Труд и занятость в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/>

gov.by/ofitsialnaya-statistika/so-lialnaya-sfera/trud/-ofitsial-nye-publikat-sii_7/index_6397/. – Дата доступа: 04.04.2018.

5. Жураковский, В. Государственный социальный заказ в Республике Беларусь (вопросы, ответы, формы, комментарии) [Электронный ресурс] / В. Жураковский, Н. Манцурова. – Режим доступа: http://www.actngo.info/sites/default/-files/files/rukovodstvo_po_gsz_2018_02_13.pdf. – Дата доступа: 04.04.2018.

6. Внедрение государственного социального заказа [Электронный ресурс] // Официальный сайт М-ва труда и соц. защиты Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://mintrud.gov.by/ru/gosudarstvennaya-socialnaya-podderzhka>. – Дата доступа: 04.04.2018.

7. Індэкс устойлівасці арганізацый грамадзянскай супольнасці Беларусі – 2017: папярэднія вынікі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://actngo.info/article/-indeks-ustoylivasci-arganizacuu-gramadzyanskay-supolnasci-belarusi-2017-papyaredniya-vyniki>. – Дата доступа: 04.04.2018.

8. Управление по вопросам некоммерческих организаций. Справочная информация [Электронный ресурс] // Официальный интернет-сайт М-ва юстиции Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://minjust.gov.by/ministry/central_office/the_directorate_of_non_profit_organizations/. – Дата доступа: 04.04.2018.

9. Гросс, Е. П. Институционализация общественных объединений Республики Беларусь (1991–2010 гг.) [Электронный ресурс] / Е. П. Гросс // Изв. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2015. – № 1. – С. 47–51. – Режим доступа: http://csl.basnet.by/xfile/v_gum/2015/1/nw6104.pdf. – Дата доступа: 04.04.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.04.2018

Haritonov I.N. Theoretical and Practical Aspects of Development of State-Civil Partnership in Belarus

In the article the state-civil partnership is defined. A number of theoretical aspects of civil society functioning are analyzed. It is emphasized that it is rather a community of non-political actors that have private goals and interests. In practical terms, it is noted that gradual development of state-civil partnership in Belarus is realized within the framework of three trends: reduction and optimization of the state apparatus, creation of legal and economic conditions for civil society activities, qualitative and quantitative development of civil society organizations. At the same time, it is important to avoid «politicizing» or «nationalizing» civil society. It is necessary to continue to create legal, economic conditions for independent activity of associations and organizations of civil society.

УДК 316. 334.23(476)

Т.С. Балакирева

науч. сотрудник Института экономики
Национальной академии наук Беларуси
e-mail: socio@tut.by

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ РИСКОВ БЕЛОРУССКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Изучены возможные аспекты хозяйственного риска и особенности их негативного влияния на предпринимательскую деятельность. Рассматривается влияние различных внешних и внутренних факторов на экономическую деятельность предприятия. На основе анализа социологических данных выявлены наиболее значимые из них. Отмечено, что важнейшим фактором возникновения хозяйственного риска является несовершенная институциональная среда. Эмпирической базой работы выступают данные социологического исследования, осуществленного группой по проведению социологической экспертизы объектов интеллектуальной собственности и экономико-правовых отношений под руководством доктора философских наук Р.А. Смирновой в Институте экономики НАН Беларуси в 2017 г., а также данные Исследовательского центра Института приватизации и менеджмента.

Эффективное развитие предпринимательской среды во многом определяется институциональными аспектами и зависит от взаимодействия субъектов предпринимательства с органами государственной власти, организациями и деловым сообществом. Проявлением несогласованности интересов бизнес-среды и власти является рост неопределенности и риска. Наиболее перспективной формой институционализации рисков предпринимательской деятельности выступает социальное партнерство, которое дает возможность значительно снизить или вовсе устранить уровень хозяйственного риска еще до того, пока он не стал непреодолимой преградой на пути развития бизнеса.

Говоря о хозяйственном (предпринимательском) риске, мы имеем в виду ситуацию, связанную с вероятностью неполучения запланированного результата в условиях неопределенности при осуществлении предпринимательской деятельности. Следует отметить, что хозяйственный риск в условиях экономической нестабильности многократно вырос. Это связано с растущей международной взаимозависимостью, многообразием и сложностью социально-экономических отношений, высокой изменчивостью экономической среды, законодательных и нормативных актов, регулирующих предпринимательскую деятельность, внесением изменений в систему налогообложения и таможенного законодательства, недостаточным опытом в управлении. Более того, особенностью современного общества становится «невидимость» рисков, в связи с чем они, недоступные обыденному знанию, порождают иллюзию отсутствия опасности [1]. В этом смысле проблема хозяйственных рисков играет очень большую роль в развитии и управлении предприятием.

Ранее, во времена плановой экономики, проблеме рисков не уделялось должного внимания, и термин «экономический риск» практически не использовался в своем прикладном значении, поскольку не соответствовал плановому характеру экономики. Поэтому такое понятие, как «предпринимательский риск», в отечественной литературе появилось лишь в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., когда активизировался интерес к проблеме риска. И связан он был с процессами глобальной перестройки, усилением степени неопределенности и нестабильности экономической среды. Вместе с тем переход к рыночной экономике в нашей стране привел к возникновению и развитию предпринимательского сектора, привлечению к инициативной, самостоятельной деятельности широких слоев населения. Однако оказалось, что на пути создания и развития биз-

неса предприниматели попадают в такие ситуации, где необходимо принимать решения в условиях неопределенности и выбора нескольких вариантов, в то время как рациональность и эффективность каждого практически невозможно рассчитать. Так, в процессе своей хозяйственной деятельности предприниматели сталкиваются с различными видами риска, которые отличаются между собой по месту и времени возникновения, совокупности внешних и внутренних факторов. Как правило, все виды рисков взаимосвязаны, а изменение одного вида риска может вызывать изменение большинства остальных, существенно влияя на предпринимательскую деятельность хозяйствующего субъекта. Здесь можно выделить риск потери прибыли, квалифицированного персонала, деловой репутации компании, возникающий под влиянием внешних и внутренних социальных факторов, или риск прекращения предпринимательской деятельности, приводящий к нежелательным и социально неприемлемым результатам, связанным с социальной средой предпринимательства [2]. К ним можно отнести и социальные факторы (ценности, нормы, культурные традиции, особенности экономического поведения, потребительские нормы и привычки, национальные, конфессиональные связи и другие взаимодействия и взаимоотношения), формирующиеся как на макроуровне (общество, глобальный мир), так и на микроуровне (предприятие, индивид), а также в специфических условиях конкретной страны и политики государства, проводимой в отношении предпринимательства (на мезоуровне). От комбинации всех этих факторов риска (экономических, социетальных, культурных, политических и др.) зависят характер и особенности управления рисками со стороны государства и методы его регулирующего воздействия на развитие предпринимательства.

Для того чтобы выявить результативность социальной политики государства в сфере предпринимательства, в частности, в создании адекватной институциональной среды, способной минимизировать риски в хозяйственной деятельности субъектов, в исследовании, осуществленном группой по проведению социологической экспертизы Института экономики НАН Беларуси под руководством доктора философских наук Р.А. Смирновой в 2017 г. (опрошено 118 индивидуальных предпринимателей и владельцев малых предприятий по республиканской выборке), был задан вопрос, связанный с оценкой респондентами условий ведения бизнеса. По мнению предпринимателей, по многим позициям условия ведения бизнеса существенно улучшились (регистрация бизнеса, получение разрешений, процедуры расчетов и уплаты налогов, осуществление проверок). Однако по целому ряду положений респонденты были менее оптимистичны. В частности, налоговая нагрузка остается тяжелым бременем для многих хозяйствующих субъектов, тем самым снижая конкурентоспособность хозяйствующих субъектов и ограничивая развитие бизнеса (таблица 1).

Таблица 1. – Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, изменение условий за последние 5 лет», %

	Улучшилось	Не изменилось	Ухудшилось	Затрудняюсь ответить
Регистрация бизнеса	62,7	15,3	5,1	16,9
Получение разрешений	32,2	32,2	11,9	23,7
Осуществление проверок	27,1	37,3	10,2	25,4
Взимание штрафов	20,3	30,5	18,6	30,5
Взимание арендной платы	11,9	25,4	44,1	18,6
Ценообразование	16,9	27,1	33,9	22,0
Налоговая нагрузка	11,9	28,8	44,1	15,3
Процедуры расчета и уплаты налогов	32,2	37,3	18,6	11,9

Продолжение таблицы 1

Доступ к получению кредитов	13,6	25,4	22,0	39,0
Осуществление внешнеторговых операций	13,6	23,7	8,5	54,2
Расчет зарплаты	11,9	49,2	11,9	27,1
Процедуры проведения аукционов и конкурсов	5,1	23,7	5,1	66,1
Защита прав собственности	1,7	40,7	8,5	49,2

Результаты опроса свидетельствуют о том, что формирование адекватной налоговой политики нуждается в системном обсуждении экспертов со стороны не только государства, но и предпринимательских кругов и общественных организаций, выражающих интересы всего населения. Такой диалог ведется: в частности, при Министерстве финансов была создана специальная рабочая группа, в состав которой вошли представители государственных органов, концернов, бизнес-союзов, Совета по развитию предпринимательства, а также широкий круг экспертов-практиков: аудиторов, бухгалтеров и юристов – с целью подготовки предложений по корректировке Налогового кодекса. Суть заключается в том, чтобы изменить механизм исчисления ряда налогов и упростить их администрирование [3], что является свидетельством того, что государство стремится к совершенствованию деловой среды.

Успешность реформ, предпринимаемых правительством в сфере регулирования бизнеса, отражается в улучшении положения Беларуси в рейтинге ведения бизнеса Всемирного банка. По результатам исследования Всемирного банка Doing Business – 2018 г., Беларусь занимает 38 место в рейтинге легкости ведения бизнеса. По таким направлениям, как регистрация собственности и предприятий, получение разрешений на строительство, подключение к электросетям, защита миноритарных инвесторов, международная торговля, оценки также были высокими. Однако по состоянию развития институциональной среды страна пока занимает низкие рейтинговые позиции. Так, по показателю «налогообложение» Республика Беларусь находится на 96 месте, несколько улучшив свою позицию по сравнению с предыдущим периодом (99 место), «получение кредита» – 90 место, «разрешение неплатежеспособности» – 68 место [4]. Такое положение подтверждается и данными опроса общественного мнения предпринимателей, проведенного Исследовательским центром Института приватизации и менеджмента (ИПМ) в 2018 г.: несмотря на постоянные законодательные изменения, направленные на либерализацию условий ведения бизнеса и упрощение административных процедур, треть представителей бизнеса отметили ухудшение условий ведения предпринимательской деятельности за прошедший 2017 г., для большинства респондентов (45,5 %) условия остались неизменными, и только 20 % опрошенных указала на их улучшение [5].

Таким образом, с одной стороны, можно говорить о том, что институциональная среда постепенно улучшается, на что указывают утвержденные в конце 2017 г. Президентом Республики Беларусь документы о либерализации условий ведения бизнеса (Декрет Президента от 23.11.2017 № 7 «О развитии предпринимательства» и Указ Президента от 22.09.2017 № 345 «О развитии торговли, общественного питания и бытового обслуживания»). С другой стороны, оценки респондентов условий ведения хозяйственной деятельности остаются низкими. Это может означать, что в экономическом положении предприятий существенных позитивных изменений не произошло. И без дальнейшей работы в направлении институциональных реформ, в частности снижения налоговой нагрузки, вряд ли можно будет говорить о формировании привлекательного бизнес-климата в стране. Из предпринятых правительством шагов по улучшению бизнес-климата наиболее существенными были оценки действий по приданию контроль-

ной (надзорной) деятельности предупредительного характера, переход к использованию преимущественно профилактических мер (45,7 % респондентов ответили, что эти меры в целом положительно повлияли на их бизнес). Вместе с тем можно отметить и действия по ликвидации административных барьеров (положительно оценили 34, % респондентов) (таблица 2) [5].

Таблица 2. – Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили действия правительства по следующим направлениям?», %

	Отрицательно	Скорее отрицательно	Не повлияли	Скорее положительно	Положительно
Создание равных условий ведения бизнеса и обеспечение развития добросовестной конкуренции субъектов хозяйствования независимо от формы собственности	8,8	16,4	51,3	20	3,4
Развитие частной собственности, повышение защиты прав собственности и пользования имуществом	7,3	17,1	52,3	19,6	3,7
Ликвидация излишних административных барьеров	5,1	18,3	42,3	28,6	5,6
Придание налоговому законодательству характера, стимулирующего добросовестное исполнение налоговых обязательств и деловую инициативу	4,6	13,4	49,9	28,1	3,9
Придание контрольной (надзорной) деятельности предупредительного характера, переход к преимущественному использованию профилактических мер	3,9	9,0	41,3	38,4	7,3
Обеспечение однозначно трактуемого законодательства, повышение качества подготовки нормативных актов, регулирующих предпринимательскую деятельность	5,1	18,3	47,9	23	5,6

Данные опроса представителей малого бизнеса 2017 г., осуществленного группой по проведению социологической экспертизы, подтвердили гипотезу о том, что основными факторами риска в предпринимательской деятельности являются, во-первых,

отсутствие спроса на товары и услуги, и, во-вторых, недостаточно развитая институциональная среда (таблица 3).

Таблица 3. – Распределение ответов на вопрос «Какие риски предпринимательской деятельности для Вас являются наиболее существенными?», %

Потери, связанные с отсутствием покупателей товаров или услуг	69,5
Необоснованные административные барьеры, штрафы, и т.п.	57,6
Необоснованное повышение налогов	52,5
Риск потерять свое имущество, собственность или часть прибыли	44,1
Недобросовестная конкуренция	42,4
Потеря деловой репутации	22,0
Лишение лицензии на предпринимательскую деятельность	15,3
Ограничение прав собственности на финансы, продукцию, недвижимость и др.	13,6
Убытки, обусловленные несвоевременным исполнением контрактов	11,9
Поставка некачественной, экологически небезопасной продукции	11,9
Социальная напряженность и противоречия с работниками	6,8

Однако, несмотря на сложности ведения бизнеса и риски, с которыми сталкиваются хозяйствующие субъекты в своей деятельности, лишь малая часть предпринимателей (8,5 %) планирует расстаться с бизнесом, большинство же (54,2 %) предполагает стабильно вести свой бизнес, а 37,3 % респондентов даже планируют его расширение, что свидетельствует о высоком предпринимательском потенциале и результативности тех действий, которые осуществляет государство для совершенствования институциональной бизнес-среды.

Следует отметить, что если малый бизнес в современных условиях, когда совершенствуются технологии, меняются конкуренты и клиенты со своими потребностями, будет стоять на месте, то он не сможет отвечать новым требованиям и конкурировать с другими компаниями, тем более расти и развиваться. В этой ситуации важно понять, где именно хозяйствующие субъекты видят препятствия и угрозы для собственного развития: внутри собственной компании или же в существующей внешней среде ведения бизнеса? Ведь причины высокой рискованности хозяйственной деятельности заключены не только внутри предприятия (связанные с работой подразделений и персонала), но и в значительной мере определены ситуацией, складывающейся во внешней среде (условия, которые субъект не может изменить, но должен учитывать, поскольку они отражаются на результатах его деятельности). Это могут быть факторы политического, социально-экономического, правового и социально-культурного развития страны.

Мнения представителей бизнеса подтверждают остроту и актуальность проблем, которые существуют во внешней среде ведения бизнеса, поскольку они препятствуют динамичному развитию предприятия, обеспечивая лишь его выживание и сохранение, а не рост и развитие. Наиболее значимыми внешними факторами риска в развитии бизнеса явились высокие ставки налогов (54,8 %), изменчивое законодательство (в том числе налоговое) – 50,9 %, высокие процентные ставки – 45,2 %, обременительные административные процедуры (лицензии, сертификация, проверки и др.) – 43,3 %, неравные условия деятельности по сравнению с государственными предприятиями – 36,9 %. Наиболее существенными препятствиями для развития стали экономическая политика других стран (тарифные, нетарифные барьеры и пр.) – 7,1 %, регулирование занятости (процедуры увольнения и найма) – 6,4 %, неразвитость фондового рынка – 6,1 %, плохое состояние здоровья населения – 4,6 % [5].

Здесь нужно учитывать, что каждая отрасль имеет собственную специфику рынка, конкурентной среды, организации деятельности и др., что соответственно порождает

ет и характерные только для нее риски и степень их влияния. В этой связи внешние риски, влияющие на предпринимательскую деятельность, можно объединить в следующие группы, характерные большинству хозяйствующих субъектов:

1) государственное регулирование: регулирование цен, валютное регулирование, регулирование занятости (процедуры увольнения и найма), регулирование заработной платы;

2) административные барьеры и законодательство: обременительные административные процедуры (лицензии, сертификация, проверки и пр.), высокие ставки налогов, изменчивое законодательство (в том числе налоговое), нестабильность национальной валюты (высокая инфляция, непредсказуемые изменения валютного курса);

3) институты: коррупция, произвольное применение законодательства органами власти, неэффективная судебная система (суды не являются независимыми, сложности с обеспечением исполнения контрактов, прав инвесторов и т.п.);

4) человеческий капитал: низкоквалифицированные специалисты, низкое качество подготовки специалистов в вузах и других учебных заведениях, плохое здоровье населения;

5) факторы производства: невозможность приобретения земли в собственность, правила землепользования, неразвитость фондового рынка, высокие процентные ставки, высокая арендная плата;

6) конкуренция: недобросовестная конкуренция со стороны других участников рынка, неравные условия деятельности по сравнению с конкурентами – государственными предприятиями, иностранными и IT-компаниями, экономическая политика других стран [6; 7].

В то же время в отношении преодолимости внешних рисков среди представителей бизнеса распространено оптимистичное мнение: преодолимыми их считают 74,8 % респондентов, и только четверть опрошенных (25,2 %) уверены, что эти барьеры непреодолимы и ведут к сворачиванию бизнеса [5].

Важно отметить, что эффективность функционирования предпринимательской деятельности зависит от того, насколько хозяйствующий субъект предвидит свою перспективу и как организует свою деятельность с учетом внешних и внутренних рисков, с которыми может столкнуться в будущем. В условиях рынка с его жесткой конкуренцией планирование хозяйственной деятельности является важным фактором выживаемости предпринимателя, его экономического роста и процветания. Данные опроса свидетельствуют о том, что масштабы планирования бизнеса в основном имеют довольно короткий временной интервал – от нескольких месяцев до двух лет (таблица 4). Это может быть связано, во-первых, с отсутствием четкой концепции и стратегии деятельности, трудностями с правильным построением бизнес-процессов, во-вторых, с институциональной средой и, в-третьих, с отсутствием у предприятий компетентных специалистов, занимающихся стратегией развития компании.

Таблица 4. – Распределение ответов на вопрос «На какой период времени Вы можете планировать деятельность Вашей компании?», %

На несколько месяцев	39,0
На 1–2 года	37,3
На 3–5 лет	13,6
Более 10 лет	8,5
Нет ответа	1,7

Не менее значимыми являются и внутренние факторы, влияющие на уровень предпринимательского риска, которые непосредственно связаны с хозяйственной деятельностью предприятия. Классификация этих рисков строится с учетом множества

критериев. Различают следующие основные виды экономических рисков в хозяйственной практике с учетом особенностей предпринимательской деятельности.

1. *Производственный* риск связан с особенностями технологического процесса на конкретном предприятии, низким уровнем квалификации работников, организацией поставок сырья и материалов и осуществлением транспортных перевозок. Проявляется производственный риск в возможности уменьшения запланированного объема выпуска продукции, снижения ее качества, роста издержек производства и уменьшения производительности труда, возникновения убытков в результате простоя производства, потерь рабочего времени, недопоставок исходных материалов, сырья, энергии [6].

2. *Коммерческий* риск связан с процессом реализации товаров и услуг, производимых или закупаемых предприятием, и проявляется в снижении объема реализации товаров вследствие изменения рыночной конъюнктуры и неблагоприятного изменения цен, конкуренции, повышения издержек обращения, низкого уровня покупательской способности населения, что влечет за собой не только уменьшение объемов продаж, но и сокращение сотрудников и инвестиций.

3. *Финансовый* риск связан с вероятностью потерь финансовых ресурсов вследствие неправильного и неэффективного управления финансами, взаимоотношениями хозяйствующих субъектов с банками и другими финансовыми институтами.

4. *Инвестиционный* риск несет потенциальную угрозу неполучения запланированного результата и связан с рисками вложения средств в осуществление конкретного инвестиционного проекта.

5. К рискам, связанным с покупательной способностью денег, относятся *инфляционный и валютный* риски. Наличие инфляционного риска свидетельствует о том, что полученные доходы в результате инфляции обесцениваются быстрее, чем растут, усиливая при этом риск, связанный с новыми инвестициями. В свою очередь, валютный риск связан с возможными потерями в результате изменения валютных курсов.

6. *Управленческие* риски составляют часть общих рисков в хозяйственной деятельности субъекта и включают в себя организационные, коммерческие, производственные, социальные и правовые риски. Уровень риска зависит от состояния и характера воздействия факторов как внешней среды, так и внутренней (отношения к риску руководителей, принимающих решения). Главной задачей компании является формирование системы управления рисками, которая основывается на выборе и установлении приемлемого риска, т.е. снижении риска до уровня, при котором он перестает быть разрушающим.

Таким образом, правильная организация системы управления и, соответственно, профессионализм и интуиция руководителей и работников позволяют преодолеть большинство внутренних и внешних рисков, связанных с развитием компании.

Следует также подчеркнуть, что для бизнес-процесса инструментом и ресурсом управления рисками выступает информация, а точнее, недостаточность информации о состоянии внешней среды, оказывающей влияние на конечный результат. Так, например, недостаток информации о налогообложении как внутри страны, так и в стране зарубежного партнера является источником потерь в результате взыскания штрафных санкций с предприятия со стороны государственных органов. Недостаток информации о контрагентах, их финансовом состоянии может также стать источником потерь капитала. Нехватка необходимой информации для понимания специфики рынка, а также низкая квалификация специалистов по маркетингу несет в себе еще одну угрозу – снижение уровня продаж (*маркетинговый* риск).

Для минимизации рисков представители белорусского бизнеса используют различные источники информации, предоставляемые местными властями и партнерами по бизнесу, полученные из специализированных справочников и информационных из-

даний, данные статистики фондовых рынков, оценки экспертов и аналитиков. Наиболее популярным и достоверным среди них является собственный источник информации.

Существенной угрозой социально-экономического характера, связанной с социальными рисками в хозяйственной деятельности, является отсутствие взаимодействия предпринимателя, государства и бизнес-партнеров. Это, в частности, убытки, обусловленные несвоевременным исполнением контрактов, необоснованными административными барьерами, коррупцией, штрафными санкциями, высоким уровнем налогов, изменениями в налоговом и таможенном законодательстве, высокими темпами инфляции, недобросовестной конкуренцией и др., т.е. всем тем, что связано с институциональной средой. Эти угрозы могут в итоге привести к потере бизнеса. Также к ним относятся риски, вызванные уровнем покупательской способности населения и его доверием к предпринимательству в целом как социальному институту и виду экономической деятельности. Поэтому механизм минимизации социальных рисков предпринимательской деятельности должен формироваться в процессе социального диалога между предпринимателями, наемными работниками и государством, поскольку в соглашениях между социальными партнерами предусматривается взаимная заинтересованность в эффективной экономической деятельности, развитии производства и повышении конкурентоспособности товаров и услуг, в росте трудовой и социальной активности, в смягчении остроты социальных противоречий и нахождении конструктивных форм разрешения трудовых конфликтов. Институционализация методов минимизации социальных рисков предпринимательской деятельности может быть осуществлена за счет закрепления формальных и неформальных правил и норм различных институтов предпринимательской деятельности, направленных на достижение социального согласия как между предпринимателями и наемными работниками, так и между предпринимателями и обществом в целом [2].

Представляется, что государственным органам в процессе регулирующего воздействия на развитие предпринимательства необходимо акцентировать внимание на создании институциональных основ диалога власти и бизнеса, предполагающих переход к созданию постоянно действующих и институционально оформленных практических механизмов подобного взаимодействия, в частности, таких, как разработка совместных планов по законодательной работе, направленных на улучшение делового и инвестиционного климата в стране, борьбу с коррупцией и обеспечение модернизационных процессов в предпринимательском секторе, создание постоянно действующих и наделенных необходимыми формализованными полномочиями рабочих групп с участием представителей государства и бизнеса по вопросам обеспечения эффективного диалога бизнеса и власти, а также проведение регулярных публичных мероприятий для открытого обсуждения результатов деятельности обеих сторон.

Таким образом, успехи малого и среднего бизнеса являются отражением глубоких процессов преобразования в экономике и институциональной среде, в самом образе жизни и деятельности, связанной с повсеместным возрождением предпринимательства как одного из факторов экономического развития, повышения эффективности, конкурентоспособности и процветания общества в целом. А знание о рисках, расширение границ информированности, анализ и управление ими, а также разработка методов их предотвращения должны стать доминантой современного общества, ставшего более чувствительным к риску и тем более к «невидимым» рискам, представляющим опасность и угрозу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришаев, В. В. Риск и общество (дискуссия о понятии риска) [Электронный ресурс] / В. В. Гришаев // Федер. образоват. портал ЭГМ. – Режим доступа: <http://ecsos-man.hse.ru/text/18728811/>. – Дата доступа: 05.04.2018.
2. Болтунова, Е. В. Социальные риски предпринимательской деятельности : автореф. ... дис. канд. экон. наук : 08.00.05 / Е. В. Болтунова. – Волгоград, 2008. – 26 с.
3. Налоговая нагрузка на бизнес может уменьшиться [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://myfin.by/stati/view/10720-nalogovaya-nagruzka-na-biznes-mozhet-umenshitsya>. – Дата доступа: 05.04.2018.
4. Всемирный банк DOING BUSINESS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.doingbusiness.org/rankings>. – Дата доступа: 10.04.2018.
5. Состояние малого и среднего частного бизнеса в Беларуси в 2018 году. Результаты опроса. Аналитический обзор [Электронный ресурс] // Исследоват. центр ИПМ. – Режим доступа: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/sr-2018r02.pdf>. – Дата доступа: 15.04.2018.
6. Урютина, Д. Внутренние барьеры развития частного бизнеса в Беларуси [Электронный ресурс] / Д. Урютина // Исслед. центр ИПМ. – Режим доступа: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/wp2015r02.pdf>. – Дата доступа: 05.05.2018.
7. Белорусский бизнес 2017: состояние, тенденции, перспективы [Электронный ресурс] // Исследоват. центр ИПМ. – Режим доступа: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/Business2017r.pdf>. – Дата доступа: 15.04.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.05.2018

Balakireva T.S. A Sociological Analysis of the Social and Economic Risks of the Belarusian Entrepreneur Ship

Possible aspects of economic risk and peculiarities of their negative influence on entrepreneurial activity are considered in the article. The influence of various external and internal factors on the economic activity of the enterprise is analyzed. On the basis of analysis of sociological data the most significant of them are identified. It is noted that the imperfect institutional environment is the most important factor of occurrence of economic risk. The empirical base of the research consists of the data of the sociological survey conducted by the Group of a sociological expertise of the objects of intellectual property and economic and legal relations under the guidance of Doctor of philosophical Sciences R.A. Smirnova in the Institute of Economics of NAS of Belarus in 2017, as well as of the data of the IPM Research Center.

УДК 316.3(051)

С.Т. Кавецкий

канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
 Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
 e-mail: kstbrest@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА АНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Анализируется социально-стратификационная структура белорусского общества. Страты современного социума выявляются на основе конкретных социологических исследований социальных групп по критериям самоидентификации, а также дохода. Проведена социологическая диагностика аномических процессов среди различных слоев населения. Сделан вывод о том, что переходное состояние белорусского общества на рубеже XX и XXI вв. значительно ускорило изменения в его социальной структуре: на общественную сцену вышли новые социальные группы, массовые слои изменяют свои качественно-количественные параметры, турбулентным становится «социальное дно», чему способствует неравномерность экономического развития.

Социально-экономические изменения в Беларуси в конце XX – начале XXI в. повлияли на характеристику социальной структуры. Социальная структура – это совокупность относительно устойчивых связей между элементами социальной системы, отражающих ее существенные характеристики во всех сферах общественной жизни (экономической, социально-политической, духовной) не только на макро-, но и на микроуровне. Социальная структура современного белорусского общества характеризуется крайней неустойчивостью как на уровне процессов, происходящих в социальных группах и между ними, так и в плане осознания личностью своего места в системе общественной иерархии. Идет активное «размывание» групп населения и становление новых видов межгрупповой интеграции по форме собственности, доходу, вхождению в структуры власти, социальной самоидентификации. В условиях трансформирующегося социума наблюдается процесс изменения сложившейся в нем структуры.

При переходе от одной социально-экономической системы к другой в постсоветских обществах происходит деконструкция критериев стратификации. Решающую роль в них приобретают:

- а) владение капиталом, приносящим прибыль;
- б) причастность к перераспределению общественного богатства в результате разгосударствления и приватизации собственности;
- в) уровень личного дохода и потребления.

Для выявления реальной ситуации в социально-стратификационной структуре общества под руководством автора в Брестском регионе в 2005, 2016 и 2018 гг. был проведен ряд конкретно-социологических исследований (выборка составила 300 респондентов), которые позволили выявить такую динамику социальных групп (таблица).

Таблица. – Распределение ответов на вопрос «Кем Вы себя считаете?», %

Социальная самоидентификация	Год		
	2005	2016	2018
1. Богатым	1,4	1,4	1,5
2. Состоятельным	5,0	4,0	3,4
3. Среднеобеспеченным	25,9	28,4	33,9
4. Малообеспеченным	37,1	35,1	46,0
5. Бедным	24,2	28,4	10,2
6. Живу ниже черты бедности	6,4	2,7	5,1

Критерии состоятельности респондентов в 2005 г. были следующими:

а) «богатые» – более 3 тыс. долл. в месяц на человека «чистыми» без налогов, социальных выплат и прочих обязательных платежей;

б) «состоятельные» – от 250 до 3 тыс. долл. в месяц;

в) «среднеобеспеченные» – от 150 до 250 долл. в месяц;

г) «малообеспеченные и бедные» – 70–150 долл. в месяц;

д) «ниже черты бедности» – 60 долл. в месяц и менее.

В 2016 и 2018 гг. критерий «состоятельности» для респондентов был такой:

а) «богатые» – более 3 тыс. долл. в месяц на человека;

б) «состоятельные» – от 400 до 3 тыс. долл. в месяц;

в) «среднеобеспеченные» – 300–400 долл. в месяц;

г) «малообеспеченные» и «бедные» – 100–300 долл. на человека;

д) «ниже черты бедности» – 60 долл. в месяц и менее.

В условиях перехода от одной социально-экономической системы к другой весьма актуальной стала проблема бедности. Бедность выражает экономическое и социальное состояние людей, имеющих минимум денег, низкий уровень образования, отсутствие власти и престижа. «До развала СССР бедность в Беларуси, являвшейся одной из наиболее развитых советских республик, не превышала 1 % по отношению к общей численности населения, а в 1999 г. она превысила, по официальным данным, 36 %, а в реальности, по-видимому, достигла значительно больших размеров». Бедность – это положение людей, не располагающих физиологическим минимумом средств к жизни. Наиболее глубокая и острая бедность – это такое состояние, когда люди находятся на грани постоянного недоедания, если не голода.

Согласно данным конкретно-социологических исследований, проведенных в 2005 и в 2016 гг., такой уровень бедности отметили соответственно 6,4 и 2,7 % респондентов; в исследовании 2018 г. 7,6 % опрошенных отнесли себя к бедным. Эту категорию составляют:

а) по возрасту: 20–30 лет – 33,3 %, 41–50 лет – 50 %, 51–60 лет – 16,7 %;

б) по образованию: 2 % имеют неполное среднее образование, 8 % – среднее, 1,3 % – среднее специальное, 1 % – высшее образование;

в) по социальному положению к бедным относятся безработные, а также опустившиеся на социальное дно респонденты из различных социальных групп.

К группе населения с доходом ниже среднего относят себя 39,4 % респондентов. С одной стороны, это те слои населения, которым хватает средств на удовлетворение простейших физиологических нужд, и верхняя граница дохода в ней – это официальный минимальный прожиточный уровень. В 2005 и 2016 гг. в регионе к этой группе относили себя соответственно 24,2 и 28,4 % респондентов [2]. С другой стороны, это те, кто удовлетворяет свои как физиологические, так и социальные потребности, но на низком уровне. Люди относительно сытно едят, обновляют одежду, лечатся, отдыхают. Прожиточный минимум обеспечен, но достатка нет. В 2005 и 2016 гг. в регионе на этом уровне находились соответственно 37,1 и 35,1 % респондентов. Число респондентов этого слоя в исследовании 2018 г. в рамках изучения региональной структуры составило 39,4 %. В общей структуре опрошенных женщины составляют 31,2 %, мужчины – 33,8 %; по возрасту: от 20 до 30 лет – 8,9 %, от 31 до 41 года – 24,4 %, от 41 до 50 лет – 46,7 %, от 51 до 60 лет – 11,1 %, более 60 лет – 8,9 %; по образованию: 24 % имеют среднее образование, 36,8 % – профессионально-техническое, 25 % – среднее специальное, 12 % – высшее образование.

По социальному положению группу населения с доходом ниже среднего составляют малоквалифицированные рабочие, большинство сельских жителей, а также служащие без высшего образования и др.

К группе населения с доходом выше среднего относятся, во-первых, состоятельные люди, которые могут позволить себе многие дорогостоящие покупки, а во-вторых, люди обеспеченные, живущие в достатке, однако ощущающие ограничения при приобретении дорогостоящих вещей (автомобиля, сложной бытовой техники), а также при посещении ресторанов, осуществлении зарубежных путешествий и т.п. В 2005 и 2016 гг. в регионе на этом уровне находились соответственно 5 и 4 % респондентов. Доля респондентов этого слоя в исследовании 2018 г. в рамках изучения региональной структуры составила 7,6 %. В общей структуре опрошенных женщины составляют 4,1 %, мужчины – 13,5 %; по возрасту: от 20 до 30 лет – 38,9 %, от 31 до 41 года – 27,8 %, от 41 до 50 лет – 27,8 %, от 51 до 60 лет – 5,6 %; по образованию: 12 % имеют среднее образование, 2,6 % – среднее специальное, 37,3 % – высшее образование.

По социальному положению к группе населения с доходом выше среднего относятся средние и мелкие предприниматели, директорский корпус, популярные художники, артисты, телекомментаторы, владельцы частных медицинских и фармацевтических учреждений и др.

К высокообеспеченной группе населения (вершине стратификационной пирамиды) относится высший слой – новая элита, в состав которой входят богатые предприниматели (владельцы банков, крупных фирм и др.), должностные лица от министра и выше. Это фактически новая буржуазия и высшая государственная бюрократия. В 2005 и 2016 гг. на этом уровне в регионе находились по 1,4 % респондентов. Доля респондентов этого слоя в исследовании 2018 г. в рамках изучения региональной структуры составила 1,5 %.

Проведенные в 2005 и 2016 гг. в регионе конкретно-социологические исследования показали, что в зависимости от самоидентификации, социального статуса, семейного положения, а главное, от доходов респонденты относят себя к группе среднеобеспеченных:

1) 2005 г. – 25,9 % (критерий дохода был 150–205 долл. в месяц «чистыми» без налогов, социальных выплат и прочих обязательных платежей);

2) 2016 г. – 28,4 % (критерий дохода – 300–400 долл.).

В 2018 г. в регионе к среднеобеспеченным слоям относят себя 36,0 % респондентов. Более половины (55,7 %) респондентов имеют доход от 351 до 500 руб. в месяц. В общей структуре опрошенных женщины составляют 70,8%, мужчины – 63,3 %; по возрасту: от 20 до 30 лет – 26,9 %, от 31 до 41 года – 27,6 %, от 41 до 50 лет – 31,4 %, от 51 до 60 лет – 9, %, более 60 лет – 3,2 %; по образованию: имеют среднее образование 56 %, профессионально-техническое – 52,6 %, среднее специальное – 64,5 %, высшее образование – 73 %.

По социальному положению к группе населения со среднеобеспеченным доходом относятся руководители отделов (служб) крупных, эффективно работающих предприятий, профессора, врачи и юристы, имеющие частную практику, старшие офицеры и др.

Таким образом, сравнительный анализ социальных слоев общества в регионе позволяет сделать следующие выводы.

1. В белорусском обществе существует социальное расслоение, которое увеличивается в кризисные периоды. Наиболее многочисленным социальным слоем (39,4 %) является группа населения, которая по материальному положению имеет доходы ниже среднего.

2. Рост или уменьшение среднеобеспеченных слоев (36 %) связан с неравномерностью экономического развития социума.

3. Сравнительный анализ среднего класса и других социальных слоев показывает, что они различаются по социально-демографическим характеристикам.

4. Высшее образование имеют большинство среднеобеспеченных слоев (73 %), 12 % респондентов с доходом ниже среднего и 37,3 % с доходом выше среднего.

5. Среди среднеобеспеченных слоев женщин 59,6 %, мужчин – 40,4 %.

Важным критерием социальной структуры является измерение социального статуса. Е.М. Бабосов выделяет следующий субординационный ряд:

1. На вершине стратификационной пирамиды находится высший слой – новая элита, в состав которой входят богатые предприниматели (владельцы банков, крупных фирм и др.), высшие должностные лица. Фактически это новая буржуазия и высшая государственная бюрократия.

2. Высший средний слой – это средние и мелкие предприниматели, директорский корпус, популярные художники, артисты, телекомментаторы, крупные ученые, владельцы частных клиник, стоматологических кабинетов и др.

3. Средний слой – это профессора, врачи и юристы, имеющие частную практику, руководители отделов (служб) крупных, эффективно работающих предприятий, старшие офицеры и др.

4. Низший средний слой – это учителя, линейные (рядовые) инженеры, работники учреждений культуры, младшие офицеры, квалифицированные рабочие и т.п.

5. Низший слой – низкоквалифицированные рабочие, крестьяне, служащие, сержантский состав вооруженных сил и правоохранительных органов и др.

6. Паразитические слои – мафиозные группы, рэкетеры, грабители, вымогатели, участники бандитских формирований, колдуны, гадалки, проститутки и т.п.

7. Маргинальные слои – это опустившиеся на социальное дно из различных социальных групп нищие, бомжи, беженцы, вынужденные переселенцы, беспризорные подростки и т.п. [1, с. 162–163].

Анализ стратификационно-статусного состояния общества показывает, что среди множества статусов предприниматели занимают верхние строчки субординационного ряда. Предпринимательский сектор стал интенсивно развиваться в начале 1990-х гг. Это способствовало насыщению внутреннего рынка товарами и услугами, увеличению экспортного потенциала страны, повышению занятости населения. «Большинство предприятий предпринимательского сектора – малые. К началу 2005 г. в республике функционировала 31 тыс. малых предприятий, в том числе 28,7 тыс. частных. Доля малых предприятий в валовом внутреннем продукте страны составляет 8,8 %. Малыми предприятиями производится 7,3 % промышленной продукции, на них приходится 9,8 % розничного товарооборота, 22,1 % выручки от реализации товаров (работ, услуг). В общем числе предприятий торговли и общественного питания малые предприятия составляли к концу 2005 г. 42,9 %. Доля малых предприятий составляет: в промышленности 22 %, в строительстве 11,8 %, на транспорте 5,3 %. Общая численность работающих на частных малых предприятиях в 2004 г. составила 308 тыс. человек» [2, с. 261].

Становление предпринимательства в Беларуси проходило в непростых условиях. К особенностям менталитета значительной части белорусских граждан в постсоветское время можно отнести недоверие к частной собственности, стремление к социальной справедливости на основе уравниловки, а не к эффективности деятельности и результативности работы. С другой стороны, несмотря на катаклизмы и преобразования переходного периода, предпринимательство развивалось различными путями, шел процесс накопления стартового капитала. Один из примеров такого накопления – «челночное движение» граждан бывшего СССР, начавшееся в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

По данным конкретно-социологических исследований, проведенных под руководством автора, в г. Бресте «экономическим туризмом» занималось в 1997 г. 72,5 % респондентов, в 2005 г. – 45,2 %, в 2016 г. – 56,5 %, в 2018 г. – 31,5 % из числа выезжавших за границу. «Зарубежным бизнесом» занимались семьями или компаниями

друзей, случайными группами и в одиночку. Китай, Турция и Польша – три страны, куда проложили дорогу российские «челноки». У белорусов наиболее популярными («экономически выгодными») были поездки в Польшу, Россию, Турцию, Германию, Украину, Литву.

В 1990-е гг. белорусские «челноки» ввозили в страну товара на сумму около 1 млрд долл. в год. По оценкам общественной организации «Туризм и предпринимательство», примерно 60 % российских «челноков» имели в своем распоряжении для закупок суммы в 1,5–5 тыс. долл. Экономические кризисы, периодически сотрясающие страны СНГ, больно бьют не только по рядовым покупателям, но и по мелким продавцам. Кому-то из них в это время приходится сокращать закупки, кому-то и вовсе свертывать торговлю, пополняя ряды наемных работников. Выживали сильнейшие, лучше постигшие нелегкое искусство челночного бизнеса. У таких в распоряжении находились суммы в сотни тысяч долларов. У крупных дельцов давно отработан механизм доставки товара и его таможенного оформления с наименьшими потерями для собственного кошелька.

По мнению М.Н. Руткевича, «челноки» – прямое свидетельство нерациональной организации торговли и маргинализации миллионов рабочих, служащих, ИТР. «Дикая» практика «челночничества» является петлей, удушающей отечественную легкую, текстильную, парфюмерную и другие отрасли промышленности. Миллиарды долларов, оставленных на рынках Стамбула, – средство перекачки инвестиций из России в Турцию, также обстоит дело с Китаем, арабскими странами, Польшей и т.д. [2, с. 123]. Другие страны, даже высокоразвитая Япония, защищают ряд своих отраслей с помощью высоких пошлин и всемерного поощрения отечественного товаропроизводителя. Однако основную социальную и экономическую задачу – дать людям работу, одеть и накормить средний и низший классы общества, ликвидировать пустые прилавки магазинов и длинные очереди за дефицитом – «челноки» с успехом выполнили. Кстати, по данным национального социологического опроса 1997 г. (выборка 1 030 респондентов, руководитель – доцент С.Т. Кавецкий), интервьюируемые на вопрос анкеты: «Приходилось ли Вам при пересечении границы вольно или невольно нарушать таможенные правила Республики Беларусь, Польши, Германии, Украины, стран Балтии и др.?», ответили так: «нарушали» – 52,5 %, «не нарушали» – 47,5 %. Больше всего «нарушителей» оказалось из Гродненской и Брестской областей.

Итак, в условиях перехода от одной социально-экономической системы к другой в социальной структуре белорусского общества произошла деконструкция критериев стратификации. Решающую роль в этом играли:

- 1) владение капиталом, приносящим прибыль;
- 2) причастность к перераспределению общественного богатства в результате разгосударствления и приватизации собственности.

Одним из путей перераспределения общественного богатства явилась чековая приватизация собственности в Республике Беларусь. Хотя ее окончание планировалась более 20 лет назад, однако Совет Министров постановлением № 79 от 1.02.2016 продлил действие именных приватизационных чеков «Имущество» до 30.06.2019. Неоднократное продление данного процесса было связано с тем, что ни стратегически, ни тактически он не был достаточно продуман. И получение чеков населением, и их обмен на акции акционированных предприятий в силу объективных и субъективных причин не принесли ожидаемого эффекта. Около половины обладателей чеков оказались отчуждены от собственности, а большинство жителей, обменявших чеки на акции, в силу мизерной доли участия в акционерном капитале лишь числятся акционерами, но не могут реально участвовать в управлении акционерным обществом. Дивиденды по принад-

лежащим им акциям они либо не получают вообще, либо получают, но весьма скромные суммы и чаще всего нерегулярно.

Таким образом, переходное состояние белорусского общества на рубеже XX и XXI вв. значительно ускорило изменения в его социальной структуре. Изменились и продолжают меняться отношения в экономике, политике, перестраивается механизм социальной ориентации, идет интенсивная смена элит. На общественную сцену вышли новые социальные группы, слои и группы, которые изменяют свои качественно-количественные параметры, турбулентным становится «социальное дно», что является следствием неравномерности экономического развития. Как результат, быстро меняется система групповых интересов, способов поведения, социальных взаимодействий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабосов, Е. М. Прикладная социология / Е. М. Бабосов. – Минск : ТетраСистемс, 2000. – 496 с.
2. Кавецкий, С. Т. Аномия: теория и социальная практика / С. Т. Кавецкий. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2017. – 245 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.09.2018

Kavetski S.T. Sociological Diagnostics of Anomy Processes in the Social Structure of Today's Society

The article analyzes the social structure and stratification of the Belarusian society. The strata of today's society are identified by case studies with a breakdown by social groups through self-identification criteria, and, more importantly, on the basis of their income. Sociological diagnostics of anomy processes was carried out among various population segments. The conclusion is made that the transitional state of the Belarusian society at the turn of the XX and XXI centuries caused much faster changes in its social structure. The public stage saw the appearance of new social groups, mass segments of population change their qualitative and quantitative parameters, while the «social bottom» is becoming increasingly turbulent, which is promoted by irregularities in economic development.

УДК 316.7

Р.В. Шевко

аспирант 3 года обучения Института социологии
Национальной академии наук Беларуси
e-mail: perfatum@mail.ru

СПЕЦИФИКА МУЗЫКАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Проанализирован процесс музыкальной коммуникации как социализирующий элемент в обществе, а также как способ меж- и внутригруппового взаимодействия современной молодежи. Отдельно рассмотрена роль семьи, сверстников и неформальной группы, а также средств массовой информации в формировании музыкальных предпочтений в процессе внутриличностной, межличностной и межгрупповой коммуникации. Музыка рассматривается как семантико-языковая система коммуникации, способствующая трансляции не только общезначимых общественных, но и специфических субкультурных ценностей. В качестве принципиально важного элемента процесса музыкальной коммуникации представлена система взаимодействия «исполнитель – публика», где актуализируется значение внешнего вида исполнителя (имидж, субкультурная мода). Также проанализирована важность песенного текста как способа конкретизации семантического наполнения музыкальной композиции.

Введение

В современном виртуализированном обществе музыкальная коммуникация из процесса трансляции преимущественно абстрактных акустико-эмоциональных образов стала многовекторным процессом передачи и восприятия музыкального продукта в его визуальном оформлении через образ (имидж) исполнителя-певца и/или через субъективный творческий конструкт режиссера музыкального видеоклипа. Это актуализирует исследования ценностного содержания современной музыкальной культуры, поскольку музыка, транслируемая в виртуализированном мире, не столько в своем звуковом исполнении, сколько визуально характеризуется многократно увеличенным потенциалом воздействия на личность.

Таким образом, анализ музыкальной коммуникации молодежи в процессе социализации представляет собой особо важную область социальных исследований, потому как музыка при выбранном ракурсе рассмотрения является творческой рефлексией человека, его ответной реакцией на разного рода события в современном обществе (в том числе и на негативные: аномию, маргинальность, дисфункциональную девиацию и др.). К примеру, музыкальные субкультуры и подобные им неформальные сообщества могут пониматься как способ молодежной адаптации, самоопределения и самореализации в трансмедийном обществе.

Все это обуславливает основную цель исследования, которая состоит в анализе специфики музыкальной коммуникации как составного элемента в общем процессе социализации. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) охарактеризовать основных агентов социализации, оказывающих влияние на музыкальное восприятие человека;
- 2) выделить факторы, определяющую музыку в качестве семантико-языковой системы коммуникации, способной к аксиологической трансляции;
- 3) описать коммуникационное взаимодействие типа «исполнитель – публика», определить его особенности и специфику.

Научный руководитель – Е.М. Бабосов, доктор философских наук, профессор, академик Национальной академии наук Беларуси, главный научный сотрудник отдела политической социологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Влияние основных агентов социализации на музыкальную коммуникацию

Важной составляющей процесса социализации являются агенты социализации, под которыми понимаются группы и социальные контексты, в рамках которых совершаются процессы социализации. Во всех культурах семья является для человека изначальным (первичным) социализирующим агентом. Однако на более поздних стадиях жизни вступает в действие множество других агентов, таких как институты воспитания и образования, друзья, сверстники, средства массовой информации и т.п. [1, с. 37].

В социализирующую деятельность этих агентов в том или ином виде включается музыкальная культура с ее комплексным воздействием на человека. Она представляет собой не только определенный набор социальных институтов, но и своего рода инструмент, посредством которого различные агенты социализации оказывают воздействие на личность, осуществляя аксиологическую трансляцию. При этом музыкальное содержание имеет свои специфические ценности, соответствующие жанровой специфике музыки, и выступает транслятором общезначимых духовных и социокультурных ценностей общества, которые естественным образом встроены в музыкальную структуру.

Как отмечалось выше, семья является одним из основных социализирующих агентов, влияние которого начинается с первых дней человека и в определенной степени продолжается на протяжении всей его жизни. Можно сказать, что именно через семью человек получает свой первый опыт музыкального слушания, поскольку музыка уже с рождения включается в процесс приобщения ребенка к духовным и культурным ценностям через колыбельные. По мнению В.А. Сухомлинского, высокая музыка развивает ребенка умственно. Она отражает многие жизненные процессы, которые обогащают представления детей об обществе, природе, быте и традициях. Следовательно, формирование музыкального мышления, воображения, интересов, музыкальных вкусов способствует общему интеллектуальному развитию ребенка, а также его всестороннему духовному обогащению.

Другим важным агентом социализации в человеческой жизни является группа сверстников – компания людей примерно одного возраста со сходными интересами, взглядами, жизненными позициями [1, с. 37]. Приятельские группы, стремясь соответствовать принятым в базовой культуре сверстников стилю одежды и поведения, в то же время стремятся защитить свою автономию, ограничивая возможности присоединения к их группам другим людям и подчеркивая непохожесть своей компании на другие (слэнг, проведение досуга, особые элементы одежды, музыкальные и иные увлечения).

В процессе общения со сверстниками у молодого человека складываются определенные жизненные взгляды, он усваивает нормы и ценности, музыкальные предпочтения, которые распространены в данной группе. Это происходит, с одной стороны, из-за желания человека соответствовать значимой для него (референтной) группе, а с другой – вследствие идентификации и непосредственного отождествления себя с группой и некритического восприятия доминирующих в ней взглядов, отношений, норм. Таким образом, подросток может начинать слушать музыку специфического жанра (субкультурную музыку) или перенимать характерный стиль поведения еще до того, как он станет членом какой-либо молодежной субкультуры. Ко всему прочему, если группа подвергает сомнению значимость или достоверность какой-либо информации, полученной одним из ее членов, то чаще всего этот человек соглашается с мнением группы вследствие повышенного уровня внутригруппового конформизма (императив мнения большинства) и внушаемости [2, с. 72].

Влияние неформальной группы на самоопределение молодежи может проявляться по-разному. Так, член группы может проявлять свои интересы и, встречая понимание и поддержку со стороны приятелей, друзей, укрепляться в своих склонностях. Обмениваясь различной информацией в процессе взаимного осуществления тех или

иных практик, члены группы могут стимулировать возникновение у одного из них интереса к той сфере, которая раньше не привлекала его внимание. Однако в то же время общение в группе может деконструировать посредством механизма неформальных санкций уже имеющиеся у личности интересы, если эти интересы не соответствуют ценностной системе неформального сообщества.

Следует отметить, что рекреативные практики, реализуемые в группе сверстников, являются весьма противоречивыми. С одной стороны, в позитивно ориентированных группах рекреативное общение и деятельность (совместное прослушивание музыки, посещение концертов и т.п.) обладают не только содержательным, но и значимым воспитательным потенциалом. Общаясь в таких группах (субкультурах), молодежь стремится разрешить свои сомнения, утвердиться в верности собственных суждениях. С другой стороны, в некоторых молодежных группах (особенно в субкультурах) наблюдаются менее позитивные (прокрастинация, пассивность и др.) и даже деструктивные практики (курение, распитие алкогольных напитков и др.).

Факторы, определяющие музыку в качестве семантико-языковой системы коммуникации

Одним из принципиальных свойств той или иной социальной группы населения являются ее конкретные музыкальные предпочтения и музыкальная культура в целом, поскольку музыка, как отмечалось ранее, является значимой частью коммуникационного процесса (как внутригруппового, так и межгруппового). Также она является важным элементом социокультурной среды общества и оказывает непосредственное воздействие на процессы коммуникации. Часто под влиянием сверстников ребенок или подросток приобщается к какому-то музыкальному жанру, начинает слушать определенных исполнителей, формируя таким образом свои музыкальные предпочтения. Либо, уже имея определенные музыкальные пристрастия (поле музыкальных интересов), присоединяется к группе, где происходит идентификация и отбор (сознательно либо неосознанно) людей со схожими музыкальными вкусами (внешняя музыкальная коммуникация). Из этого следует, что в процессе социализации посредством воплощения коммуникативной функции музыки происходит дробление социокультурного пространства на группы по интересам (функция социального преобразования). Это, с одной стороны, способствует консолидации людей в определенные музыкальные сообщества, а с другой – дифференцирует различные сообщества.

В таких случаях музыка является своеобразным ядром формирования музыкальных субкультур. Каждая из них характеризуется своим специфическим стилем (набором норм, ценностей, способов поведения, манеры самовыражения и т.д.). И как следствие, человек, включенный в ту или иную музыкальную субкультуру, во многом перенимает их аксиологическую систему и стиль жизни в целом. Изменяется его мировоззрение, трансформируются взгляды, убеждения, принципы, меняется стиль одежды, вкусовые предпочтения, перестраиваются модели поведения и общения, т.е. происходит дальнейший процесс социализации в обход массовой культуры молодежи.

Немаловажная роль в этом процессе принадлежит средствам массовой информации и коммуникации, воздействие которых осуществляется на ребенка с самых ранних лет и впоследствии только усиливается. В связи с этим М.Ю. Долгушина отмечает: «Массовая коммуникация есть систематическое распространение информации (через печать, радио, телевидение, кино, звукозапись, видеозапись) с целью утверждения духовных ценностей данного общества, и оказания идеологического, политического, экономического или организационного воздействия на оценки, мнение и поведение людей» [3]. Музыкальное произведение в этом процессе выступает своего рода вспомога-

тельным средством (символьно-языковой системой), транслируя необходимую информацию в удобной для восприятия форме.

Таким образом, музыкальная культура того или иного общества оказывает существенное влияние на формирование и изменение ценностных ориентаций, предпочтений и стиль жизни молодых людей. Музыка способна дифференцировать и объединять социокультурное пространство, реализуя собственный коммуникативный потенциал. Более того, музыка в определенной степени воспринимается людьми по аналогии с речью. Она несет в себе определенную ценностную информацию и является семантико-языковой системой. Но в отличие от осмысленной речи эта информация передается через ассоциации в процессе эмоционального восприятия. Слушая музыку, человек воспринимает ритм и его перемены, начало, развитие и окончание музыкальной фразы, интонационную ситуацию и т.п. Это и дает основание для сравнения восприятия музыки с восприятием речи. Но главное отличие состоит в том, что каждый слушатель решает проблему восприятия музыки именно через ассоциативные ряды.

Как отмечалось выше, коммуникативная функция музыки связана с имманентным ей свойством являться семантическим ядром, способным к трансляции эмоций, чувств, норм, ценностей и т.д. При этом выделяются два коммуникационных вектора – внутренний и внешний. Внутренний – это микроуровень коммуникации; он обуславливается тем, что при прослушивании музыкального произведения человек рефлексировывает, экстраполирует музыкальное произведение на комплекс психо- и социообусловленных структур личности. Чаще всего большая часть данного процесса происходит неосознанно, рефлексивно, особенно если прослушивание музыки происходит на бытовом (рутинном) уровне. Это и есть микроуровень коммуникационного процесса, или внутренняя коммуникация.

Во внешнем векторе коммуникации можно выделить мезо-, макро- и мегауровни музыкальной коммуникации. Мезоуровень – это межличностная коммуникация; макроуровень – это коммуникация внутри определенного общества и межгрупповая коммуникация; мегауровень – это коммуникация между различными обществами. По мнению А. Шюца, музыка представляет собой такой смысловой контекст, который не привязан к понятийной схеме. Тем не менее этот смысловой контекст может передаваться в коммуникации. Процесс коммуникации между композитором и слушателем обычно требует посредника – индивидуального исполнителя или группы соисполнителей. Всех этих участников связывают социальные отношения, имеющие весьма сложную и запутанную структуру [4, с. 76–97].

В настоящее время отмечается усиление роли музыки в качестве языка непосредственной социальной коммуникации. Это непростой и многоуровневый процесс, так как особенности потребления музыки детерминируются широким спектром обстоятельств. Среди них глобализационные и общемировые интеграционные процессы, которые способствуют тому, что произведения музыкального искусства становятся всепроникающими или трансмедийными (мегауровень) [3]. Но в этом процессе существуют и свои особенности. Социальное положение, уровень образованности, интересы, воспитание, межличностные отношения, характер занятости могут дифференцировать музыкальные предпочтения населения, расширять или ограничивать доступ к освоению и потреблению музыкальных произведений.

Таким образом, музыка в контексте социализации воплощает в себе все типы коммуникативного взаимодействия:

- 1) внутренний вектор – интраперсональную коммуникацию (микроуровень);
- 2) внешний вектор – межличностную коммуникацию (мезоуровень); внутригрупповую и межгрупповую коммуникации (макроуровень); массовую коммуникацию (мегауровень) [5].

Специфика коммуникационного взаимодействия «исполнитель – публика»

Принципиально значимой для анализа является и такая ипостась современной молодежи в модели непосредственного социального взаимодействия, как публика на концерте. По мнению А.Н. Сохора, термин «публика» имеет по меньшей мере два полярных определения. В широком значении публика – это все люди, которые интересуются музыкой и слушают ее. В тех условиях, когда интерес людей к музыке удовлетворяется только с помощью традиционных средств ее распространения (концерт, спектакль и т.п.), приходится делить публику в целом на потенциальную (интересующуюся музыкой, но не слушающую ее систематически) и актуальную.

Публика в узком смысле – это публика события, т.е. аудитория одного конкретного концерта, музыкального представления или спектакля. Между этими крайними точками располагаются остальные количественные разновидности: публика цикла событий (фестиваля, конкурса, концертного или театрального абонемента); публика произведения, исполнителя (солиста, дирижера, коллектива), композитора, жанра (серьезной музыки в целом или отдельно оперы, симфонии и т.д.; легкой музыки в целом или отдельно эстрадной песни, джаза и т.д.; фольклора); публика конкретного учреждения (данной филармонии, данного оперного театра и т.п.) и всего социомызыкального института (филармонии как таковой, оперного театра как такового, массовых аудиовизуальных средств) [6, с. 178].

Таким образом, музыкальную публику можно определить как кратковременное собрание людей для совместного времяпровождения в связи с каким-то музыкальным мероприятием. Часто публика является заранее планируемым и относительно структурированным собранием людей. Несмотря на то, что публика является одной из форм стихийной группы, элемент стихийности выражен в ней слабее, чем в толпе, и она более управляема. По мнению А.В. Костиной, на поведение индивидов, составляющих публику, определенным образом влияют заранее установленные социальные нормы, принятые в данном типе организации зрелищ [7, с. 87].

Во взятой для рассмотрения коммуникационной модели можно обнаружить наличие двух форм взаимодействия.

Первая – между индивидами, составляющими публику. Это выражается как в вербальном общении (до, во время и после концерта), так и эмоциональном единении, вызываемым чувством причастности к одному мероприятию. Происходит своеобразный обмен информацией и эмоциями между слушателями.

Вторая – между слушателями (публикой) и исполнителем (композитором). Данная модель была теоретически проанализирована и описана А. Шюцем в работе «Совместное сотворение музыки». По мнению ученого, социальное отношение между композитором и воспринимающим устанавливается исключительно тем фактом, что воспринимающий музыкальное произведение участвует и тем самым в какой-то степени воссоздает переживания другого (пусть даже и анонимного) человека, который создал это произведение не только как выражение своих музыкальных мыслей, но и с некоторым коммуникативным намерением [4, с. 76–97].

Таким образом, та крайняя чувственность и экспрессия, которая может наблюдаться на концертах среди слушателей, объясняется тем, что публика и композитор (исполнитель) отчасти становятся соучастниками развертывания музыкального произведения, они вместе переживают начало, развитие и конец композиции. Такое сотворение музыки, помноженное на «эффект толпы», многократно усиливает общий уровень эмоциональности воспринимаемого материала.

В данном контексте стоит обратить внимание на специфичную роль исполнителя. В отличие от композитора, исполнитель или коллектив исполнителей (музыкальная группа) осуществляют не только процесс непосредственного (механического) музы-

кального воспроизводства, но и процесс трансляции визуальной информации посредством своего внешнего вида (имиджа) и стиля поведения на сцене. Ко всему этому следует добавить возросшую популярность песенных музыкальных жанров, где особое значение в процессе музыкальной коммуникации приобретает текст.

Таким образом, обозначенная модель взаимодействия публики и исполнителя: музыка, внешняя ее презентация и текст – структурно определяет особенность подобного взаимодействия в молодежной (особенно в субкультурной) среде. Общность полей музыкальных интересов объединяют фанатов или любителей конкретного музыкального жанра на соответствующем концерте, где имиджево распространен определенный внешний вид («субкультурная мода»), способствующий еще большей ситуативной консолидации представителей субкультуры в публику события. Исполнитель транслирует ценностно значимое для фанатов музыкальное произведение, состоящее из непосредственно музыки, внешнего образа или подачи и текста, которые вызывают в слушателе эмоциональные переживания, усиленные ощущением сопричастности к развертыванию музыкальной композиции. В свою очередь, слушательская аудитория также оказывает воздействие на исполнителя посредством выражения своих эмоций. Это отражается в таких действиях, как аплодисменты, подпевание, повторение движений исполнителя и т.п.

В песенных музыкальных жанрах (шансон, соул, рок) голос наравне с музыкальной формой является одним из основных способов музыкальной коммуникации. Ритм, темп, голосовая интонация одновременно с инструментальным сопровождением представляют собой комплекс факторов, оказывающих существенное влияние на слушателя. Однако помимо мелодики голоса не менее важной составляющей является текст произведения. Текст призван конкретизировать семантический посыл музыкального произведения, наполняя его непосредственным смысловым содержанием, выраженным через логос. Можно сказать, что таким образом музыкальный продукт обретает свойство «адресности», т.е. точности воздействия на потребителя. Это свойство наиболее активно стало проявляться в период зарождения и развития капиталистических отношений вместе с формированием музыкальной индустрии шоу-бизнеса.

На сегодняшний день благодаря средствам массовой информации имидж исполнителя является одним из наиболее эффективных способов сообщений о музыкальном продукте. В то же время система средств массовой коммуникации способна влиять на ценностные установки и потребности человека, что может приводить к трансформации духовной культуры. Интерес молодых людей к образу исполнителя, желание идентифицировать себя с ним, подражать его манерам общения и поведения, жизненным позициям, стилю жизни и вкусам актуализировали необходимость более детального рассмотрения имиджа музыкального исполнителя в качестве составляющей коммуникационного процесса между артистом и слушателем, оказывающей значительное влияние на формирование музыкальной культуры молодых людей.

Влияние имиджа музыкальных кумиров на ценностные ориентации и социальное поведение подростков рассматривал В.В. Белобрагин [8]. В ходе эмпирического исследования было установлено, что 80 % опрошенных подростков имеют одного или нескольких музыкальных кумиров, а подражают музыкальному кумиру 30–53 % подростков. Выступая фактором социализации и компонентом коммуникации, имидж исполнителя является образцом для подражания и познания окружающего мира.

Таким образом, в сфере массовой коммуникации имидж исполнителя отражает различие двух его реальностей (как частного и публичного лица), а массовый слушатель, не имея личных контактов с ним, формирует свое мнение об исполнителе, основываясь на его имидже. Выступая источником информации, имидж исполнителя представляет собой инструмент воздействия на массовое сознание, который выполняет дол-

говременную коммуникативную роль для достижения популярности, завоевания внимания, поддержания интереса к своей личности [9].

Являясь символическим аспектом социального взаимодействия и инструментом самопрезентации, имидж исполнителя как продукт театрализованного взаимодействия задает определенную линию коммуникационного процесса, расширяет содержательную сторону музыкального произведения. Имидж музыкального исполнителя представляет собой сконструированный образ, побуждающий к определенной музыкальной деятельности, которая, в свою очередь, влияет на формирование музыкальной культуры молодых людей. Как правило, в процессе подобного коммуникационного взаимодействия (визуальная презентация посредством имиджа и манеры поведения на сцене) исполнитель для зрителя/слушателя становится специфическим собирательным образом, ценностно значимым в данном контексте и для данного музыкального жанра, на который осознанно или нет фанаты стараются равняться. Данный механизм демонстрирует один из тех способов, которым массовая культура активно распространяет модели поведения, необходимые для поддержания молодежного внимания на продуктах массового и символического потребления.

Заключение

Таким образом, анализ специфики современной музыкальной коммуникации как составного элемента в общем процессе молодежной социализации показывает, что музыкальная коммуникация в группе сверстников создает разнообразные условия для самореализации своим членам уже потому, что их общение нередко отличается культурной, социальной и психологической многовекторностью. Факт включенности молодого человека в группу сверстников помогает ему ощутить собственную значимость, причастность в социальном пространстве.

Учитывая, что музыка в определенной степени воспринимается людьми по аналогии с речью, она несет в себе ценностную информацию и, по сути, является семантико-языковой системой. Но в отличие от осмысленной речи эта информация передается через ассоциации в процессе эмоционального восприятия. Поэтому коммуникативная функция музыки связана с имманентным ей свойством быть семантическим ядром, способным к трансляции эмоций, чувств, норм, ценностей и т.д. В связи с этим особенно актуален вопрос о значении роли исполнителя в процессе его музыкальной коммуникации с публикой. Так, исполнитель, презентуя ценностно значимое для слушателей музыкальное произведение (состоящее из музыки, внешнего образа и текста), стимулирует в последнем различного рода эмоциональные переживания, которые закономерно усиливаются ощущением сопричастности к развертыванию музыкальной композиции. Таким образом, следует отметить, что музыка оказывает социализирующее воздействие на личность в процессе не только прямого слушания музыкального содержания, но и последующего музыкального воспроизводства. Молодежь способна в своих творческих практиках реконструировать музыку и тем самым актуализировать ее ценностное содержание.

Одновременно с этим музыка является составной частью социокультурной среды, с которой человек соотносит свои личностные характеристики и стремления. В результате музыкальный продукт приспособляется к потребностям молодежи, а молодежь вследствие восприятия музыкального продукта усваивает транслируемые музыкой культурные образцы, приспособляясь к ней.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гидденс, Э. Социология : пер. с англ. / Э. Гидденс ; при участии К. Бердсолл. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
2. Целикова, В. В. Психологические механизмы влияния на личность в культе / В. В. Целикова // Журн. практ. психолога. – 1996. – № 5. – С. 71–75.
3. Долгушина, М. Ю. Музыкальная культура в СМИ [Электронный ресурс] / М. Ю. Долгушина // Аналитика культурологии. – 2005. – Вып. 1 (3). – Режим доступа: <http://analiculturolog.ru/component/k2/item/119-musical-culture-in-the-media.html>. – Дата доступа: 03.03.2014.
4. Schutz, A. Making Music Together: A Study in Social Relationship / A. Schutz. – New York : Social Research, 1951. – 133 p.
5. Корженко, А. Л. Молодежная субкультура как альтернативная форма социализации личности в юношеском возрасте / А. Л. Корженко // Социология образования. – 2010. – № 7. – С. 93–94.
6. Сохор, А. Н. Социология и музыкальная культура / А. Н. Сохор. – М. : Совет. композитор, 1975. – 208 с.
7. Костина, А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества / А. В. Костина. – М. : ЛКИ, 2008. – 352 с.
8. Белобрагин, В. В. Половозрастные различия восприятия подростками имиджа музыкальных кумиров : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / В. В. Белобрагин ; Моск. гос. соц. ун-т. – М., 2005. – 18 с.
9. Макурина, О. А. Имидж «звезды» и «звездное» интервью / О. А. Макурина // Ярослав. пед. вестн. – 2006. – № 2. – С. 27–29.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.06.2018

Shevko R.V. Specificity of music Communication in the Youth Environment

The article analyzes the process of musical communication as a socializing element in society, as well as a way of inter- and intra-group interaction of modern youth. The role of the family, peers and the informal group, as well as the media in the formation of musical preferences in the process of intrapersonal, interpersonal and inter-group communication was separately examined. Music is considered as a semantic-linguistic system of communication, which facilitates the transmission of both universally valid social values and specific subcultural ones. As a fundamentally important element of the process of musical communication, the interaction system «performer-audience» is presented, where the significance of the artist's appearance (image, subcultural fashion) is actualized. Also, the importance of the song text as a way of concretizing the semantic content of a musical composition is analyzed too.

УДК 314.74

Б. Скочиньска-Прокопович*PhD (соціологія), універсітэт г. Жешув (Польша)*e-mail: a.b.prokopowicz@gmail.com**СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА ПОДКАРПАТЬЯ**

Рассматриваются социальные последствия трудовой миграции для детей из семей трудовых мигрантов. Приводятся результаты опроса студенческой молодежи Подкарпатского региона о миграционных планах в условиях активизации миграционных процессов после вступления Польши в Европейский союз. Дается описание социально-экономической и демографической ситуации в Подкарпатском регионе как иллюстрация комплекса причин, которые сделали внешней трудовой миграцию наиболее распространенным способом решения экономических проблем. Особое внимание уделяется проблеме «евросиротства», девиантного поведения в среде детей трудовых мигрантов, а также стремлению молодежи при очевидных для нее отрицательных последствиях трудовой миграции к выезду за границу.

Введение

Миграция в последнее время – явление повсеместное. Миграция населения может быть как спонтанной, так и продуманной, т.е. спланированной и подготовленной заранее. Классификация миграции требует применения сравнительного методологического подхода к исследованию, позволяющего наблюдать латентные признаки данного явления. Цель работы – проследить, как складывается современная ситуация активной внешней трудовой миграции на детей мигрантов, а также на молодых людях, живущих в «эпоху миграции». Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- 1) проследить причины восприимчивости молодежи к миграции;
- 2) изучить данные по проблеме «евросиротства»;
- 3) выяснить мнение студенческой молодежи о явлении миграции и ее миграционных планах.

Подкарпатье (Подкарпатское воеводство) – регион на юго-востоке Польши, граничащий с Украиной и со Словакией. Оно занимает площадь 17 900 км², что составляет 5,7 % от площади страны [1]. Хозяйство воеводства имеет агропромышленный характер. В период, называемый галицийским, регион включал в себя Западную Галицию со столицей в Кракове и Восточную Галицию со столицей во Львове [2, s. 14]. В это время Подкарпатской регион находился между развивающимися Львовом и Краковом. Слишком большое расстояние между этими центрами развития означало, что сами области составляли периферию. Почти ничего не изменилось и за все время Второй Речи Посполитой: сохранялся социально-экономический спад, бедность, перенаселенность деревень, цивилизационная отсталость, экономическая стагнация. В межвоенный период регион Подкарпатье именовался Центральной Малой Польшей. Межвоенное двадцатилетие привело, с одной стороны, к отсутствию городских агломераций, а с другой – к избытку человеческих ресурсов в галицийской деревне [2, s. 15]. Важным событием для послевоенного Подкарпатского региона стала индустриализация региона как части Центрального промышленного района. В этот период, несмотря на отсутствие улучшения условий жизни населения, началась модернизация территории, социальное и цивилизационное развитие ее жителей. С 1949 по 1955 г. был реализован шестилетний план по развитию региональной промышленности за счет создания крупных промышленных центров в Транобржеге, Санокке, Кросно, Мычковцах [2, s. 16]. Послевоенная индустри-

ализация (развитие промышленности и агропродовольственной переработки) способствовала урбанизации и повышению качества жизни населения Подкарпатя.

XXI в. принес с собой значительные изменения. В 2005–2009 гг. в Подкарпатском воеводстве повысился уровень инновационности предприятий, улучшилась ситуация на рынке труда, к лучшему изменились условия жизни населения [3]. Польша присоединилась и к осуществлению одной из важнейших политических мер Европейского Сообщества – политике сплочения, которая направлена на содействие гармоничному развитию всей территории Сообщества, а также на снижение диспропорций уровня развития с последующим укреплением экономической, социальной и территориальной сплоченности его регионов.

Вместе с тем программы по улучшению социально-экономического положения региона не приводят, вопреки ожиданиям, к ослаблению потоков миграции. После того как Польша стала членом Европейского союза, Подкарпатье было одним из беднейших регионов ЕС: ВВП на душу населения составляло 33 % к среднему показателю по ЕС. В денежном выражении ВВП на душу населения в Подкарпатском воеводстве составляло 16 800 злотых (Мазовецком – 36 300 злотых) [2, s. 19–20].

Население Подкарпатя характеризуется довольно высоким уровнем естественного прироста: в 2010 г. этот показатель составлял 1,8 на 1 000 человек и значительно превышал национальный (0,9). В течение 2012 г. население воеводства увеличилось на 1 264 человека (в Польше население сократилось на 5 148 человек) [2, s. 19–20].

Замедление темпов экономического развития вместе с положительным естественным приростом населения подталкивает население региона к внешней миграции. После присоединения к Европейскому союзу жители Польши получили большую свободу миграции и трудоустройства в странах Сообщества. Для Подкарпатского воеводства миграционный баланс оставался отрицательным: самое высокое значение было отмечено в 2006 г. и составило –3 990 человек, а самое низкое – в 1999 г. (–1 579 человек). В 2004 г. население Подкарпатского воеводства было на 3 000 человек меньше, чем в 2000 г. Причиной тому стала миграция населения в поисках лучших условий труда и жизни. В 2010 г. отток населения составил 21 400 человек, что на 773 человека больше, чем в 2009 г. В 2012 г. отток населения составил 20 100 человек – на 1 722 меньше, чем в 2011 г. [2, s. 19–20].

Исследования безработицы, проведенные в 2010 г. в Подкарпатском воеводстве, показали, что для большинства респондентов причиной выезда за границу была работа. В частности, мужчины, которые преобладают в группе мигрантов, уезжают, желая обеспечить своей семье достойное существование. Исследования, охватившие 1 099 домохозяйств Подкарпатя, показали, что в 179 семьях были люди, которые выехали за границу. Самой многочисленной группой оказались домохозяйства, в которых один член семьи пребывал за пределами Польши, еще в 30 родные места покинули по два человека. Исследования также показали, что каждый шестой взрослый из числа изученных домохозяйств ищет работу за пределами страны [2, s. 112].

Трудовая миграция влечет за собой серьезные последствия для Подкарпатского региона Польши. На первый план выступают проблемы, касающиеся экономики региона и ситуации на рынке труда. Отток жителей становится более чувствительным, когда регион начинают покидать специалисты, чьи профессии востребованы предпринимателями [4, s. 105]. Трудовая миграция, тем не менее, остается привлекательной для взрослого населения, поскольку возможность зарабатывать деньги вдали от дома позволяет многим членам местного сообщества повысить уровень жизни. Это проявляется главным образом в интенсивно развивающемся односемейном строительстве, ремонте домов и покупке новых автомобилей.

Явление миграции оборачивается негативными последствиями не только в хозяйственно-экономической, но и в социальной сфере. Массовая миграция неблагоприятно влияет и на демографическое и региональное развитие. Большие агломерации прирастают за счет притока молодой рабочей силы, в то время как небольшие города, типичные для Подкарпатья, стареют [4, s. 113]. Миграция также имеет негативные последствия для семей, где частое отсутствие одного из членов семьи приводит к тому, что в них нет детей, или разводу. Отъезд отдельных членов семьи создает ощущение одиночества, тоски, опасения за будущее и у тех, кто уехал, и у тех, кто остается на месте [4, s. 115].

С миграцией связана еще одна проблема – т.н. феномен евросиротства. «Евросирота» – это ребенок, воспитываемый как минимум без одного из родителей, который выехал за границу на заработки. Евросиротством мы называем такую ситуацию, в которой несовершеннолетний проживает без одного или обоих родителей, покинувших страну в поисках работы. Это явление классифицируется как одна из категорий социального сиротства. Проблема евросиротства затрагивает каждого пятого ребенка в Польше [5].

Совет по образованию в Подкарпатском воеводстве провел исследование масштабов проблемы евросиротства в начальных, средних и старших школах. Во всех типах школ число учеников, чьи родители выехали за границу, составляет 25 939. У 1 540 детей за рубеж выехали и отец, и мать. Проблемы, связанные с потенциальным выездом хотя бы одного родителя за границу, отмечают 93 % участников исследования в начальной школе, 96 % в средней школе и 98 % в старшей школе. Исследование показало, что в начальной школе число детей, у которых один родитель находится за границей, составляет 12 871, у 607 учеников выехали оба родителя. В средней школе количество учеников, у которых за границу выехал один из родителей, составляет 7 592, у 478 – выехали оба родителя. В старшей школе одного из родителей лишены 5 476 учеников, а обоих – 455 подростков.

Явление, описанное выше, вызывает беспокойство уже сейчас, а в будущем проблема евросиротства, возможно, станет только острее. Социологические исследования показывают, что учащиеся средних школ в Подкарпатском воеводстве по-разному оценивают, насколько они удовлетворены тем, что они живут в определенной местности. На вопрос «Является ли то место, где ты живешь, хорошим для жизни?» почти половина респондентов – 47,4 % ответили утвердительно (32,7 % – «скорее да» и 14,7 % – «определенно да»). Каждый третий ученик (31,4 %) недоволен тем местом, где он живет (22,0 % «скорее недоволен» и 9,4 % «определенно недоволен»). 21,2 % опрошенных не дали однозначного ответа.

Таким образом, можно констатировать, что молодежь недовольна тем местом, где живет [6]. Молодые люди не хотят оставаться там, где родились, поэтому сохраняется опасность массовой миграции из Подкарпатского региона. Во время опроса ученикам был задан прямой вопрос: «Хотел бы ты в будущем остаться в том месте, где родился, или предпочел бы жить где-нибудь еще?». Более половины респондентов (55,3 %) указали, что намерены уехать, каждый четвертый респондент (28,8 %) не имеет определенного мнения по этому вопросу, и только 15,8 % опрошенных указали, что не намерены покидать место, где в настоящее время живут [6].

Автор статьи также провела самостоятельное исследование, в котором приняли участие 284 человека. Респонденты высказались по проблемам трудовой миграции, которую они наблюдали в своем окружении, а также сделали прогнозы о своих профессиональных и семейных планах с точки зрения пребывания в стране или выезда из нее. Подавляющее большинство опрошенных составили молодые женщины, что было обусловлено спецификой направлений, по которым обучались респонденты (факультеты

управления и социальной работы). Большинство респондентов – молодые люди в возрасте до 25 лет, старше 26 лет – 10 %.

Более 80 % респондентов знают кого-то из своего ближайшего окружения, кто эмигрировал за границу в поисках работы. По мнению опрошенных студентов, наиболее распространенной причиной миграции является отсутствие возможности найти работу в Польше (почти 90 % ответов). Не менее важным фактором является необходимость зарабатывать больше денег для обеспечения достойной жизни.

Таблица 1. – Мнение студентов о причинах миграции из Подкарпатского региона

Причина миграции	Количество	%
Отсутствие работы	246	86,6
Возможность больших доходов	219	77,1
Удовлетворение потребностей семьи	141	49,6
Желание изменить жизнь	66	23,2
Работа со всеми гарантиями	32	11,3

Примечание – сумма может превышать 100 %, поскольку можно было выбрать несколько ответов.

Отсутствие работы в стране для людей со средним уровнем образования является основной причиной выезда за границу. Аналогичные ответы были также предоставлены респондентами с высшим образованием. Интересно, что чем выше уровень образования, тем ниже процент указания причин миграции из страны.

Респонденты, в кругу общения которых есть люди, выехавшие за границу в экономических целях, одобряют жизнь вдали от семьи (79,5 %). Одобрение высказали также те респонденты, которые не имеют знакомых эмигрантов. Чаще противниками миграции были те опрошенные, которые не знали людей, эмигрировавших по экономическим причинам, а также те, кто утверждал, что семья не может существовать в таком виде (13,3 %). Бесспорно, основной причиной трудовой миграции остается то, что это улучшает финансовое положение польских семей. Такой ответ дали 260 человек, или 91,5 % респондентов.

Миграция члена семьи не может не влиять на брак и отношения между ближайшими родственниками (таблица 2).

Таблица 2. – Мнение о влиянии миграции на семейно-брачные отношения

Варианты ответов	Количество	%
Супруги отдаляются друг от друга	218	76,8
Миграция учит доверию	89	31,3
Дает возможность для измены	88	31,0
Возможность найти другого партнера	73	25,7
Учит самостоятельности	61	21,5
Приводит к разводу	54	19,0
Расстояние сплачивает семью	26	9,2

Примечание – сумма может превышать 100 %, поскольку можно было выбрать несколько ответов.

Анализируя полученные результаты, можно утверждать, что, по мнению респондентов, трудовая миграция не способствует поддержанию и укреплению семейных связей и представляет угрозу для брака.

Огромная проблема, связанная с феноменом трудовой миграции, – это дети, которые остаются в стране без родительского присмотра. По мнению респондентов, дети, находящиеся вдали от своих родителей, конечно, чувствуют себя покинутыми, но в большинстве своем одобряют миграцию отца или матери, потому что получают выгоду от улучшения материальных условий.

Таблица 3. – Оценка влияния миграции на положение детей в семьях мигрантов

Варианты ответов	Количество	%
Дети чувствуют себя покинутым	136	47,9
Дети живут в лучших материальных условиях	122	43,0
Дети одобряют решение родителя о выезде	72	25,4
У детей появляются проблемы в школе	66	23,2
Дети мотивированы к изучению иностранного языка	30	10,6
Дети стыдятся эмиграции родителя	16	5,6
Дети мотивированы к обучению	7	2,5

Примечание – сумма может превышать 100 %, поскольку можно было выбрать несколько ответов.

Каждый пятый респондент считает, что, несмотря на выезд за границу, родители заботятся о ребенке (56 человек, или 19,7 %). Однако подавляющее большинство опрошенных (231 человек, или 81,3 %) осознают, что полноценно исполняет свои родительские обязанности только тот из родителей, кто остался в стране. Половина респондентов (146 человек, или 51,4 %) считают, что отъезд родителей влияет на будущее ребенка – его взрослую жизнь. Как следствие трудовой миграции родителей наиболее часто упоминается такой фактор, как повторение детьми нынешней семейной модели в их взрослой жизни. Серьезным последствием для ребенка из семьи мигранта является также отсутствие примера брачных отношений и родительства. Ребенок не видит, как должна функционировать в повседневной жизни полноценная семья. Результатом этого, как правило, являются возникающие в будущем проблемы с созданием прочного союза. Часть респондентов отмечают и положительное влияние миграции на детей. Они считают, что такая жизненная ситуация учит ребенка быть более независимым и самостоятельным, а средства, заработанные родителями, помогут ему в жизни.

Таблица 4. – Мнения респондентов об обосновании детьми миграции родителей

Обоснование	Количество	%
Ребенок считает, что миграция – единственный выход для получения работы	32	21,9
У ребенка нет хорошего примера в семье	16	11,0
Дети более самостоятельные	12	8,2
Родители не могут заметить всех проблем ребенка	9	6,2
Оба родителя одинаково важны	8	5,5
Чрезмерная подверженность влиянию ровесников	6	4,1
У ребенка будут средства на образование	3	2,1
Зависит от возраста ребенка	1	0,7
Не знаю	59	40,4

Примечание – представлены ответы группы из 146 человек, которые на вопрос о влиянии миграции родителей на взрослую жизнь ребенка ответили утвердительно.

Чем выше уровень образования респондентов, тем чаще они упоминают проблемы детей в школе из-за отъезда родителя за границу. По мнению опрошенных с более высоким уровнем образования, такие дети пользуются преимуществами, поскольку в их распоряжении больше денег. Чем ниже уровень их образования, тем чаще респонденты указывают, с одной стороны, на то, что ребенок стыдится миграции родителя, а с другой – на то, что ребенок ее одобряет.

Еще один блок исследования был посвящен изучению планов на будущее участников опроса. Половина респондентов (145 человек, или 51,1 %) рассматривает возможность выезда за границу, например, после окончания учебы. Основным мотивом

возможной миграции является отсутствие веры в возможность найти работу в Польше (почти две трети приводят этот аргумент). Часть респондентов считают, что, только работая за рубежом, они смогут повысить уровень своей жизни и стать независимыми (например, купить квартиру). 10 % опрошенных не смогли мотивировать свои планы.

Таблица 5. – Обоснование опрошенными возможной миграции

Ответы	Количество	%
Получение работы	86	59,3
Повышение уровня жизни	34	23,4
Обретение самостоятельности	10	6,9
Не имею работы в Польше	1	0,7
Имею кого-либо близкого за границей	1	0,7
Не знаю	13	9,0

Люди, которые определенно не планируют в будущем проживать за границей, обычно не хотят отдаляться от семьи или уже нашли приемлемую работу в Польше. Более половины таких респондентов не могут обосновать своего негативного отношения к выезду за границу на заработки.

Таблица 6. – Обоснование опрошенными нежелания мигрировать

Ответы	Количество	%
Не хочу покидать семью	23	21,3
Рассматриваю только сезонные выезды (практику)	11	10,2
У меня здесь стабильная ситуация	8	7,4
Я патриот	6	5,6
У меня здесь есть работа	5	4,6
Не знаю	55	50,9

Более половины из тех, кто планирует покинуть страну, уже предприняли некоторые шаги в этом направлении: они изучают иностранный язык на курсах (21,4 %), обучаясь какой-нибудь профессии (9 %).

Респондентам также было предложено указать факторы, которые они ассоциируют с выездом за границу на заработки (таблица 7). Анализируя полученные результаты, можно утверждать, что респонденты выявили преобладание положительного имиджа миграции (возможно, по причине молодого возраста большинства участников опроса). В первую очередь респонденты указывали на возможность получения материальных средств, а также на приобретение опыта и независимости.

Таблица 7. – Последствия рабочей миграции

Ответы	Количество	%
Возможность заработать на жилье	197	69,4
Опыт самостоятельной жизни	176	62,0
Разрыв семейных связей	131	46,1
Возможность новых знакомств	107	37,7
Возможность повышения квалификации	94	33,1
Потеря связи с друзьями	91	32,0
Возможность постоянной гарантированной работы	57	20,1
Разрыв соседских связей	36	12,7

Примечание – сумма может превышать 100 %, поскольку можно было выбрать несколько ответов.

Проведенные исследования показывают, что 48,9 %, молодых людей посещают языковые курсы, намереваясь использовать иностранный язык во время миграции. Самым популярным иностранным языком среди академической молодежи является английский. Практически 3/4 участников опроса (206 человек, или 72,5 %) хотят владеть им на самом высоком уровне.

Каждый третий респондент обладает информацией о возможностях получения языкового сертификата (103 человека, или 36,3 %), хотя лишь некоторые из них смогли указать конкретные способы прохождения такого экзамена. Примерно половина респондентов (136 человек, или 47,9 %) планируют сдавать экзамен, позволяющий получить языковой сертификат. Примерно столько же (133 человека, или 46,8%) не думают о таком экзамене.

Заключение

Причины актуальности для молодежи вопросов миграции следует усматривать в замедлении темпов экономического роста в Подкарпатском регионе Польши в условиях роста численности населения и прозрачности границ с ЕС, где молодые специалисты могут получать гораздо большее вознаграждение за свой труд. Опросы молодежи свидетельствуют, что, даже не начав трудового пути, молодые люди с тревогой смотрят на ситуацию с будущей занятостью в своей стране. Более 80 % респондентов знают кого-то из своего ближайшего окружения, кто эмигрировал в поисках работы за границей. По мнению опрошенных студентов, наиболее распространенной причиной эмиграции является невозможность найти работу в стране (почти 90 % ответов). Не менее важным фактором является необходимость зарабатывать больше денег (по сравнению с Польшей) для обеспечения достойной жизни.

Респонденты отмечают, что в семьях одобряют решение о выезде за границу на заработки. Бесспорный аргумент в пользу такого решения: трудовая миграция улучшает финансовое положение польских семей. Такой ответ дали почти все респонденты.

Миграция члена семьи, безусловно, влияет на брак и отношения между ближайшими родственниками: не способствует поддержанию семейных связей и представляет угрозу для брака.

Огромная проблема, связанная с феноменом трудовой миграции, – это «евросироты», дети, оставшиеся в стране без родительского присмотра. По мнению респондентов, находясь вдали от родителей дети, чувствуют себя покинутыми самыми близкими людьми. Однако в большинстве дети одобряют решение об эмиграции родителя, поскольку видят в этом источник улучшения материальных условий. Каждый пятый респондент считает, что, несмотря на выезд за границу, родители заботятся о ребенке. Но подавляющее большинство опрошенных убеждены, что полноценно осуществляет родительские обязанности только тот из родителей, кто остался в стране.

Половина респондентов считают, что отъезд родителей влияет на будущее ребенка, его взрослую жизнь. Одно из последствий трудовой миграции родителей, наиболее часто упоминаемых респондентами, – это повторение детьми во взрослой жизни их актуальной семейной модели. Серьезным последствием для ребенка из семьи мигранта является также отсутствие примера брачных отношений и родительства: ребенок не видит, как должна функционировать в повседневной жизни полноценная семья. В результате – проблемы с созданием собственной прочной семьи.

Часть респондентов отмечают положительное влияние миграции на детей. Они считают, что такая жизненная ситуация учит ребенка быть более независимым, а также дает ему средства, «стартовый капитал», для успешного начала самостоятельной жизни.

Социологические опросы и статистика показывают, что с течением времени проблема «евросиротства» будет только углубляться, переходя в ранг привычных, а по-

тому скрытых явлений. Прогулы в школе, ухудшение результатов учебы, отказ от занятий в школе, раннее знакомство детей алкоголем и наркотиками, интенсивное воздействие патологической среды на несовершеннолетнего – вот некоторые плоды «евросиротства» и вытекающего из него отсутствия полноценной родительской опеки.

Студенческая молодежь осознает многие негативные социальные эффекты трудовой миграции, но это не отталкивает ее от собственных миграционных планов. Данные опросов говорят о том, что у молодежи сложился положительный образ внешней трудовой миграции, что выезд на заработки и возможное переселение в другую страну на постоянное место жительства не только не пугают молодых людей, но и рассматривается ими как возможность хорошего старта в жизни, успешной карьеры и заработка.

Следует отметить, что речь идет как раз о студентах, т.е. будущих квалифицированных специалистах, которые, очевидно, будут претендовать на рабочие места, требующие высокого уровня образования. Примерно половина молодых людей готовится изменить подобным образом свою жизнь. Демографическая перспектива и будущее положение на внутреннем рынке труда вызывают в связи с этим определенные опасения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Zawada, A. Ogólna charakterystyka geograficzno-gospodarcza Województwa Podkarpackiego [Elektronowy zasób] / A. Zawada. – Reżim dostępu: <http://www.wios.rzeszow.pl/pl/1,60,170,242,246/2/>. – Data dostępu: 28.07.2014.
2. Społeczeństwo polskie w procesie zmian. Podkarpatie na tle kraju / pod red. S. Soleckiego. – Rzeszów : Uniw. Rzeszowski, 2011. – 308 s.
3. Województwo Podkarpackie na tle regionów Unii Europejskiej w latach 2005–2009 [Elektronowy zasób]. – Reżim dostępu: http://www.stat.gov.pl/cps/rde/xbcr/rzesz/ASSETS_-publikacja_UNIA.pdf. – Data dostępu: 28.07.2014.
4. Trajektorie migracyjne Województwa Podkarpackiego [Elektronowy zasób]. – Reżim dostępu: http://pokl.wuprzeszow.pl/cms/upload/edit/file/2010/RAPORTY_projekty%20badawcze/Ra. – Data dostępu: 21.08.2014.
5. Patologie eurosieroctwa [Elektronowy zasób]. – Reżim dostępu: http://www.ksiegarnia.difin.pl/imgs_upload/Patologie%20eurosieroctwa-fragme-nt.pdf. – Data dostępu: 21.08.2014.
6. Trajektorie migracyjne Województwa Podkarpackiego: raport z badania uczniów szkół ponadpodstawowych [Elektronowy zasób]. – Reżim dostępu: <http://www.pracapodkarpackie.pl/zalaczniki/533/Raport%20z%20uczni%C3%B3w%20%20wersja%20ostateczna.pdf>. – Data dostępu: 21.08.2014.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.09.2018

Skoczyńska-Prokopowicz B. Social Consequences of Labor Migration for Children and Youth from Podkarpatie Region

The article represents the social consequences of labor migration for children from families of labor migrants. The results of the author's own research on this, as well as the migration plans of the student youth from the Podkarpatie region in the context of activation of migration processes after Poland's accession to the EU are presented. Among the social consequences of migration, special attention is paid to the problem of euro-yardship, deviant behavior among the children of labor migrants, as well as to the desire of young people, despite the obvious negative social consequences of labor migration, to travel abroad for work.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
- звесткі пра аўтара (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс выкарыстанай літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнаасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацый артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, афармленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *К.М. Мароз, Л.М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 26.11.2018. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.

Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 19,30. Ул.-выд. арк. 15,26.

Тыраж 100 экз. Заказ № 456.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,

распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.